

Университет «Туран-Астана»

У.Ж. АЛИЕВ

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Учебное пособие

для магистрантов и докторантов

Нур-Султан

2019

УДК 330(075.8)

ББК 65.01я73

А 50

Рец

Алшанов Р.А., доктор экономических наук, профессор

Корняков В.И., доктор экономических наук, профессор

Чекмарев В.В., доктор экономических наук, профессор

Алиев У.Ж.

А 50 Предмет и метод теоретической экономики: учебное пособие для магистрантов и докторантов/ У.Ж.Алиев. -Нур-Султан: Университет «Туран-Астана», 2019. – 162 с.

ISBN 978-601-7871-99-4

В учебном пособии на основе разработанных ранее автором общей дисциплинарной теории и инвариантной структурной модели научной дисциплины как таковой и основ «предметоведения» специальному анализу подвергается такой «стержневой» элемент научной дисциплины как «предмет» в диалектическом единстве с «методом» применительно к теоретической экономике в различных дисциплинарных формах ее существования и функционирования. Методологически обоснована правомерность «ограничительной версии» предмета-дефиниции и «расширительной версии» предмета-оригинала в рамках традиционной дискуссии о предмете и методе теоретической экономики, а также выдвинута новая «сужающаяся концепция» предмета-дефиниции теоретической экономики.

Учебное пособие предназначено для магистрантов и докторантов экономических специальностей высших учебных заведений.

УДК 330(075.8)

ББК 65.01я73

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
университета «Туран-Астана»*

ВНИМАНИЮ МАГИСТРАНТОВ И ДОКТОРАНТОВ

(Вместо предисловия)

Что послужило поводом издания в виде отдельного учебного пособия основной части авторской концепции, получившей отражение в его ранее изданных трудах – теории предмета науки (научной дисциплины как таковой) или предметоведения вообще и теории предмета и метода теоретической экономии в частности? Ответ таков.

«Всякий, кто ищет утешения после потери любимого предмета, уже более чем наполовину утешен» – говорила когда-то Мария д'Арконвиль, французская писательница. Так вот, политэкономы, после распада СССР, потеряв свой «любимый предмет» – политическую экономию как науку, научную и учебную дисциплину в результате потери ее собственного предмета (предмета-оригинала и предмета-дифиниции), теперь заново всерьез занимаясь ее поиском, почти «наполовину утешены». Это уже не плохо. Но самое главное, насколько наши представления о нашем предмете – теоретической экономии и ее собственной предметной определенности адекватно сформированы и сформулированы как в нашей голове, так и наших печатных изданиях в прошлое и настоящее время?

Ответ на этот вопрос мы находим не только в стенограммах различных дискуссий и изданиях прошлых столетий по всему миру, но и многочисленных статьях, опубликованных в самых авторитетных научных журналах, альманахах, сборниках различных научных форумов, диссертационных работах по

экономической науке, изданных и защищенных в период 90-ые годы XX – первое десятилетие XXI веков. Знакомство с содержанием вышеуказанных изданий позволяет автору данного учебного пособия сделать неутешительный вывод: современные понимания предмета политической экономии, а если шире – теоретической экономии – нисколько не продвинулись вперед, т.е. «воз и поныне там».

Между тем, с годами (десятилетиями и даже столетиями) проблема предметной определенности базовой теоретической составляющей экономической науки все более обостряется в силу ряда объективных и субъективных факторов, что создает реальную опасность критерию **ее научности и перспективности** как особой отрасли теоретического знания. Иначе говоря, приходится соглашаться с мнением Р. Орженского, высказавшего еще более ста лет тому назад: вопрос о предмете политической (теоретической) экономии является «столь же спорным», сколь «нерешенным до сих пор».

Желание каким-либо образом разрешить эту вышеуказанную проблему, по поводу которой вот уже в течение нескольких сот лет развернулась настоящая драма идей, взглядов, дефиниций, а порой и драма их субъектов и послужило автору обнародовать еще раз свое концептуальное видение на этот счет. Последнее является материалом, необходимым магистрантам и докторантам экономических специальностей для более глубокого освоения и системного представления диалектики предмета и метода теоретической экономии через призму нового научного направления, заложенного автором данного учебного пособия – **предметоведения**, что положительно способствует форми-рованию у них системно-целостного теоретико-методологического мышления, лежащего в основе собственно экономической культуры в целом. А это, в свою очередь, требует от каждого обучающегося максимальной мобилизации своего интеллектуально-духовного потенциала для адекватного усвоения содержания предлагаемого учебного пособия.

Итак, в добрый путь, уважаемые магистранты и докторанты!

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже второго и третьего тысячелетий социально-гуманитарные и в первую очередь, экономические, науки столкнулись с троякого рода кризисами. Это, во-первых, кризис самого «общественного (в том числе социально-экономического) материала», с чем имеют дело эти науки в качестве своего объекта исследования. Этот **онтологический (содержательный) кризис** имеет в последнее время особо головокружительный, непредсказуемый, а порой и социально-разрушительный характер; во-вторых, это кризис, связанный с познанием и теоретическим отображением происходящих социальных процессов и изменений как в самом «общественном материале», так и в самой социально-гуманитарной, в том числе

экономической, науке, т.е. **гносеологический (познавательный) кризис**; в третьих, это кризис, связанный с выбором из трех основных современных парадигмальных экономических мейнстримов (основных течений) **“западного мейнстрима”** в качестве доминантной (господствующей) парадигмы в сфере образовательно-научной деятельности и формирования профессиональной экономической культуры и общественного сознания и некритической трансляцией экономического знания данного мейнстрима в учебно-образовательно-прикладную модель его функционирования в высших учебных заведениях в процессе подготовки бакалавров, магистров и докторантов, т.е. **аксиологический (ценностный) кризис**.

Другими словами, это системный кризис, в одном случае, в сфере подготовки профессиональных экономистов, в другом – в деле экономического образования неэкономических кадров, в третьем – в формировании экономической культуры (сознания) широкого слоя населения вообще. В этом случае речь идет о зыбкости самих научных, концептуальных и ценностных основ системы современного экономического образования

Данный троякий кризис («кризис в кубе») особо актуализирует необходимость переосмысления коренным образом **предметной специфики и целевой функции** социально-гуманитарных и прежде всего системы экономических наук, а в рамках последней – особенно теоретической ее составляющей, именуемой в разное время по-разному, как-то: «политэкономия», «экономикс», «экономическая теория» и т.д. Выдвинув **«теоретическую экономию»** в качестве названия и наиболее адекватного общетеоретического компонента современной системы экономических наук (научных и учебных дисциплин), автор избрал предметной областью своего исследования в данной работе генезис, реальное состояние и структуру **предмета** теоретической экономики как относительно самостоятельной и в некотором отношении становящейся синтетической теоретической научной дисциплины экономического цикла.

Переосмысление предметной определенности **«теоретической экономики»** и обоснование последней как диалектического синтеза трех общетеоретических дисциплин – **общей экономики, социальной экономики** (политэкономии), **каталлактики** (экономикса) требовало от автора выработки принципиально нового методологического инструментария исследования, а именно разработки **общей теории предмета науки** как таковой, или общей дисциплинарной теории (модели) науки, что составляет содержание **первой главы** работы. Основным результатом данной разработки является построение категориального строя научной дисциплины, на основе чего можно выстроить общую инвариантно-интегральную структуру научной дисциплины как таковой, которая, в свою очередь, с новых концептуальных позиций позволяет заново переосмысливать генезис **предметной определенности** теоретической экономики как науки, четко фиксировать и адекватно формулировать ее, исходя из реалий сегодняшнего дня.

Вторая глава работы посвящена изучению и упорядочению безбрежного количества взглядов и мнений по центральному вопросу – вопросу о **предметной определенности** теоретической экономики путем выявления гносео-логическо-методологических корней так называемых «ограничительной» и «расширительной» версий предмета данной науки. При этом казалось бы, неразрешимая в принципе дискуссия, идущая вот уже почти сто лет по поводу указанной дилеммы («ограничительная» или «расширительная»), методологически корректно снимается путем введения автором двух новых понятий – **«предмет-оригинал»** и **«предмет-дефиниция»**, раскрывающих две стороны единого предмета науки: онтологическую, содержательно-динамическую и гносеологическую, формально-статическую. Такой подход позволил автору снять и заменить дилемму «или/или» на «и/и», т.е. имеет право на существование и **«ограничительная версия»** предмета теоретической экономики, но применительно лишь к «предмету-дефиниции», и его **«расширительная версия»**, которая

корреспондируется лишь с «предметом-оригиналом» данной науки.

В силу многосложности системы производственных *отношений как родовых* отношений в качестве предмета всей системы гуманитарных наук (а не только политической экономии, как традиционно считалось) по схеме «род - вид - особь», т.е. «родовые отношения», «видовые отношения», «особенные отношения», автор здесь же обосновывает новую концепцию – **«сужающуюся концепцию»** предмета-дефиниции теоретической экономии. Новый методологический подход к существующим концепциям – «ограничительной» и «расширительной» (путем введения в научный оборот понятий «предмет-оригинал» и «предмет-дефиниция»), а также новая «сужающаяся концепция» предмета науки позволяют, по мнению автора, подвести многовековой спор о предмете данной науки к некоторому однозначному гносеологическому, методологическому и содержательному постулату.

В **третьей главе** рассматривается проблема «адекватности предмета и метода» т.е. диалектически-противоречивое единство предмета и метода теоретической экономии, причем через призму научного анализа происходящих в постсоветский период трансформационных процессов путем введения автором в научный оборот таких понятий, как **«метод теоретизации»** и **«метод праксиологизации»** научного знания.

В **«Заключении»** подведены основные итоги проведенного исследования, сформулированы авторские предложения по совершенствованию методологии исследования и развитию общей теории предмета и метода науки в целом и теоретической экономии в частности. Изучение фундаментальных, во многом новых, положений данного учебного пособия позволяют магистрантам и докторантам экономического профиля вузов глубже усвоить диалектику предмета и метода теоретической экономии как общетеоретического ядра всей системы экономических наук современности.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И СТРУКТУРЫ ПРЕДМЕТА НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

«Издревле существует понятие «наука».

*Наука представляется людям не как что-то
сверхъестественное и отвлеченное, а
существующее для блага человечества».*

Абай Кунанбаев

1.1. Дисциплина как структурно-таксономическая единица науки

История человечества в некотором смысле есть история борьбы знания и незнания, истинного знания и заблуждения. Знание бывает разнообразным по типу отражения и фиксации результатов духовного освоения человеком действительности. Из различных видов знания особое место в истории человечества отводилось (хотя в различной степени) научному знанию. Если социальную историю "пропустить" через призму того, насколько человек был привержен знанию о нем самом и мире в целом, то можно обнаружить действие своеобразного **закона возрастания роли научного знания в истории** (в особенности второе тысячелетие нашей эры) последовательно через эпохи (этапы) господства вначале традиционного (обыденного), затем – космогони(логи)ческого (а в его рамках мифологического), художественно-эстетического, эзотерического, теологического, философского видов знаний.

Такая логика развития науки и научного знания имеет особую значимость в условиях господства так называемого "царства необходимости и рациональности". Условиям же "царства свободы духа", очевидно, отвечает такое состояние и степень развитости научного знания, когда оно, по принципу **синергии**, вобрав в себя все "прелести" других типов и форм знания – философского, мифологического, теологического, космологического, художественно-эстетического, эзотерического и, наоборот, само растворившись в них, станет само по себе ценным, т.е. будет обладать свойством **самоценности** в качестве

господствующего **единого знания (метазнания) в третьем тысячелетии.**

Историю самой науки по форме ее существования и организации можно, на мой взгляд, периодизировать на три крупных этапа: **а) синкретический** этап, когда различные формы и виды знания существовали слитно, в нерасчлененном состоянии и трудно было как содержательно, так и организационно выделить собственно научное знание в мире других видов знаний, верований и мировоззрений; **б) дисциплинарный** этап, начало становления которого относится к античности, господствующий до сегодняшних дней, когда организация научного исследования и рост самого научного знания осуществляются главным образом по дисциплинарному (субдисциплинарному) признаку – физика, химия, биология, математика, экономика и т.д.; **в) проблемный**, как правило, междисциплинарный, межнаучный, межзнаниевый этап, который все более и более пробивает себе дорогу на рубеже нового, третьего, тысячелетия, когда организация исследовательской и образовательной деятельности научно-образовательных сообществ постепенно начинает строиться уже по проблемно-целевому критерию методом снятия **искусственных барьеров** между различными типами и видами знания, существовавших издревле. Это ведет к формированию в будущем единого знания о сущем – **метаэпистемы** (метазнания) на основе формирования и творческого использования **метаметодологии**.

Сознавая, что будущее – за проблемной формой организации и саморазвитии науки, тем не менее опрометчиво считать, что дисциплинарная форма организации науки уже исчерпала свою потенциальную "объясняющую и разрешающую силу", и есть уверенность в том, что она будет доминировать еще долго. Более того, я полагаю, что сколько-нибудь развитая дисциплинарная теория науки сама есть как объективно, так и субъективно необходимая предпосылка **перехода от дисциплинарной парадигмы к проблемной парадигме науки в целом**. Между тем, несмотря на весьма "почтенный возраст" развития науки по

"дисциплинарному сценарию", еще рано утверждать, что мы уже имеем развитую **общую дисциплинарную теорию науки**.

В развитии науки следует выделить этап доконцептуальных и предконцептуальных представлений о науке, охватывающий достаточно длительный период, начиная со времен древних (восточных) и античных воззрений через средневековье и Новое время вплоть до XX века.

Различные аспекты науки, как и сама наука в целом, интенсивно стали переосмысливаться особенно в XX столетии. К этому "приложили руки" не только философия, но и прежде всего **науковедение**¹ и такие его относительно самостоятельные отрасли, как методология науки, история науки, социология науки, экономика науки, этнография науки, психология науки, этика науки, право науки и другие. В результате сложились главным образом три основные концепции, а в их рамках – множество подконцепций науки.

XX век изобилует еще и неконцептуальными представлениями науки. В настоящее время понятие "наука" имеет множество определений и значений (по некоторым данным более 500) и порой складывается мнение, что "наука есть то, о чем хочет сказать каждый исследователь". И все же для начала, очевидно, можно исходить из того, что **наука – это сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности**². При этом вопросы типа "что (какие научные знания) производить?", "как (какими методами) производить?", "для кого (и для чего) производить?" волнуют людей науки не в меньшей степени, чем, скажем, людей при производстве материальных благ и услуг. И эти вопросы, как правило, рассматриваются в связи с проблемой роста и развития научного знания как такового.

¹ Термин "науковедение" был впервые введен И.А. Боричевским в 1926 г. См.: Боричевский И.А. Науковедение как точная наука. Вестник знания. М, 1926, №12; Рашковский Е.Б. Зарождение науковедческой мысли в странах Азии и Африки 1960 – 1970 годы. М., Наука, 1985, с.31; Гуманитарий. Ежегодник. –№ 1. –СПбГУ, 1995.–С.38.

² Философский энциклопедический словарь. М., «Советская энциклопедия», 1983, с.403.

В свою очередь, **проблема роста и развития научного знания** как в мировой науковедческой литературе традиционно рассматривается в следующих дихотамистских парах: "кумулятивизм-антикумулятивизм", "эволюционизм-революционизм", "интернализм-экстернализм". Но при более внимательном анализе выясняется, что "кумулятивизм", "эволюционизм", "интернализм" взаимополагают, взаимодополняют и взаимоусиливают друг друга и лежат в одной плоскости, тогда как "антикумулятивизм", "революционизм", "экстернализм" – в другой. Поэтому я предложил в свое время дать более обобщенные названия этим, как правило, разрозненно и противоположно рассматриваемым концепциям, а именно: "**кумулятивно-эволюционно-интерналистская**" и "**антику-мулятивно-революционно-эксерналистская**" концепции науки, имеющие в своих рамках множество подконцепций. Наряду с ними существует и **диалектическая** концепция науки, отличие которой от двух предыдущих концепций состоит в преодолении крайностей и односторонностей каждой из них (не умаляя их значений), выражающихся в союзе "или-или": "кумулятивизм или антикумулятивизм", "интернализм или экстернализм", "эволюционизм или революционизм". Диалектическая концепция исходит из формулы "кумулятивизм и антикумулятивизм", "интернализм и экстернализм", "эволюционизм и революционизм", а потому данная концепция, по моему мнению, обладает наибольшей методологической силой исследования науки как сложноорганизованной системы¹.

Специальное рассмотрение указанных концепций науки не входит в предмет и задачу данного учебного пособия. Следует, однако, отметить, что при внимательном изучении оказалось, что в них не разработана **общая дисциплинарная теория науки**, наличие которой способствовало бы по-новому взглянуть на природу и структуру научной дисциплины как таковой и каждой

¹ Более подробно см.: Алиев У.Ж. *Общая дисциплинарная теория науки*. Научная монография. Алматы: Ғылым, 1996.; его же: *Методология построения общей дисциплинарной модели науки*. [Статья первая](#). Обзор основных концепций науки. Вестник ун-та "Туран" № 1-2, 1999.

отдельно взятой научной дисциплины в частности, в том числе и теоретической экономики предметной определенности которой посвящена, данная работа.

Наука есть весьма сложная социально-духовная и информационная система. И если "расчленить" эту систему по определенным критериям, положив в основу прежде всего принцип восхождения от абстрактного к конкретному, то можно найти соответствующие "внутринаучные" структуры каждая из которых описывает главным образом один из относительно самостоятельных ее аспектов или уровней.

В современной мировой науковедческой и специальной литературе по методологии науки имеются различные, с разной степенью разработанности и обоснованности структуры феномена "науки". Оценивая положительно эти исследования, тем не менее необходимо проводить определенную "ранжировку" этих структур по принципу **масштабности** их сфер применения, рассматриваемых проблем и выполняемых функций в каждой из них, по внутренней **субординированности** (производности) каждой из них, по реальному **богатству** их содержания. Эти критерии позволяют мне обозначить следующий ряд структур феномена "науки":

а) структура науки в целом: деятельность людей по производству научного знания; результат этой деятельности – совокупность новых знаний, образующих "научную картину" исследуемого объекта; научная (учебная) дисциплина, изучающая определенный объект-предмет;¹

б) структура научной дисциплины как главного элемента, структурной и таксономической единицы науки;²

1 Наука о науке. –М., 1966; Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. –М., 1980; Философия и методология науки //Под ред. В.И.Купцова. –М., 1996.

2 Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. –М., 1988; Алиев У.Ж. Общая дисциплинарная теория науки. –Алматы, 1996; Бурова Е.Е. Соизмеримость в социогуманитарной дисциплинарности. –Алматы, 1999.

в) структура научной деятельности по производству нового знания, осуществляемой по монодисциплинарному, полидисциплинарному и междисциплинарному признаку;1

г) структура исследовательской программы как части научной деятельности;2

д) структура самого научного знания вообще как результата научной деятельности;3

е) структура теории как элемента и части научного знания;4

ж) структура научной революции и парадигмы как принципиально новой теории, концепции или установки;5

з) структура научного знания, используемого в чисто "прикладных" целях;

и) структура научного знания, используемого строго в учебных целях, т.е. структура науки как учебной дисциплины;

к) структура функции науки и результатов функционирования науки и т.д.

В силу того, что эти различные структуры суть "различия внутри единства", т.е. самой науки как определенной системы, вытекает, как я полагаю, двоякая задача. **Во-первых**, необходимость исследования этих различных структур в отдельности, в относительной самостоятельности друг от друга. **Во-вторых**, это задача более сложная, – выяснение "общей

3 Научная деятельность: структура и институты. –М.: Прогресс, 1980; Ярошевский М.Г. Структура научной деятельности // Вопросы философии. –1974. –№ 11; Швырев В.С. Научное познание как деятельность. –М., 1984; Гуманитарий. Ежегодник. –СПбГУ, 1995.

4 Лакатос И. Доказательства и опровержения. – М., 1967. Его же: История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. – М., 1978; Исследовательские программы в современной науке. – Новосибирск, 1987.

5 Сторер Н. Социология науки //Американская социология. –М., 1972; Малкей М. Наука и социология знания. –М., 1983; Философия и методология науки. Ч. 1. //Под ред. В.Н.Купцова. –М., 1996.

6 Степин В.С. Становление научной теории. –Минск. 1970; Абдильдин Ж., Нысанбаев А. Диалектико-логические принципы построения теории. –Алма-Ата, 1973; Рузавин Г.И. Научная теория. –М., 1978.; Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. –М., 1978; Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. –М.: Наука, 1982; В поисках теорий развития науки. –М.: Наука, 1982; 99 Философия и методология науки //Под ред. К.Х.Рахматуллина. –Алматы, 19.

7 Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975, 1977 (переиздание).

логики общего предмета", т.е. нахождение точек соприкосновения различных структур и приведение их к **монистической структуре науки** как таковой, что является предметом исследования ряда философских и науковедческих дисциплин и прежде всего методологии науки.

Из указанных двух задач исследования науки в данной работе решается главным образом первая задача, причем через призму такого структурного элемента науки, как **"научная дисциплина"**. Но в той мере, в какой "научная дисциплина" небезразлична другим структурам науки, а порой проникает в их "вотчины", одновременно в работе делается попытка обозначить и обосновать "общие линии", которые будут лежать в основе монистической структуры науки в целом.

Одним из важных выводов многолетних науковедческих исследований, в частности, является рассмотрение **"дисциплины" в качестве исторически доказавшей свою эффективность, устойчивой, необходимой и инвариантной формы организации познавательной деятельности людей**. Другой вывод относится к выделению "дисциплины" в качестве **СТРУКТУРНО-ТАКСОНОМИЧЕСКОЙ**¹ единицы науки как таковой и необходимости всестороннего и специального ее исследования. Этими обстоятельствами и объясняется возросший интерес не только за рубежом,¹ но и в бывшем СССР и странах СНГ к проблеме уточнения дисциплинарного строения науки или структуры феномена научной дисциплины.² При этом, однако, в

¹ **Таксономия** – гр. TEXIS (расположение по порядку) + NOMOS (закон) – теория классификации и систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих обычное иерархическое строение (органический мир, объекты экономики, географии, геологии, науки, языкознания и т.д.).

¹ Бернал Дж. Наука в истории общества. – М., 1956; Прайс Д. Наука о науке // Наука о науке. – М., 1966; Кун Т. Структура научных революций. – М., 1977; Научная деятельность: структура и институты. – М.: Прогресс, 1980; Поппер К. Логика и рост научного знания. – М., 1983; Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986 и другие.

² Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. – М.: Наука, 1981; Урсул А.Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. – М., 1981; Кузнецов Н.И. Наука в ее истории. – М.: Наука, 1982; Герасимов Г.И. Структура научного исследования. – М.: Мысль, 1985; Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983; Дисциплинарность и взаимодействие наук. – М., 1986; Келле В. Наука как компонент социальной системы. – М., 1988; Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки. – М., 1988; Генезис категориального аппарата науки. Отв. Ред. К.Х. Рахматуллин, А.Н. Нысанбаев. – Алма-Ата, 1990; Философия и методология

центре внимания многих исследователей оказываются прежде всего вопросы о реальном месте и положении той или иной отдельно взятой науки в системе наук вообще, в системе однотипных групп наук в частности. Между тем решение этой задачи так или иначе связано **с выяснением статуса научной дисциплины как таковой**, независимо от того, о какой конкретной дисциплине идет речь.

Дело в том, что предварительное уточнение статуса научной дисциплины как таковой позволяет определить позже и статус каждой конкретной, существующей или только формирующейся научной дисциплины, а все это, в свою очередь, служит важным условием **систематизации** (классификации) наук вообще, а также отдельных отраслей и групп наук. В свою очередь, систематизация наук имеет исключительно важное значение как в собственно **научном** (организация науки и научных исследований, присвоение ученых степеней и званий и др.), так и в собственно **прикладном** (хозяйственном, учебном, идеологическом, воспитательном, управленческом, прогностическом, кадровом) аспектах. Этими обстоятельствами отчасти объясняются периодически проводимые во всемирной истории исследования, дискуссии по систематизации наук вообще и

различных групп, классов наук в частности.¹

науки //Под ред. В.И.Купцова. – М., 1996; Бурова Е.Е. Соизмерность в социогуманитарной дисциплинарности. – Алматы, 1999; Философия и методология науки. Под ред. К.Х.Рахматуллина. – Алматы, 1999; Бурова Е.Е., Карабаева А.Г., Кириллова Г.Р. Введение в философию и методологию науки. – Алматы, 1999.; Канке В.А. Философия науки. Краткий энциклопедический словарь. М., «ОМЕГА-Л», 2009 и другие.

¹ Аристотель. Соч. В четырех томах. Т.3. – М., 1981; Аль-Фараби. Слово о классификации наук // Аль-Фараби. Избранные трактаты. – А., 1994; Ибн-Хальдун. Прологомони. – Бейрут, б.г.; Бэкон Ф. О достоинствах и приумножении наук // Бэкон Ф. Соч. В 2-х томах. Т.1. – М., 1974; Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т. 20; Система экономических наук. – М., 1968; Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз Маркса о науке будущего. – М.: Мысль, 1985 и другие.

Итак, как можно уточнить *статус* научной дисциплины? Чем он характеризуется? В литературе есть мнение, согласно которому статус научной дисциплины определяется не объективными признаками и свойствами, присущими самой дисциплине, а приписыванием ей определенного места в "шкале признаков", притом осуществляемых представителями других научных дисциплин, инстанций и организаций, ведущих научную политику.²

Нам представляется такое мнение недостаточно обоснованным и корректным: ведь можно что угодно приписывать данной науке "со стороны" представителями других наук, если не положить в основу "приписываемого" объективные признаки и параметры самой этой науки, выработанные прежде всего специалистами данной отрасли знания в течение всего периода ее существования. Следовательно, не умаляя значения мнений и характеристик (восприятий и оценок) отдельной научной дисциплины, полученных "со стороны", все же ее статус должен определяться прежде всего представителями **данной научной дисциплины и учреждениями по ее организации**. Этот факт накладывает, безусловно, особую ответственность на **субъекты** каждой научной дисциплины в ее самопознании, самосознании и самооценке, т.е. в объективном подходе к определению ее статуса, места и положения в системе наук вообще, в системе однотипных, родственных наук в частности, а также в процессе ее функционирования в реальной жизни общества.

Что же касается "взгляда со стороны", то он все же имеет вторичный, производный характер, притом преимущественно не в выяснении "внутринаучной" проблематики и способов ее решения, а при определении "удельного веса" данной науки в обеспечении научно-технического прогресса (узкий аспект), в общественном развитии вообще (широкий аспект). Кроме того, "вклад" той или иной науки нельзя измерить "аптекарьскими весами", причем в ограниченном историческом контексте.

² Научная деятельность: структура и институты. – М.: Прогресс, 1980. – С.127.

Подлинно научное знание, независимо от "срока давности", становясь истинной **научной мудростью**, которой следуют люди даже тогда, когда они не догадываются, что поступают согласно ей, в одном случае может служить общекультурным фоном мирового социума, а в другом – может быть востребовано обществом и людьми даже через столетия и тысячелетия, что подтверждается многочисленными фактами из истории науки и цивилизации. Поэтому оценка науки, основанная на "шкале вкладов", в принципе имеет узкоприкладное значение, например, какие науки и научные направления преимущественно финансировать в данное конкретное время.

В зарубежной и отечественной науковедческой и специально-научной литературе в последнее время складывается другой **"статусообразующий критерий"**, являющийся, на наш взгляд, более плодотворным. Согласно ему определение статуса научной дисциплины необходимо осуществлять через выяснение ее **внутренней структуры**. Действительно, как мы полагаем, такой подход позволяет выяснить систему признаков и компонентов научной дисциплины как таковой, то есть ее **абстрактно-всеобщую структуру**, что дает возможность сопоставить, сравнить с нею реальное состояние каждой конкретной научной дисциплины и в известной мере выявить степень развитости и самосознания данной науки (хотя бы по наличию необходимых признаков и компонентов).

Вместе с тем указанный подход, несмотря на плодотворность, имеет внутренние изъяны, к тому же он все еще не доведен до логической завершенности. Об этом свидетельствует отсутствие ясной и наиболее полной **структурной модели научной дисциплины**, не говоря уже **об общей дисциплинарной теории науки**.

Вопрос о структуре научной дисциплины (хотя такого понятия долго не существовало) объективно имеет длительную историю. Так, в свое время еще Аристотель выделил **предмет** ("то, относительно чего доказывается"), "теорему", т.е. **теорию** ("то, что доказывается"), "правила вывода", т.е. **метод** ("то, на

основании чего доказываемся") науки.¹ Позже неизвестный автор средневекового трактата "О возвышенном" писал, что ко всякой научной дисциплине предъявляются два требования: "Во-первых, следует определить предмет исследования, во-вторых, найти и указать способы (методы. – У.А.), помогающие овладеть этим предметом". Автор таким образом четко выделил два важных понятия (элемента) научной дисциплины – **предмет** и **метод** науки. Кстати, и современные учебники по техническим, естественнонаучным и гуманитарным циклам недалеко ушли от средневекового представления научной дисциплины и открываются с вводной темы "Предмет и метод" такой-то науки.

В зарубежной и отечественной литературе в разное время рассматривались различные компоненты (элементы) науки: идея, цель, задачи, значение, роль, проблемы, функции, научные факты, научные теории, гипотезы, категории, законы, научная революция, парадигма, исследовательская программа, эксперимент и т.д. Так, Ю. Борев считает, что "предмет должен быть рассмотрен в связи с задачами науки, а способ (метод) изучения предмета необходимо поставить в связи с ее системой".² Итак, у него фигурируют понятия: предмет, задача, способ (метод), система науки. Специалист по социально-экономической географии Э.Б.Алаев в определение научной дисциплины включает четыре элемента: объект, аспект, метод и цель исследования, которые в единстве, по его мнению, образуют предмет исследования научной дисциплины и своеобразный "паспорт", удостоверяющий общественную функцию, необходимость и право науки на существование.³ Таким образом, постепенно складывался собственно "научоведческий" подход к науке в целом, к той или иной науке в частности.

¹ Аристотель. Вторая аналитика. Соч. В четырех томах. Т.2. –М.: Мысль, 1978. –С.257-346.

² Борев Ю. Эстетика. –М.: Политиздат, 1975. – С.8.

³ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М., 1983. – С.11-12.

При ближайшем ознакомлении с этими работами бросается, однако, в глаза то, что, **во-первых**, эти различные элементы рассматриваются как бы "вразброс", без определенной логики и выведения каждого друг из друга, т.е. бессистемно. **Во-вторых**, с помощью этих понятий (элементов) объективно рассматриваются различные структуры феномена "науки" в целом, хотя авторы, как правило, не уточняют, о какой именно структуре науки идет речь. **В-третьих**, это самое важное в интересующем нас аспекте, все эти элементы не в одинаковой мере могут "присутствовать" и быть использованы при разработке структуры собственно научной дисциплины как таковой. Кроме того, **в-четвертых**, для выяснения статуса собственно научной дисциплины могут быть необходимы и другие понятия (элементы) о науке, специально не исследуемые или не привлекаемые в литературе.

Не только в естественнонаучной, технической, но и гуманитарной, в том числе обществоведческой, литературе долгое время отсутствовали исследования, посвященные выяснению структуры той или иной научной дисциплины в единстве различных ее элементов. Например, в политической экономии более или менее специальному анализу подвергнуты лишь такие ее элементы, как предмет, метод, структура предмета. Другими словами, на сегодняшний день имеет место главным образом **частнодисциплинарный** (или монодисциплинарный) подход к исследованию некоторых содержательных элементов научной дисциплины, нежели **общедисциплинарный**.

В целом недостатками подобных (внутридисциплинарно-содержательных) исследований являются: **а)** оперирование очень ограниченным числом необходимых элементов при анализе научной дисциплины и оставление без внимания других; **б)** слабое прослеживание взаимных связей и взаимообусловленностей между различными элементами научной дисциплины, т.е. игнорирование принципа их системности и целостности. **В результате не сделана еще попытка представить научную дисциплину вообще, ту или иную научную дисциплину в частности в органическом единстве**

всех составляющих их основных элементов, что не позволяет воспринимать каждую из них как момент целостности. Кроме того, на мой взгляд, эти исследования имеют один главный недостаток. Он состоит в том, что элементы, характеризующие научную дисциплину, выступают как бы "равноправными", "рядоположенными", "равноценными" по отношению друг к другу, а не субординированы вокруг какого-то главного, **стержневого элемента**, наличие и особое положение которого позволило бы характеризовать и "очертить" научную дисциплину как таковую в строгой самоидентифицированности и целостности.

Иначе говоря, структурный анализ, обеспечивая выяснение составляющих элементов научной дисциплины и, в лучшем случае, их взаимную связь по линии **координации**, сам по себе еще не обеспечивает строгой определенности самой дисциплины по линии **субординации** составляющих ее элементов, каким выступает "**предмет**" науки. Отсюда можно ввести в научный оборот и использовать понятие "**предметная модель научной дисциплины**", хотя вполне можно построить "субъектную", "объектную" или "функциональную" ее модели. Это потому, что, во-первых, сразу допускается, что такое понятие (элемент), как **ПРЕДМЕТ**, является **стержневым** или основанием для характеристики научной дисциплины как таковой и каждой в отдельности. "Предмет" – это элемент, который является "**несущей конструкцией**" дисциплины, с которым в обиходе отождествляется каждая конкретная дисциплина. "Предмет" играет роль **определителя дисциплины**, позволяет "иметь лицо" и "предметную границу" каждой из них. В этом своем качестве "предмет" имеет богатый внутренний смысловой потенциал и как стержневое понятие дисциплинарного строения науки он начнет "работать" по-новому, более содержательно. Относительно "предметной модели" все упомянутые ранее модели научной дисциплины – "субъектные", "объектные", "функциональные" и другие выступают в роли "производных" и диалектически снимаются ею.

Во-вторых, необходимо и полезно рассматривать понятие "предметная модель" двояко, путем введения в научный оборот таких разновидностей данного понятия, как **"интегральная предметная модель дисциплины"** и **"локальная предметная модель дисциплины"**. Дело в том, что "предмет" как стержневой элемент научной дисциплины имеет свою **собственную внутреннюю структуру**, свою, так сказать, ограниченную локальную модель. Отсюда и понятие "локальная предметная модель", или "локальная модель предмета". И чтобы не смешивать и не путать эту локальную модель, взятую в узком смысле, с предметной моделью всей дисциплины, где имеются наряду с "предметом" и другие ее элементы, следует ввести понятие "интегральная предметная модель научной дисциплины", дающее ее **системно-целостную** характеристику как таковой.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что разработка предметной модели научной дисциплины (интегральной или локальной, общей или частной), какую бы важную эвристическую роль она ни выполняла, происходит в рамках **научно-методологической методологии**, которая является необходимой, но промежуточной ступенью исследования науки. Научно-методологический уровень статуса научной дисциплины в лучшем случае выглядел бы "незаурядным" структурализмом, не более того.

Высшей ступенью постижения структуры науки, в том числе самой предметной модели, является **философская методология**. Данный метод и уровень осмысления науки предполагает оперирование иной формулировкой, нежели "предметная модель науки", а именно: **"категориальный строй науки"**¹ (в интересующем нас аспекте – категориальный строй научной дисциплины). А под "категориальным строем науки мы понимаем, – пишет М.Г.Ярошевский, – ее инвариантное ядро, к

¹ В литературе существуют и другие схожие формулировки и выражения: «логический строй науки», «логические основы науки», «понятийный каркас науки», «понятийный строй науки», «категориальный аппарат науки», «категориальный строй науки», «категориальный строй мышления ученых» и т.д. Я остановил свой выбор на «**категориальном строе науки**» как более удачном, по моему мнению, выражении в контексте данного исследования.

которому относятся ее основные категории, проблемы и объяснительные принципы".²

Таким образом, если учесть один из законов развития науки, а именно то, что **сколько-нибудь значимые результаты в исследовании можно получить, как правило, на стыке нескольких наук (подходов, методов)**, то предпринятый в данной работе подход к переосмыслению природы и места науки как таковой, любой отдельно взятой науки (в данном случае теоретической экономики) построен как раз на стыке **трех уровней методологии**: частнонаучной (теоретической экономики), общенаучной (науковедения) и общефилософской (философии).

Результатом первого уровня анализа, или частнонаучной методологии, например, теоретической экономики, является некоторая содержательная характеристика самой этой науки; второго уровня, или общенаучной методологии, – разработка предметной модели науки как таковой (и, исходя из этого, теоретической экономики в частности); третьего – философского уровня, или общефилософской методологии, – построение инвариантного категориального строя науки вообще.

Интегральным же результатом всех этих трех уровней методологии (частнонаучной, общенаучной и общефилософской) является разработка **ОБЩЕЙ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ТЕОРИИ НАУКИ**, или то же самое, что **ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА НАУКИ** как таковой, и на их основе – **общей теории предмета теоретической экономики** (да и любой отдельно взятой науки) в частности. Перехожу к построению "категориального строя науки", который даст возможность принципиально по-новому осмыслить природу и структуру научной дисциплины как структурно-таксономической единицы науки, и на ее основе – каждой научной дисциплины в отдельности. А все это в конечном счете будет играть важную эвристическую роль в построении и развитии **общей теории науки**.

² Ярошевский М.Г. Логика развития науки и научные школы. См.: Школы в науке. – М.: Наука, 1977. – С. 94. (Подчеркнуто мной. – У.А.).

1.2. Методология построения интегральной предметной модели научной дисциплины.

Итак, какова методология разработки общей теории предмета науки через построение категориального строя научной дисциплины, который позволит в обобщенном виде наглядно представить абстрактно-всеобщую структуру науки в дисциплинарном выражении?

Из предыдущего изложения стало известно, что в литературе изучаются различные понятия, которые так или иначе характеризуют научную дисциплину в разных ее аспектах. Но в то же время отсутствует ее диалектическая (системно-противоречивая), а в идеале – полилектическая (синергино-единоречивая) характеристика, которая предполагает: «Чтобы действительно знать предмет (в данном случае научную дисциплину как таковую. – У.А.), надо охватить все его стороны, все связи и опосредствования. Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и омертвления».1 «Содержание развитого научного знания, – пишет М.И.Баканидзе, – требует особой формы систематического выражения, отражающей историко-генетическую закономерность становления системы исследуемых объектов. При таком способе развития содержания множество изучаемых наукой объектов принимает определенную, соответствующую способу их бытия (и развития) логическую форму систематического выражения».1 Иначе говоря, задача сводится к выработке соответствующей «предметному бытию» научной дисциплины как целостности системы категорий, выражающей все существенные его стороны, связи и отношения. Именно такой категориальный строй мышления, адекватно выражающий «живое предметное движение» науки в дисциплинарной форме, и дает искомое

1 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.42. – С.290.

1 Баканидзе М.И. Проблема субординации логических форм. – А-А., 1968. – С.52.

знание о ней. Дело в том, что «знание тогда становится подлинной наукой, когда начинают обнаруживаться связи между соответствующими понятиями, т.е. когда знание начинает функционировать как система понятий»,² система категорий.

Необходимость построения общей дисциплинарной модели науки путем разработки категориального строя научной дисциплины обусловлена еще и тем, что представителями той или иной дисциплины, как правило, нечетко проводятся различия между понятиями, с помощью которых раскрываются атрибуты науки, не раскрывается внутренняя структура каждой из них, не исследуется богатая их «собственная» жизнь, не говоря уже о приведении их в систему, что объективно затрудняет выяснение *предметной специфики* отдельных дисциплин с вытекающими отсюда негативными последствиями.

Таким образом, содержательная характеристика каждой из сторон научной дисциплины в диалектическом (полилектическом) их единстве с помощью системы понятий и категорий, образующей целостную дисциплинарную модель науки, и составляет абстрактно-всеобщий **статус** научной дисциплины как таковой. И когда этот абстрактно-всеобщий статус наполняется сложившимися оценками и восприятиями какой-либо конкретной науки как представителями ее самой, так и других наук и организаций, определяющих научную политику, он приобретает статус данной конкретной научной дисциплины.

При раскрытии и обосновании *логики* категориального строя науки следует исходить из того, что такое понятие, как «**ПРЕДМЕТ**», выступает *стержневым* понятием, характеризующим бытие научной дисциплины. Более того, *«предмет» как понятие выступает как «исходным, так и конечным пунктом» всего категориального строя научной дисциплины.* Отсюда разработка категориального строя науки равносильна построению *общей теории предмета научной дисциплины.*

2 Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. – М.: Прогресс, 1976. – С.49.

Под «предметом науки» предварительно подразумевается некоторая материальная или идеальная вещь (процесс, явление, связь, отношение и т.д.), к которой и относится данное *искомое знание*. Но «предмет», как правило, находится в некотором объекте и должен быть вычленен, «выловлен», «вышелушен» и подвергнут специальной познавательной операции субъектом познания.

«Главный недостаток всего предшествующего материализма, включая фейербаховский, заключается в том, что *предмет*, действительность, чувственность берутся только в форме объекта созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, *не субъективно*»¹ Другое положение: «При теоретическом методе субъект, общество должны постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка, и что вообще во всякой исторической или социальной науке... как в действительности, так и в голове дан субъект...», и что он «также для науки возникает отнюдь не только тогда, когда о нем как таковом впервые заходит речь». ² Отсюда происходит своеобразный процесс «бифуркации», т.е. единый предмет в процессе своего развертывания (движения) как бы «раздваивается» на субъект и объект познания. **«Предмет» является продуктом взаимодействия субъекта и объекта, продуктом «воздействия» субъекта на объект**, а потому и **исходным** понятием всего категориального строя науки (общей дисциплинарной модели науки) выступает ее **субъект**.

«СУБЪЕКТ» выступает исходным элементом общей дисциплинарной модели науки еще и потому, что, хотя познавательным делом занимается любой человек любого возраста произвольно (неспециально) и в любой ситуации, научным же исследованием занимаются люди лишь с определенного возраста при наличии хотя бы начального

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. – С.1. (Слова "предмет", "не субъективно" курсивом взяты мной. – У.А.).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.12. – С.732. (Подчеркнуто мной. – У.А.).

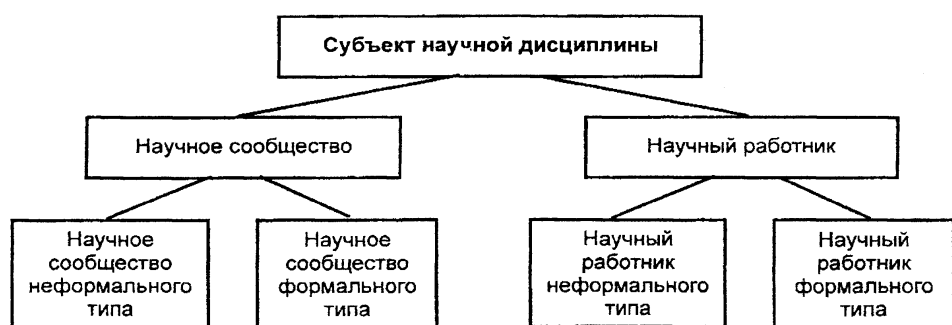
профессионального образования, причем занимаются специально, селективно и с определенной целью.

В **общенаучном** плане субъектом науки выступают различные научные сообщества (научные коллективы) и отдельные индивиды, профессиональная деятельность которых связана главным образом с производством новых знаний.

Субъект научной дисциплины по критерию «единицы измерения» подразделяется на два вида: **научное сообщество**¹ (научный коллектив) и **научный работник**. В свою очередь, научный коллектив бывает формального типа (академия наук, университеты, институты, отделения, секторы, лаборатории, кафедры, временные научные коллективы, ВАК, научные редакции и др.) и неформального типа («незримые колледжи», «самодеятельные группы», «научные школы», клубы, семинары и другие инициативные образования). И отдельный научный работник может быть как формального (быть членом определенной официальной научной структуры в форме «ученые в организациях»), так и неформального типа (не занятый в официальной научной структуре). Наглядно структуру субъекта научной дисциплины по вышеприведенному критерию можно представить следующим образом (рис.1).

Нам представляется, что одной из причин слабой отдачи научных исследований является неразработанность проблемы субъекта каждой научной дисциплины и науки в целом. В этой связи следует особо подчеркнуть, что для наращивания научного потенциала Казахстана (и России) в целом и повышения его эффективности необходим цикл специальных исследований проблемы субъекта науки вообще, той или иной системы, классов наук в частности, каждой конкретной научной дисциплины в

¹ Понятие "научное сообщество" ввел впервые австрийский химик и социолог Майкл Полани (1891-1976).

особенности.1

«**ОБЪЕКТ**» – следующее за «субъектом» ключевое понятие в категориальном строе научной дисциплины. Под объектом науки понимается фрагмент, срез, сторона, «кусочек» реальной действительности, на которые направлена познавательная, вернее, исследовательская деятельность субъекта науки.

Объект научной дисциплины – это вещи, явления, процессы реальной действительности, с которыми взаимодействуют субъекты науки в познавательной, исследовательской деятельности. Отсюда **«объект» выступает продуктом взаимодействия субъекта и объективной реальности и как таковой не существует вне субъекта.**

Познающий субъект имеет дело с различными объектами или, вернее, обращается с объектами с различной целью, в одном случае – как собственно «объект познания», в другом – как «объект изучения», в третьем – как «объект исследования», в четвертом – как «объект знания», которое наглядно представлены следующим образом (рис.2).2

1 Подробная классификация субъектов науки дана в следующих работах автора. Алиев У.Ж. Общая дисциплинарная теория науки. Алматы, «Ғылым», 1996, Глава IV; его же: Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. – Алматы, НИЦ «Ғылым», 2001 (2004 – переиздание). Глава II.

2 Подробная классификация объектов науки дана в следующих работах автора. Алиев У.Ж. Общая дисциплинарная теория науки. Алматы, «Ғылым», 1996, Глава V; его же: Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. – Алматы, НИЦ «Ғылым», 2001 (2004 – переиздание). Глава II.

«Объект познания» – более широкое понятие, выходящее далеко за рамки собственно объекта научной дисциплины, так как люди всех возрастов и положений, согласно **теории социализации личности**, по существу, заняты всю жизнь (даже начиная с эмбрионального состояния) познавательным процессом, хотя он может происходить и непроизвольно (неспециально).

Понятие же **«объект изучения»** больше относится к процессу непосредственного обучения, который связан с усвоением обучающимися ранее установленных научных знаний и истин, закономерностей вещей и явлений и не носит строго исследовательского характера.

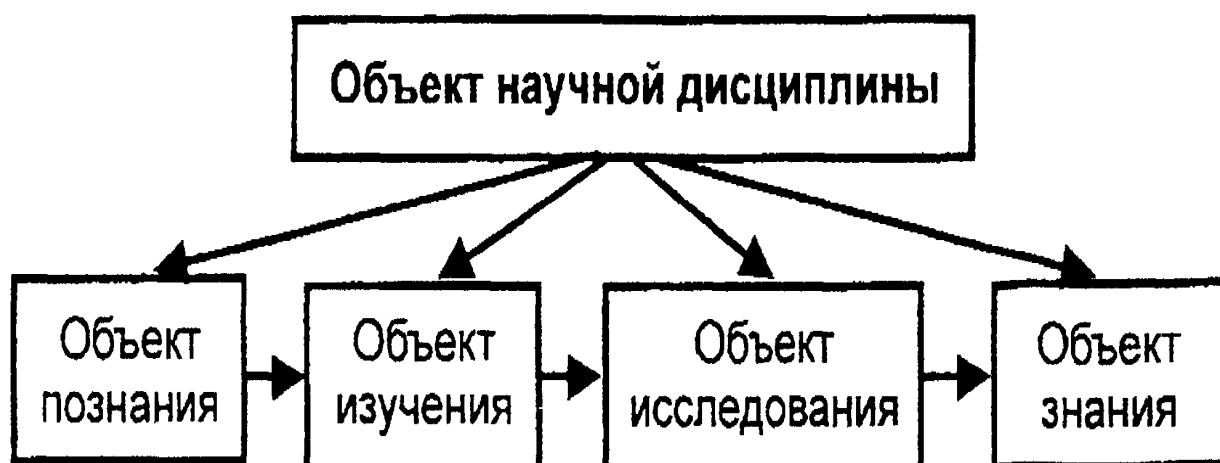

Рисунок 2. Объект научной дисциплины.

Понятие **«объект исследования»** применимо к собственно научной, исследовательской деятельности определенных научных сообществ и научных работников, которая специально и

целенаправленно связана с производством нового знания или упорядочением старого знания (что, в принципе, есть тоже новое знание).

Надо особо отметить, что с определенного периода у нас было потеряно исходное единство объекта исследования и объекта изучения, что привело к разрыву единого **исследовательского и учебного** процесса даже в самых крупных университетах,¹ не говоря уже о рядовых учебных заведениях бывшего СССР и постсоветских государств, со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями, которые проявляются прежде всего в растрате накопленного интеллектуального генофонда и низком качестве подготовки специалистов в вузах.

В этой связи наметившийся в России и Казахстане процесс передачи некоторых академических и отраслевых научно-исследовательских институтов государственным университетам, с одной стороны, и создания исследовательских институтов и центров при государственных и крупных частных университетах (например, «Институт системных исследований казахстанского общества» при университете «Туран», г. Алматы и Научного центра «Кахастановедение» при университете «Туран-Астана») – с другой, есть, по сути, процесс «воссоединения» объекта изучения и объекта исследования как единого целого.

От объекта исследования и объекта изучения следует отличать понятие «**объект знания**», которое обозначает те объективные события, ситуации, процессы, вещи, отношения, к которым и относится само знание, вернее, **искомое** знание. Так, хотя объектом исследования для физики элементарных частиц является нитевидный туманный трек, оставляемый элементарной частицей, проскочившей через камеру Вильсона, объектом же знания выступает собственно сама частица, ее строение и

¹ Термин "университет" был употреблен впервые в кодексе Феодосия II по отношению к высшей Константинопольской школе в 425 г., хотя подлинные университеты учебно-исследовательского типа были организованы намного позже: в странах арабского Востока – в IX-X веках, а в Европе – в середине XII века. См. Лопатникова Г.И. Документы по истории университетов Европы XII-XIV веков. – Воронеж, 1973.

поведение. Для уфологов «следы», оставляемые НЛО, выступают объектом исследования, но тем не менее объектом знания являются сами НЛО, их природа, строение, поведение (если они есть). Точно так же, хотя народное хозяйство, регион, отрасль, фирма и другие хозяйственные образования выступают объектом исследования экономиста-теоретика (свидетельством чего является указание на них как на «объекты исследования» в авторефератах диссертаций), они не являются собственно объектом искомых знаний, которым являются экономические отношения людей, персонифицированные в этих различных звеньях народного хозяйства.

Таким образом, **«объект исследования»** есть то, на что **направлена** исследовательская деятельность субъекта, тогда как **«объект знания»** есть то, что **отыскивается** субъектом в этом объекте исследования, **что именно** изучается и отражается в конечном счете данной научной дисциплиной. Отсюда «объект знания» есть не что иное, как собственно **ПРЕДМЕТ** науки (дисциплины) в узком смысле слова. Кроме того, это очень важно, **«предмет» науки есть результат, продукт взаимодействия субъекта и объекта научной дисциплины, т.е. их диалектическое единство**, и выступает **стержневым** понятием всей дисциплинарной модели науки. И не случайно, когда говорят о «предмете», подразумевают ту или иную науку, дисциплину в целом. Именно это обстоятельство позволяет мне ввести в научный оборот выражение, понятие **«предметная модель науки»**.

Итак, когда речь идет о **«предмете»** научной дисциплины в узком смысле слова, то имеется в виду следующее: **а)** предмет – это то, что в объекте; **б)** предмет – это то, что скрыто в объекте; **в)** предмет – это определенный аспект, срез, фрагмент, «кусочек» объекта; **г)** предмет – это объект, изучаемый субъектом под определенным «углом зрения», т.е. форма целенаправленности познания; **д)** предмет – это то, что «отыскивается» в объекте; **е)** предмет – это то, что действительно познается в объекте; **ж)** предмет – это «становой хребет», «несущая конструкция»

научной (учебной) дисциплины **з**) предмет – это признак дифференциации наук, научных (учебных) дисциплин.

Из данного понимания диалектики субъекта, объекта и предмета научной дисциплины вытекают следующие **выводы**: **во-первых**, объект выступает продуктом взаимодействия субъекта и объективной реальности, а предмет – продуктом взаимодействия субъекта и самого объекта; **во-вторых**, объект и предмет научной дисциплины – не одно и то же: качественно и количественно («объемно») они не совпадают; **в-третьих**, объект дан субъекту в общем и целом непосредственно, «зримо», чувственно, тогда как предмет скрыт, завуалирован, «спрятан» от его взора, т.е. представляет собой нечто таинственное, «сверхчувственное»; **в-четвертых**, процесс исследования как исторически, так и логически осуществляется от субъекта к объекту, от объекта к предмету, от предмета снова к объекту, от объекта к субъекту и – новый виток исследовательского процесса; **в-пятых**, определенный **объект** может выступать **общим** объектом множества наук, но **предмет** одной научной дисциплины **не может** являться одновременно предметом других наук, а может выступать для них лишь **объектом**; **в-шестых**, наука в лице ее субъекта, отыскивая «скрытое» в объекте, то, что в нем, то, что «за ним», определенный его аспект, срез, фрагмент, «кусочек», притом строго под определенным «углом зрения», с определенной целью, и приобретает свое **собственное предметное самоопределение**, т.е. то, что позволяет отличать данную дисциплину от всех других. Например, **ЧЕЛОВЕКА** как **объект** исследования изучают около 200 наук, но каждая из них имеет свой срез, аспект, «угол зрения» в этом объекте, т.е. **собственный предмет исследования**, свою «предметную специализацию», позволяющие четко отличать их друг от друга. Этот научный факт весьма затрудняет создание **единой** науки, **предметом** которой был бы сам человек, хотя бы в сколько-нибудь обозримой перспективе, что усиленно стали обсуждать в последнее время. В основе такого «затруднения» лежит тот факт, что человек как уникальное создание (существо) выступает одновременно и как объект, и как предмет, и как само себя познающий субъект науки.

Общий вывод из приведенного рассуждения таков: подобно тому, как объект не существует отдельно от субъекта и объективной реальности, точно так же предмет не существует отдельно от объекта и субъекта, является результатом и «продуктом» их диалектического взаимодействия.¹

Предмет научной дисциплины, в свою очередь, необходимо конкретизировать в «содержательно-пространственных» и «содержательно-временных» его характеристиках.

«Содержательно-пространственная» характеристика предмета науки раскрывается в понятии «предметная область» отдельного исследования. **«Предметная область»** обладает двумя чертами: **во-первых**, она формируется и формулируется в рамках исключительно предмета данной науки (поэтому-то она называется «предметной областью») и не носит междисциплинарного характера, **во-вторых**, она предполагает, в свою очередь, некоторый интервал («коридор свободы»), в пределах которого и осуществляется данное исследование.

От понятия «предметная область», которая формируется, формулируется и изучается лишь в рамках предмета данной дисциплины, следует отличать понятие **«исследовательская область»**, которая может формироваться и формулироваться как в пределах данной науки, так и на стыке двух или более научных дисциплин (пограничная исследовательская область).

¹ С сожалением приходится констатировать факт небрежного (если не сказать, неверного) отношения в научной литературе к вопросу о соотношении понятий «объект» и «предмет», в частности отсутствия четкого их разграничения. В основе такого подхода лежит сама этимология слова «предмет», которая традиционно выводится из латинского *obiectum* – объект (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: АСТРЕЛЬ•АСТ, 2004, Т.3, С.357). В силу отсутствия в английском языке самостоятельного от *obiectum* – объект, понятия «предмет», они по сути либо отождествляются, либо распространено мнение типа «... в гносеологическом плане разграничение объекта и предмета науки весьма относительно» (Очерки политической экономии. Сборник теоретических работ. М.: ТЕИС, 2008, с. 15 (подчеркнуто мною. –У.А.); Ушанков В.А. Введение в экономическую науку (Экономическая пропедевтика). НПК «РОСТ», СПб, 2009, с.15). Не спасает дело и положение Вл. Даля, который разграничивает двоякий «предмет» – предмет вещественный – все то, что представляются чувствам, и предмет умственный – все то, что представляются уму и воображению (Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М.: «Русский язык», 1990, с.386). Дело в том, что обе эти разновидности «предмета» – чувственный и умственный – в науке могут выступать в качестве объекта, но не в качестве собственно предмета.

При этом и «предмет», и «предметная область» отдельно взятой науки, и «исследовательская область» могут изучаться как одной, так и множеством наук, но в одном случае – в качестве **собственно предмета** (предметной области), а в другом – в качестве **объекта** (исследовательской области). Например, распределительные (перераспределительные) отношения как момент экономических отношений есть предмет теоретической экономики. И выяснение собственно теоретико-экономической природы распределительных отношений выступает «предметной областью» данной науки. Но эти же отношения выступают «исследовательской областью», как только их начинают изучать не только экономисты, но и правоведы, социологи, политики и другие специалисты. В этой связи некоторые исследователи выделяют такое понятие, как **«аспект исследования»**, или «поле зрения», под которым подразумевают определенную сторону самого изучаемого предмета (предметной области) и то, под каким углом зрения он изучается. Таким образом, «содержательно-пространственную» характеристику дисциплины следует понимать как **«содержательно-предметную границу»** данной дисциплины.

Предмет научной дисциплины позволяет очертить и **«содержательно-временную»** ее характеристику в виде **«историко-предметной границы»** науки, что является важным условием классификации наук в историческом срезе. При этом выяснение содержательно-предметной границы (содержательной границы) данной научной дисциплины лежит в основе определения историко-предметной границы (исторической границы) науки, т.е. условий возникновения, становления, развития и отмирания (если это имеет место) данной науки, а иногда ее превращения в новую научную дисциплину. Структурную характеристику предмета научной дисциплины наглядно можно представить следующим образом (рис. 3).

Предмет любой научной дисциплины, как известно, многогранен, многоаспектен, многоуровнен, а потому он определенным образом должен быть исследован и представлен

целостно. Но поскольку целостное изучение и изображение предмета невозможно простым перечислением и описанием его бесконечных свойств, признаков и граней, постольку и возникает вопрос о методе, способе целостного отображения богатства предметного содержания научной дисциплины. Отсюда «**МЕТОД**» есть следующее ключевое понятие всего категориального строя науки и одновременно важнейший элемент общей дисциплинарной модели науки.

Метод есть, по определению Гегеля, «осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания»,¹ т.е. метод – «инобытие» предмета, и на поверхности явления выступает как способ постижения, способ освоения предмета субъектом. Отсюда **метод есть результат диалектического взаимодействия субъекта и предмета.** В то же время метод не есть чисто внешняя рефлексия предмета, а вырастает определенно из самого своего предмета, так как сам этот метод есть имманентный признак и душа предмета.²

Это значит, что **метод по своей природе содержателен,** поскольку в пределе он сводится к предмету, и что субъект в конечном счете не волен в выборе познавательных процедур, которые определяются самой спецификой природы исследуемого предмета.

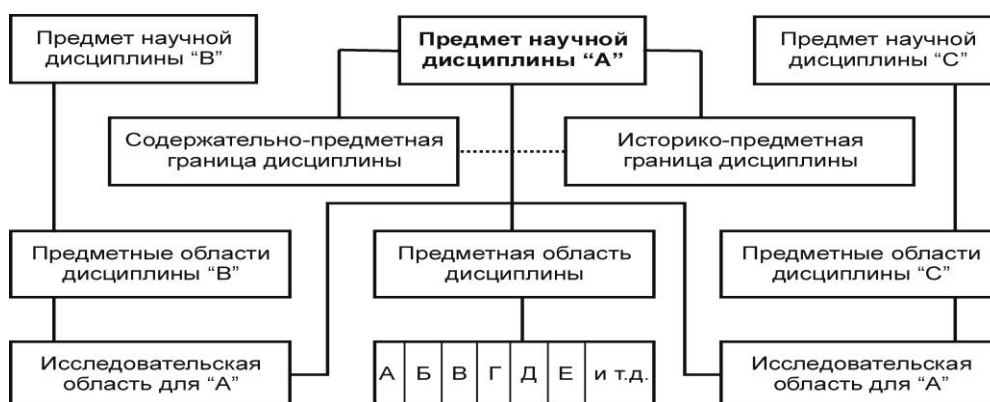

Рисунок 3. Структура предмета научной дисциплины

1 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. – М.: Мысль, 1970. – С.107.

2 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. – М.: Мысль, 1972. – С.295.

Разумеется, в начальной стадии исследования предмет выступает перед взором субъекта науки неким нерасчлененным целым, в наиболее абстрактном виде. Соответственно этому субъект может первоначально использовать ранее им усвоенный или не совсем адекватный природе изучаемого предмета метод. Но в дальнейшем, по мере содержательного освоения предмета, первоначальный образ метода изменяется – из абстрактного, одностороннего, неполного и неадекватного предмету он постепенно превращается в полный, конкретный, адекватный и обогащенный реальным содержанием и свойством исследуемого предмета метод познания. Таким образом, происходит динамичное **превращение метода в логику самого предмета, а потом превращение предмета в метод**. Следовательно, метод действительно совпадает с предметом, но в содержательном плане, а не по своей форме. «По форме он совпадает со структурой теоретического мышления».1

Использование субъектом метода, не соответствующего природе и содержанию предмета, – крайний случай **неадекватности предмета и метода науки и научного исследования**, что чревато негативными последствиями, и прежде всего неадекватностью получаемых результатов и характеристик предмета. Поэтому каждая научная дисциплина, каждый субъект научной деятельности в рамках своей же науки должны разрабатывать метод, адекватно отражающий предмет, и, по крайней мере, существенно развивать ранее имеющиеся методы, а также творчески использовать методы других наук с учетом специфики содержательного освоения данного предмета. В этом плане следует подчеркнуть, что **развитие и обогащение метода идет по линии асимптотического его приближения к своему предметному бытию**, которое тоже не стоит на месте, изменяется, развивается, являясь некоторым **пределом** для саморазвития метода данной науки.

В процессе содержательного освоения предмета научной дисциплины метод не выступает самостоятельным объектом или

1 Кумпф Ф., Оруджев З. Диалектическая логика. – М.: Политиздат, 1979. – С.194.

предметом исследования. В качестве такового метод выступает, как правило, в специальных исследованиях, целью которых является развитие самих методов исследования и получение собственно **методологического знания** в отличие от **предметного знания**. «Если знания раскрывают природу объекта (либо предмета. – У.А.) познания, то они являются предметными, теоретическими; если характеризуют подход, путь к познанию объекта, то они относятся к методологическим».1

Разумеется, нельзя возводить «китайскую стену» между **предметным и методологическим знаниями**: первое есть диалектически «снятое» второе, а второе, в свою очередь, есть положительное развертывание первого, и всякий истинный метод, как правило, «выводится» из предмета и в то же время реализуется, «угасает» в самом противоречиво развертывающемся предметном содержании объекта.

Предметное и методологическое знания получают свое продолжение, дополнение и конкретизацию в так называемом **методическом знании**. Если методологическое знание выражается в исследовательских принципах и общих подходах к сложному объекту, предмету, проблеме, то методическое знание – в конкретных способах, приемах, формах, средствах, рекомендациях по исследованию и изучению данного объекта, предмета, проблемы в определенной сложившейся ситуации.

Предметное, методологическое и методическое знания получают логическую завершенность в особом **технологическом знании**, которое, применительно к социальным системам и процессам, получает в последнее время относительно самостоятельный статус. Получило право гражданства и соответствующие понятия – «социальная технология», «социальная инженерия», «социальное проектирование» наряду с промышленной (технология металлообработки, машиностроения, строительства, химическая технология и т.д.), «симбиозной» (например, биотехнология, нанотехнология).

1 Суслов И.А. Методология экономического исследования. – М.: Экономика, 1983. – С.18.

Технологическое знание представляет собой конкретный способ (прием) реализации предметного, методологического и методического знаний (при обработке объекта, предмета) путем расчленения их на систему последовательных во времени и пространстве, взаимосвязанных как по линии субординации, так и координации процедур, нормативов, схем, алгоритмов, сценариев и операций, которые выполняются субъектом в более или менее схожих ситуациях для достижения высокой эффективности и конечных результатов.

Технологическое знание в социальных системах в большей степени развито в театральном и киноискусстве, живописи и скульптуре, разведке и контрразведке, в деле манипулирования человеческой психикой и сознанием масс. Мне представляется, что при наличии известных предметных, методологических и методических знаний, которыми мы порой располагаем, одной из существенных причин низкой эффективности социальных процессов и программ – научных исследований, освоения достижений науки и техники в производстве, управления персоналом, коллективом, государством, обществом, а также системы воспитания, образования, обучения, в том числе преподавания учебных дисциплин, и т.д. и т.п. – является далеко не развитая система технологического знания применительно к каждому социальному явлению, процессу и случаю.¹

¹ В этом отношении очень ценными являются следующие работы: Эрих Янч. Прогнозирование научно-технического прогресса. – М.: Прогресс, 1974; Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. – М.: Прогресс, 1976; Арстанов М.Ж., Пидкасистый П.И., Хайдаров Ж.С. Проблемно-модельное обучение. Вопросы теории и технологии. – Алма-Ата: Мектеп, 1980; Марков М. Технология и эффективность социального управления. – М.: Прогресс, 1982; Войчинский А.М., Лебедев О.Т., Юделевич М.А. Организационно-технологический базис и научно-технический прогресс. – М., 1991; Васильев И.Н. Экономические основы технологического развития. – М., 1995; Мировые образовательные технологии: основные тенденции, проблемы адаптации и эффективность. Материалы республиканской научно-методической конференции 25-26 апреля 1997г. – Алматы: Университет "Туран", 1997; Современные индивидуальные образовательные технологии: опыт, обобщение, адаптация // Материалы республиканской научно-методической конференции 24-

25 апреля. – Алматы: Университет "Туран", 1998; Телемтаев М.М. Системная технология (системная философия деятельности). – Алматы, 1999; Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. Под ред. В.Б. Супяна, М., МАГИСТР, 2009.

Предметное знание в общем и целом представляет собой **знание-описание** и/или **знание-объяснение** предмета исследования (т.е. позитивное знание),² тогда как методологическое, методическое, технологическое знания в единстве образуют главным образом **знание-предписание** (нормативное знание), хотя с различной степенью абстрактности. (См. Рис.4)

Таким образом, метод научной дисциплины, или **научный метод**, в самом широком смысле (в единстве методологического, методического, технологического знаний) раскрывает некоторую **линию «научного» действия** субъекта, его особенности,

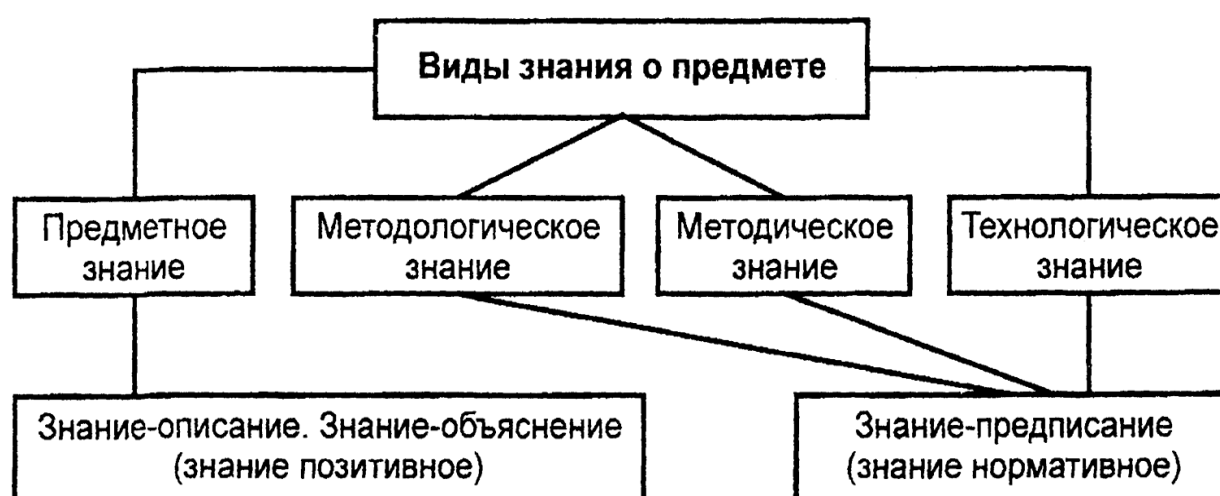

Рисунок 4. Виды знания о предмете

связанные с получением нового знания или уточнением содержания наличного знания о предмете. Другими словами,

² **Описание-знание**, дающее информацию о единичных, неповторимых, уникальных феноменах, в данном случае – это **внешняя** характеристика определенного предмета. **Объяснение-знание** – это знание о всеобщих законах множества схожих факторов, многогранно повторяющихся феноменах различных эпох и "географий", т.е. это знание о **внутренней** характеристике предмета (см. "Человек науки". – М.: Наука, 1974.– С.26.).

если **объект есть продукт диалектического взаимодействия субъекта и объективной реальности, предмет – субъекта и объекта, то метод – субъекта и предмета**. И его истинное назначение и цель – это обеспечить объективный познавательный подход к предмету исследования, адекватно отражающий его природу: генезис, структуру, содержание и функции.

Научный метод позволяет субъекту науки овладевать предметом, раскрывая его внутреннюю структуру. Отсюда: а) **«СТРУКТУРА ПРЕДМЕТА»** научной дисциплины (предмета, рассматриваемого в узком смысле слова) выступает следующим ключевым понятием общей дисциплинарной модели науки; б) **«структура предмета» есть продукт диалектического взаимодействия субъекта, предмета и метода науки**.

Структурность – неотъемлемая внутренняя черта любого объекта и предмета. Предмет обладает не просто признаком структурности, но и многоструктурности. Следовательно, задача состоит в том, чтобы раскрыть каждую из этих структур, предварительно положив в основу их выделения вполне определенные **критерии членения** единого предмета научной дисциплины. В зависимости от цели и задач исследования могут меняться и критерии членения (структуризации) единого предмета, хотя они в конечном счете определяются самой природой предмета, следовательно, могут меняться и границы, и значение каждой из этих структур и подструктур. При этом методологически неверно противопоставлять их друг другу, так как каждая из структур и подструктур предмета занимает вполне определенное место и имеет право на существование в единой системе предмета научной дисциплины.

Вместе с тем выявление **многоаспектной структуры** предмета научной дисциплины есть хотя необходимый, но все же **промежуточный** этап исследования. Это объясняется тем, что целью подлинного исследования является установление, воспроизведение **монистической структуры** и природы предмета (исходя из некоторого интегрального системообразующего критерия или признака), по отношению к которой все

другие «блоки» – «субструктуры» выступают как внутренние её моменты.

История развития любой науки характеризуется чередованием многоаспектного анализа, целью которого является выяснение различных структур (полиструктур, субструктур) исследуемого предмета, моноструктурным их синтезом и созданием **единой «научной картины»** изучаемого предмета и от нее – снова в направлении многоаспектности. Так, многовековой процесс развития физических исследований последовательно получил отражение в различных физических картинах мира: механической, электродинамической, релятивистской, квантово-механической; в химии – в учении о составе, учении о структурной химии, учении о химическом процессе (преобразовании), учении об эволюционной химии; в биологии – в концепции «божественного создания» всех живых, концепции эволюции и «географического детерминизма» Ибн-Хальдуна, теории эволюции и принципе естественного отбора Дарвина, теории распространения видов Н.Вавилова, современной теории сальтационизма и неокатастроф. Социально-классовая структура общества могла быть установлена лишь тогда, когда в качестве системообразующего критерия К.Марксом были взяты материальные производственные отношения людей, сердцевинной которых выступают отношения собственности (по крайней мере, в рамках формационного принципа периодизации истории человеческого общества). В этой связи прав Н.В.Овчинников: «Явление считается понятым, если найдена его структура».1 Лишь добавлю: если найдена не просто структура, а **интегрально-монистическая структура** предмета как диалектический синтез различных частных его структур.

Таким образом, в интересующем нас аспекте речь, по существу, идет о разработке и создании **ЧАСТНОЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА НАУКИ**, которая охватывает и описывает собственно предмет как стержневой элемент дисциплины, т.е. предмет научной дисциплины в узком смысле слова. Результатом частной

1 Системные исследования. Ежегодник. – М., 1969. – С.111.

теории предмета является **частная (локальная) предметная модель** науки в отличие от **ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА НАУКИ**, результатом которой является **общая, инвариантно-интегральная предметная модель научной дисциплины**, или то же самое, что **общая дисциплинарная теория науки**.

Каков методологический подход к обоснованию частной теории предмета научной дисциплины? Предварительным условием «структуризации» предмета науки в целом и той или иной научной дисциплины как системы является прежде всего определение (уточнение) самого **ее предмета** как такового, которое требует ответа на вопрос: «**Что** является предметом данной науки (дисциплины)?» Не вдаваясь в подробности, лишь отмечу, что многие научные дисциплины еще не добились однозначного определения (дефиниции) своего предмета (с учетом возможной трансформации самого реального предмета), свидетельством чего являются усилившиеся время от времени попытки выяснить этот вопрос в различных науках: монографиях, статьях, дискуссиях.²

После того как однозначно будет определен предмет данной научной дисциплины, необходимо выяснить реальное «ядро» самого предмета, т.е. **«предметное ядро»** (по выражению П.В.Алексеева), и изучить его собственную структуру, подобно тому как «элемент» в химии, «атом» в физике, «клетка» в биологии, «информация» в кибернетике, «число» в математике и т.д.

² Мукитанов Н.К. Методологические проблемы теоретизации географии. – Алма-Ата, "Наука Каз.ССР", 1979; Желнов М.В. Предмет философии в истории философии. М., 1981; Предмет и структура общественных наук // Под ред. Рачкова П.А., Манешина В.С. – М., 1983; Кедров Б.М. Классификация наук. Прогноз К.Маркса о науке будущего. – М., 1985; Философско-методологические проблемы науки. Отв.ред. Нысанбаев А.Н. – Алма-Ата, 1986; Кузнецов В.И. Общая химия. Тенденция развития. – М.: Высшая школа, 1989; Логико-гносеологический анализ науки. Отв.ред. Ж.Н.Абдильдин, А.Н.Нысанбаев. – Алма-Ата, 1990; Аубакиров Д.А., Аубакиров Г.Д.-Улы. Систематизация полувекового предмета кибернетики на стыке двух тысячелетий // Вестник Евразийского университета. – 1997. – №3. – С.145-154; Экономическая теория на пороге XXI века. Кн.1. – СПб Петрополис, 1996, Кн.2-8.- М., "Юристь", 1998-2003; Экономическая теория в XXI веке. Кн.1 (8) – 8 (15). – М., «Экономистъ», М. – Ростов-на-Дону, 2004-2011.

Далее, это очень важно, создание частной теории предмета или локальной предметной модели любой научной дисциплины предполагает предварительное выяснение различных относительно самостоятельных аспектов или уровней существо-вания самого предмета и соответствующее их отражение в логике понятий (законов и категорий) данной науки.

Первый структурный аспект (уровень) частной теории предмета (локальной предметной модели) – это предмет науки, существующий и функционирующий в реальной действительности безотносительно к тому, познали мы его или нет, а значит, и к конкретным формам его отражения в различных «рефлексивных системах». В данном случае имеется в виду та **реальность** (ее свойства, связи, отношения) в той мере, в какой она выступает **собственным предметом** некоторой научной дисциплины, например, элементарные частицы, объективно существовавшие всегда, но только впоследствии ставшие предметом физики элементарных частиц; химические элементы и процессы как предмет химии; общественные отношения людей как предмет социологии (обществоведения). Таким образом, когда речь идет о предмете научной дисциплины как реальности, то имеется в виду «**предмет-оригинал**», существующий как действительность безотносительно к конкретным формам его отражения и фиксации в логике понятий.

Отсюда задача субъекта науки состоит в том, чтобы вскрыть внутреннюю сущность и субординированную структуру предмета-оригинала соответствующим образом и отразить в собственно научной системе, которая и есть «преобразованный» с учетом закономерностей научного познания реальный предмет. Иначе говоря, необходимо видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к внутреннему, действительному движению. Результатом этой «операции» является образование «**научной модели предмета**» безотносительно к тому, в каких конкретных целях будет использоваться полученное в ходе научного исследования «предметное знание». **Научная модель предмета как «предмет-посредник», «предмет-образ», «предмет-смысл»**

есть второй (производный) структурный аспект частной теории предмета науки.

Реальный предмет (предмет-оригинал) и его теоретическое отражение – научная модель, совпадая в главном и существенном, могут не совпадать в деталях, частностях. Ведь «...то и другое, понятие о вещи и ее действительность движутся вместе подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая».¹ В связи с этим следует отметить, что когда речь идет о реальном предмете дисциплины, то иногда с некоторой степенью абстрактности и условности мы имеем в виду ее «научную модель предмета», наиболее адекватно отражающую предмет-оригинал по сравнению с другими рефлексивными системами.

Третий структурный аспект частной теории предмета – это прикладная модель предмета, т.е. когда полученные научные знания о предмете – научная модель предмета – используются для решения определенных прикладных задач (например, организация, управление, идеология, образование и т.д.). В связи с этим предмет научной дисциплины должен быть представлен также в соответствующей структуре, т.е. в форме, пригодной для практической реализации. Здесь собственно предметное знание преобразуется и «оформляется» в более конкретные виды методологического, методического, технологического знаний (принципы, концепции, модели, законы, программы, рекомендации, правила, инструкции, сценарии, схемы и т.д.), направленные на совершенствование практики функционирования различных технических, естественных и социальных систем и структур.

Из числа прикладной модели предмета следует выделить один, относительно самостоятельный и важный аспект существования предмета науки – предмет, отраженный или отражаемый в учебной дисциплине в виде **«учебно-прикладной модели предмета»**. Учебно-прикладная модель предмета (учебное знание) формируется относительно самостоятельно на

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.39. – С.354.

основе научной модели предмета посредством ее видоизменения и модификации в целях преподавания и изучения дисциплины с учетом принципов психолого-педагогической науки, дидактики, методики и технологии обучения и профиля учебного заведения и специальностей.

Адекватность отражения предмета-оригинала в учебной модели предмета несколько «хуже» и слабее, а сама ее структура может выглядеть несколько иначе, чем структура собственно научной модели предмета, поскольку здесь учитываются и внепредметные, а иногда и вненаучные факторы – специфика системы образования, обучения и воспитания. Отсюда вытекает другой важный вывод: **если предметом научной дисциплины выступает сам предмет-оригинал, то предметом науки как учебной дисциплины является главным образом не предмет-оригинал как таковой, а его научная модель** (т.е. предва-рительно «преобразованный» предмет-оригинал), которая, в свою очередь, модифицируется в **учебную модель предмета** (учебники, учебные пособия, учебные программы и т.д.).

Таким образом, единый и подлинный предмет науки – предмет-оригинал в контексте «сущность – существование» в действительности преобразуется в различные предметные модели: научную, которая, в свою очередь, преобразуется в прикладную, а последняя – в учебную, опытно-конструкторскую, хозяйственную, идеологическую и другие модели, хотя, конечно, все они в пределе сводятся к предмету-оригиналу. В итоге структуру частной теории предмета науки, т.е. локальную предметную модель дисциплины, наглядно можно представить следующим образом (рис. 5).

Четкое разграничение различных структур единого предмета дисциплины по указанным «моделям» очень важно для уточнения всех **основных понятий и категорий** системной характеристики предметного самоопределения любой научной дисциплины, которая наполняется конкретным содержанием в зависимости от того, **какая именно модель предмета-оригинала** рассматривается в данном конкретном случае.

Существование единого предмета научной дисциплины в различных «ипостасях», «измерениях», «координатах», «моделях» выдвигает и различный подход к его структуризации, а следовательно, наличие самых различных, неидентичных друг другу структур предмета. Ведь **в зависимости от задачи, которая ставится перед теорией, меняется сам характер ее систематизации.** Один характер систематизации требуется в учебной литературе, другой – в научной и третий – в случае использования знаний в хозяйственной деятельности? причем «язык» систематизации для каждого случая относительно разный.

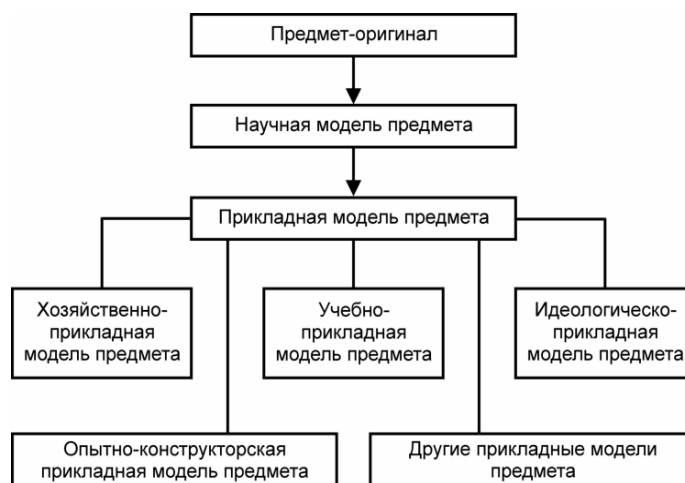

Рисунок 5. Локальная (частная) предметная модель дисциплины (структура собственно предмета дисциплины)

Отсюда вытекают два важных вывода: **во-первых**, в процессе практической реализации предметного знания (в широком смысле слова) нельзя смешивать эти различные модели предмета, так как их «объясняющие» и «разрешающие» возможности разные; **во-вторых**, нельзя противопоставлять их друг другу; они как бы «по принципу дополнительности» взаимопологают, взаимодополняют, взаимоусиливают друг друга, не растворяясь в то же время друг в друге. К сожалению, в силу неразработанности частной теории предмета вообще,

теории различных предметных моделей науки в особенности на практике происходит все «в худшем варианте».

Кроме того, следует особо отметить, что каждая из этих «предметных моделей» в принципе имеет свой, несколько отличный друг от друга **понятийно-категориальный аппарат** (сводящийся, конечно, в пределе к научному его «варианту»). Так, в рамках собственно научной модели предмета предельно широко и более содержательно «включается» весь собственно научный понятийно-категориальный аппарат предметного знания: **идея, гипотеза, теория, теорема, категория, закон, принцип, проблема, парадигма, научный факт.**

На уровне прикладной модели предмета преимущественно акцент делается на такой арсенал понятийно-категориального аппарата, который в большей степени раскрывает содержание предметного знания на уровне его прикладного использования: **концепция, модель, программа, проекта, эксперимента, образа, схема**, т.е. на формы, методы и технологии реализации предметного знания в решении тех или иных прикладных задач. Это в полной мере касается и учебно-прикладной модели предмета.

Подробное рассмотрение всех этих элементов структуры предмета не входит в задачу данной работы, хотя их специальное исследование не терпит отлагательства.

Из систем понятий, раскрывающих структуру предмета, следует особо выделить понятие «**ПРОБЛЕМА**». Это объясняется тем, что в любой науке получение новых знаний, расширение старых или просто их уточнение осуществляется путем решения **научных проблем**. Кроме того, грядет **смена парадигм**: от дисциплинарной организации науки к проблемно-целевой во всемирном масштабе.

В литературе дается различное определение сущности понятия «проблема».1 **Проблема** – это задача или вопрос

1 См.: Проблемность как форма развития культуры. Тезисы Всесоюзной конференции. – Целиноград, 1989; Творческое мышление: парадоксы и парадигмы развития. Тезисы Международного научного симпозиума. – Целиноград, 1991.

(затруднение, преграда, отклонение), характеризующиеся существенностью, необходимостью, достаточностью их содержания, множественностью возможных способов решения и вариантностью их результатов. Следует различать предметную (теоретическую) проблему, логическую проблему, методологическую проблему, аксиологическую проблему, практическую проблему, истинную проблему, ложную проблему и т.д.

Первоисточниками научных проблем выступают прежде всего противоречия самой объективной реальности (объекта, предмета, процесса, явления). «Субъективными» их источниками являются: **а)** особая любознательность и тяга отдельных людей к наблюдению и размышлению над природными и общественными явлениями (особенно на ранних стадиях развития науки); **б)** внутренняя логика развития самой науки, дающая «пищу для размышления» субъектам науки (на более зрелом этапе развития науки); **в)** в последнее время возрастает роль так называемых «социальных заказов» общества, имеющих «симбиозный» – объективно-субъективный характер, выполнение которых служит мощным импульсом развития той или иной науки или системы наук.

Научные проблемы по **дисциплинарному признаку** формулируются как **монодисциплинарные** (внутри отдельной научной дисциплины), **бидисциплинарные** (на стыке двух наук), **полидисциплинарные** (на стыке многих групп наук). На современном этапе все более особую роль, важность и перспективность приобретает проведение **междисциплинарных, межнаучных, межзнаниевых** исследований актуальных проблем социально-экономического развития и так называемых «глобальных проблем», которые носят в высшей степени не только комплексно-научный, но и поистине **метаэпистемологический** характер.¹

¹ Академик У.М. Султангазин вспоминает о том, что во время встречи с Папой Римским в Международной лаборатории в Сицилии состоялся обмен мнениями о 15 планетарных проблемах и необходимости разработки международных программ их решения. См.: Наука Казахстана. –1996. – №22(82). – 16-30 ноября. - С.3. В связи с этим, как я полагаю,

Научная проблема конкретизируется в понятиях «проблемная область» и «проблемная ситуация». **Проблемная область** («проблемное поле») очерчивает некоторую «предметно-пространственную границу», в пределах которой возможно сформулировать и решить данную проблему. Проблемная область, как и сама проблема, может ограничиться как пределами отдельной научной дисциплины, так и выходить далеко за ее рамки и охватывать «вотчины» других наук. Но может иметь место и другое их соотношение: проблема может быть поставлена в рамках предмета отдельной науки, хотя проблемная область ее решения может выходить за рамки данной дисциплины. Например, проблема становления цивилизованных рыночных отношений в странах СНГ, как правило, формируется и формулируется в рамках предмета экономической науки, хотя для ее решения необходимо «проникать» и в другие области знания: истории, права, политологии, социологии, психологии, этики, организации, управления и т.д., которые в единстве и составляют проблемную область отношений транзитного общества.

Проблемная ситуация – это такая ситуация, когда известная данной науке проблема не может решаться традиционными способами и путями, причем не выходя за рамки этой же проблемы, а иногда и самой науки, в пределах которой сформулирована данная проблема, и исследователь вынужден искать новые направления поиска, выходящие за пределы данной проблемы или научного знания как такового, и разрабатывать новые средства и методы исследования и разрешения путем привлечения познавательного потенциала всех видов знания.

Герасимов И.Г. выделяет три возможных случая, когда возникает проблемная ситуация в науке. 1. Проблемная ситуация

общемировая познавательно-исследовательская тенденция такова: монодисциплинарные – междисциплинарные – межнаучные – межзнаниевые исследования. На межзнаниевом принципе (подходе) нами была недавно организована в Казахстане Общественная академия UNIVERSUM – METAEPISTEMIA (Универсум - Метаэпистема), объединяющая представителей всех основных видов знания: философского, космологического, научного, теологического, художественно-искусствоведческого, эзотерического.

возникает тогда, когда дальнейшее развитие исследований упирается в разработку более широкой теории, позволяющей согласовать различные области знаний и указывающей на более широкую область применения ранее разработанных теорий. 2. Проблемная ситуация может складываться и в результате открытия принципиально новых фактов, и при необходимости их теоретического осмысления и объяснения. 3. Проблемная ситуация возникает тогда, когда не удается преодолеть расхождение между фактами и принципами, теориями, законами, привлекаемыми для их объяснения.¹

Переход от тоталитарно-плановой к рыночной системе отношений в ряде постсоветских стран породил особые проблемные ситуации, «дремавшие» до поры до времени и «проснувшиеся» объективно, творческое осмысление и решение которых составляют важную задачу всей системы социогуманитарных наук. В этой связи следует отметить, что **любая наука (дисциплина)** имеет, хотя это нежелательно, так называемые «**проблемы-дезидераты**»,² т.е. забытые, упущенные предметные области и проблемы, несвоевременно получившие разработку или до сих пор не подвергнутые специальному исследованию.

Научная проблема в содержательном аспекте характеризуется такими основными чертами, как быть **предметной, перспективной и обладать свойством разрешимости**. Необходимо выделить следующие критерии разрешимости научных проблем. **Научная проблема разрешима:** **а)** если ее содержание относится к реальным объектам (предметам, процессам, явлениям); **б)** если она сформулирована адекватно ее реальному содержанию в точных логико-языковых терминах и понятиях; **в)** если исследователь при ее решении исходит не только из наличных знаний и существующих научных традиций, но и творчески использует принципиально новые монодисциплинарные и междисциплинарные знания; **г)** если

1 Герасимов И.Г. Структура научного исследования. – М.: Мысль, 1985. – С.93.

2 Деидерат (лат. Desiderat) – желаемое, пожелание, требование.

исследователь располагает соответствующими ресурсами (материальными, интеллектуальными, информационными, финансовыми); **д)** если на решение проблемы отводится время, достаточное и оптимальное в данных сложившихся условиях развития науки, техники, производства и коммуникаций; **е)** если научная деятельность основана на высокой степени организованности и управляемости; **ж)** если используются эвристические средства решения научных проблем – дискуссии, свободная критика (конструктивно-созидательная критика), метод «мозгового штурма», метод «Дельфы» и т.д.

Монодисциплинарные, междисциплинарные, межнаучные и межзнаниевые проблемы, в свою очередь, подразделяются на: **ПЗ (Нп)** – проблемы, относящиеся к самому знанию как особой сфере деятельности, направленной на производство знаний, т.е. проблемы по самосознанию знания вообще; **ПО (Оп)** – проблемы, относящиеся к самим объектам (вещам, явлениям, процессам) и их структурам; **ПМ (Оп)** – проблемы, связанные с усовершенствованием и развитием методов и средств познания; **ПОИ (Пи)** – проблемы, возникающие при оценке и использовании полученных научных знаний. Общая характеристика проблемы научной дисциплины наглядно представлена на рис.6.

Решение проблем науки осуществляется в рамках определенной системы социальных функций, выполняемых научной дисциплиной. Иначе говоря, **система любого научного знания, как и предмет, ею отражаемый, обретает смысл и жизненность только благодаря ее функционированию.**

Отсюда можно сделать два вывода: во-первых, «**ФУНКЦИЯ**» выступает весьма важным и ключевым понятием категориального строя науки или элементом общей дисциплинарной модели науки; во-вторых, это самое важное, функция есть не просто понятие, не просто элемент науки, а по су-

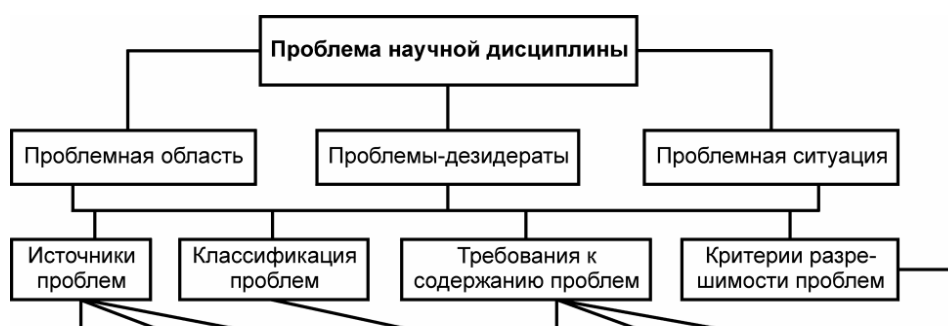

Рисунок 6. Общая характеристика проблемы научной
дисциплины

ществу, **реализация** на деле предмета научной дисциплины, т.е. **способ существования и обнаружения** предмета. Иначе говоря, под функцией понимается не только «служебная роль» научного предметного знания, но и «поведение» и «работа на деле» науки в целом, данной научной дисциплины в частности, предопределяемые как внутренней их природой, содержанием и структурой, так и общественными потребностями.

Многоаспектность и многослойность структуры предмета науки предполагает и **многофункциональность** самой научной дисциплины. В методологическом плане систематизация функций научной дисциплины должна опираться на **основные виды человеческой деятельности**, куда входит и научная деятельность как специфическая социальная и информационная система, а также на принцип «**дерева функции**».

Кроме того, мы должны учесть реальное место и положение, которое занимает та или иная научная дисциплина в системе наук вообще, в системе однотипных, родственных наук, в системе еще более дробных классов наук. Эти методологические подходы позволяют нам выделить **три основные функции** научной дисциплины: **гносеологическую** (познавательную), **аксиологическую** (ценностно-оценочную), **праксиологическую** (практически-преобразующую). В свою очередь, последние на деле реализуются через множество соответствующих **подфункций**.

В литературе «наряду» и на «равных правах» с понятием «функция науки» фигурируют такие понятия, как «**цель науки**», «**задача науки**», «**значение науки**», «**роль науки**». При этом следует особо подчеркнуть, что неразработанность **теории функции науки** негативно отразилась и на вопросах о целях, задачах, роли, значении науки в истории общества. Об этом в свое время говорил еще А.Эйнштейн: «Наука настолько субъективна и психологически обусловлена, что на вопрос «какова цель и

значение науки?» в различные времена и от различных людей мы получаем совершенно различные ответы».1

Не вдаваясь в детали, лишь отмечу следующее. Во-первых, при систематизации понятийно-категориального аппарата «функции науки» правомерно использовать принцип **«дерева функции»**. Во-вторых, понятия «цель науки», «задача науки», «смысл науки», «значение науки», «роль науки» – суть понятия, раскрывающие содержание системы социальных функций, а следовательно, их следует рассматривать как конкретизацию различных функций научной дисциплины по принципу «дерево целей». В-третьих, строго научными из этих понятий являются собственно «цель» и «задача» науки, тогда как «смысл», «значение» и «роль» науки – суть понятия либо индивидуального обыденного сознания («зачем мне наука?»), либо массового обыденного сознания («зачем обществу наука?»), либо понятия, строго научное содержание которого еще не определено однозначно. В-четвертых, понятие «функция науки» логически предполагает такое понятие, как **«результат функционирования науки»**.

Дело в том, что любой субъект науки старается получить «научные результаты» и причем стремится, чтобы эти результаты были применены на практике. В этом и смысл всякой научной деятельности. Поэтому можно сделать вывод о том, что **«НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ»** как продукт деятельности субъекта науки и продукт функционирования самой науки в целом на деле есть *ключевое* понятие всего категориального строя науки, необходимый элемент инвариантно-интегральной предметной модели научной дисциплины.

Возникает, однако, вопрос, **в чем конкретно выражается результат функционирования науки?** В связи с этим предварительно следует отметить, что в науке в целом вопрос о самих «научных результатах» не подвергнут еще углубленному специальному анализу в теоретическом, типологическом, праксиологическом планах. Отсюда мы встречаемся с разнбоем в их

1 Цит. по: Бернал Дж. Наука в истории общества. – М., 1956. – С.17-18.

определении, характеристике, и, более того, очень распространено противопоставление различных форм выражения научных результатов друг другу. Все это затрудняет эффективное функционирование различных наук и их системы в общественной практике.

По моему мнению, **«научные результаты»** должны быть подвергнуты исследованию в следующих основных направлениях и определенной последовательности: **а)** необходимо определить сами иерархии научных результатов по определенным критериям их систематизации, не противопоставляя их друг другу; **б)** методологически оправдано классифицировать результаты науки, исходя из специфики каждой функции и подфункции, выполняемой научной дисциплиной, так как любая научная дисциплина в рамках каждой своей функции имеет вполне определенную **систему истинных и ложных, положительных и отрицательных, основных и побочных, конечных и промежуточных, потенциальных и актуальных (реальных) результатов**; **в)** необходимо более четко определить научные результаты по цепочке: **«наука – производство – человек»**, а именно результаты фундаментальных исследований, результаты прикладных исследований, результаты разработок, результаты применения научных изысканий в экспериментальных, опытно-производственных работах, результаты применения научных изысканий в серийном производстве, результаты применения научных изысканий в массовом производстве и, наконец, результаты, отражаемые на самом **человеке** – на своеобразной «лакмусовой бумаге» научно-технического прогресса во всемирном, страноведческом, локальном и индивидуальном масштабах. Ведь, «Все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А.Вознесенский).

Вместе с тем мне думается, что каждая научная дисциплина имеет некоторый **интегральный результат** в виде созданной в рамках ее же предметной специфики своеобразной **«предметной научной картины мира»**. Например, теоретическая физика в качестве своего интегрального результата может считать созданную физическую картину мира, а в будущем, возможно,

разрабатываемую единую теорию поля (единую полевую теорию материи), теоретическая биология – биологическую картину мира, философия – философскую картину мира, теоретическая экономика – экономическую картину мира и т.д.

Создание различных «предметных научных картин мира» есть, как я считаю, исключительно важное условие выработки, во-первых, единой **метаинтегральной научной картины мира и вселенной** как диалектического (полилектического) синтеза различных «предметных научных картин мира», т.е. «в высшей степени монистической концепции всего сущего» (М.А. Марков)¹ или, как принято говорить сейчас, **«теория всего»**, полученных на достаточно высокой ступени развития всех типов и видов знания и общественной практики; во-вторых, оно позволяет выработать эффективные пути развития мирового сообщества по «духовно-научному компасу».

Заключительным этапом исследования «результатов науки» является, на мой взгляд, выработка **системы критериев и показателей оценки реального эффекта (результативности) функционирования как отдельных научных дисциплин, так и всей системы наук** (превращение потенциальных результатов науки в актуальные). Этим самым обеспечивается диалектическое единство процесса производства научного продукта и процесса его потребления. Лишь **потребленный** научный продукт, как и любой другой потребленный продукт, становится «действительным продуктом».

В свою очередь, **«действительный научный продукт»** для субъекта научной дисциплины выступает необходимым условием и стимулом для продолжения нового «витка» творческих научных исследований. Таким образом, круг смыкается – «живое предметное движение» научной дисциплины начинается с деятельности субъекта науки по производству нового **«знания-продукта»** и завершается его возвращением к нему же в виде потребленного научного продукта – **«действительного продук-**

¹ Цит. по: Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994. – С. 293.

та», который служит мощным стимулом и смыслом саморазвития науки.

Система социальных функций научной дисциплины и связанных с ними проблемы, предлагаю наглядно представлены на рисунке 7.

Итак, в данной главе сделана попытка вкратце обосновать и раскрыть логику **системы базовых понятий** феномена «науки» в виде такой ее структурной и таксономической единицы, как «научная дисциплина», которые в диалектическом единстве образуют, на мой взгляд, **целостный категориальный строй научной дисциплины** (философский уровень исследования), или то же самое, что **общую дисциплинарную модель науки** (научоведческий уровень исследования). А если учесть, что данная теория (модель) построена «вокруг» такого «стержневого» понятия, как «предмет», то **«общую (инвариантно-интегральную) предметную модель научной дисциплины»** можно наглядно представить следующим образом (рис.8).

Представленная автором общая дисциплинарная теория (модель) науки, или общая теория предмета научной дисциплины, как я надеюсь, будет способствовать дальнейшей разработке общей метатеории науки и одновременно претендует стать своеобразной **новой дисциплинарной парадигмой** науки нашего времени и обозримой перспективы.

В праксиологическом аспекте **общая предметная модель науки** позволяет с новых концептуально-методологических позиций подойти к любой отдельно взятой функционирующей или становящейся научной и учебной дисциплине (в данном слу-

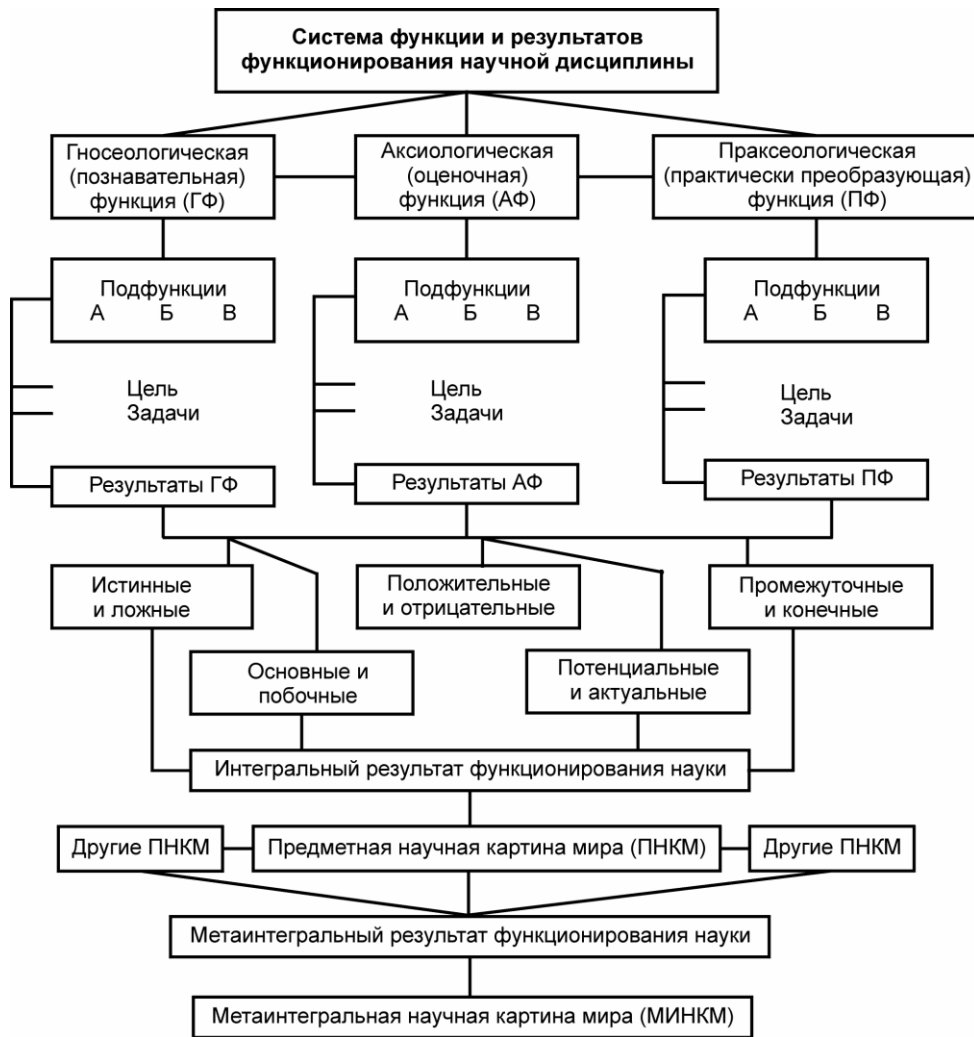
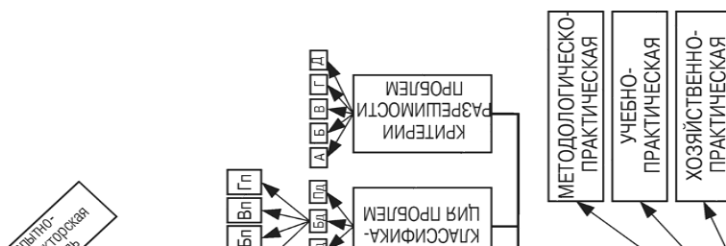

Рисунок 7. Система функции и результатов функционирования научной дисциплины

чае к теоретической экономике), исследованию ее реального статуса более полно, всесторонне объективно и достоверно в различных направлениях и аспектах противоречивого процесса реализации ее предмета как в широком (интегральном), так и в узком (локальном) смысле слова. Это в конечном счете служит необходимым условием повышения эффективности научно-инновационной деятельности в целом и науки как важнейшего его компонента в решении животрепещущих проблем и задач, стоящих перед каждым человеком и локальным сообществом, тем или иным обществом и всем мировым сообществом в целом.

|

Рисунок 8. Общая предметная модель научной дисциплины

(Примечание: начало модели - «субъект» науки)

Исходя из разработанной автором **общей теории предмета научной дисциплины как таковой** в следующей главе диссертации будет исследована собственно предметная определенность теоретической экономики как научной дисциплины.

ГЛАВА II. предмет теоретической экономики как научной дисциплины

«Силой духа и волей человек постигает науку. Но и у нее есть свои сильные и слабые стороны. О них тоже должен знать человек, тогда ему будет ясно, как развивать науку и извлекать из нее максимум пользы для блага народа». Абай Кунанбаев

2.1. Эволюционно-содержательно-типологический анализ предмета теоретической экономики

Вначале – краткий тематический анализ главы. Итак, **объектом** исследования выступает сама **«теоретическая экономия»** как базовая общетеоретическая составляющая современной экономической науки. Термином «теоретическая экономия» (или «теоретическая экономика») в разное время оперировали Дж.Б. Кларк, К. Менгер, В.П. Воронцов, В.Я. Железнов, М.И.Туган-Барановский, И.А. Шумпетер, А.В. Чаянов, Е.А. Преображенский, Н.Д. Кондратьев, Н.А. Вознесенский и многие современные исследователи (Г.П. Журавлева, П.С. Лемещенко, Н.Н. Мильчакова, Ю.М. Осипов, Б.В.Прыкин и др.). Впрочем, термин «теоретическая экономия» после издания русского перевода книги К.Менгера «Основание политической экономики» в 1901г. стал широко используемым в научной литературе, хотя без достаточной мотивировки, не только в Западной Европе, но и в России и СССР вплоть до 40-го годов XX века. Небезынтересно, что в составе экономического

отделения Казахстанского института марксизма-ленинизма (КИМЛ, 1931г.) была секция под названием «Теоретическая экономика и теория советского хозяйства».

Под «теоретической экономией» в настоящее время можно подразумевать тройкое понимание:

а) теоретическая экономия в общем и целом есть та же политическая экономия;

б) теоретическая экономия есть совокупность общетеоретических положений и утверждений, сложившихся за весь период существования экономической науки, начиная от древней «экономики» (домохозяйства) и завершая современностью;

в) теоретическая экономия есть, на мой взгляд, синтез (хотя и в идеале) «общей экономики», «социальной экономи(к)и», каталлактики (экономикса) и в этом своем качестве, выступает **базовой общетеоретической** составляющей современной системы экономических наук. Что же касается многих «новых» научных (учебных) дисциплин таких как институциональная экономика, эволюционная экономика, информационная экономика и т.д., то они, по моему мнению выступают **частотеоретическими** дисциплинами. Место «теоретической экономии» в современной системе экономических наук представлено на рисунке 9.

Следует отметить, что теоретическая экономия в этом своем качестве вбирает в себя отдельные элементы из первых двух позиций (**а, б**) и кроме того, «социальная экономия» как по духу, так и по содержанию наиболее близка собственно политической экономии и задает «основной тон» как предметной определенности, так и целевой функции теоретической экономии в целом.

Предметом анализа в данном случае выступает сам **«предмет»** (точнее предметная определенность) теоретической экономии как научной дисциплины, по поводу которого вот уже в течение нескольких сот лет развернулась настоящая драма идей, взглядов, дефиниций, а порой и драма их субъектов. А их

субъектами (носителями) были либо сами великие основатели политэкономии, либо внесшие определенный вклад в эту науку и именуемые себя «политэкономами», либо получившие специальное политико-экономическое образование и имеющие определенные профессиональные взгляды о ней «изнутри» и ее «развиватели», либо просто рассуждающие о политэкономии.

В качестве **метода** автором использована общефилософская, общенаучная (науковедческая) и собственно **политико-экономическая методология** исследования сложных внутридисциплинарных проблем, в данном случае проблемы предмета теоретической экономики.

«Социальная экономия», «экономикс» и зарождающаяся в последнее время «общая экономика» – близкие по предметной области научные дисциплины, но не аутентичные. Их «близость» в том, что все они относятся к классу **общетеоретических** экономических дисциплин. Учитывая то, что под **теоретической экономией (теоретической экономикой)** подразумевается син-

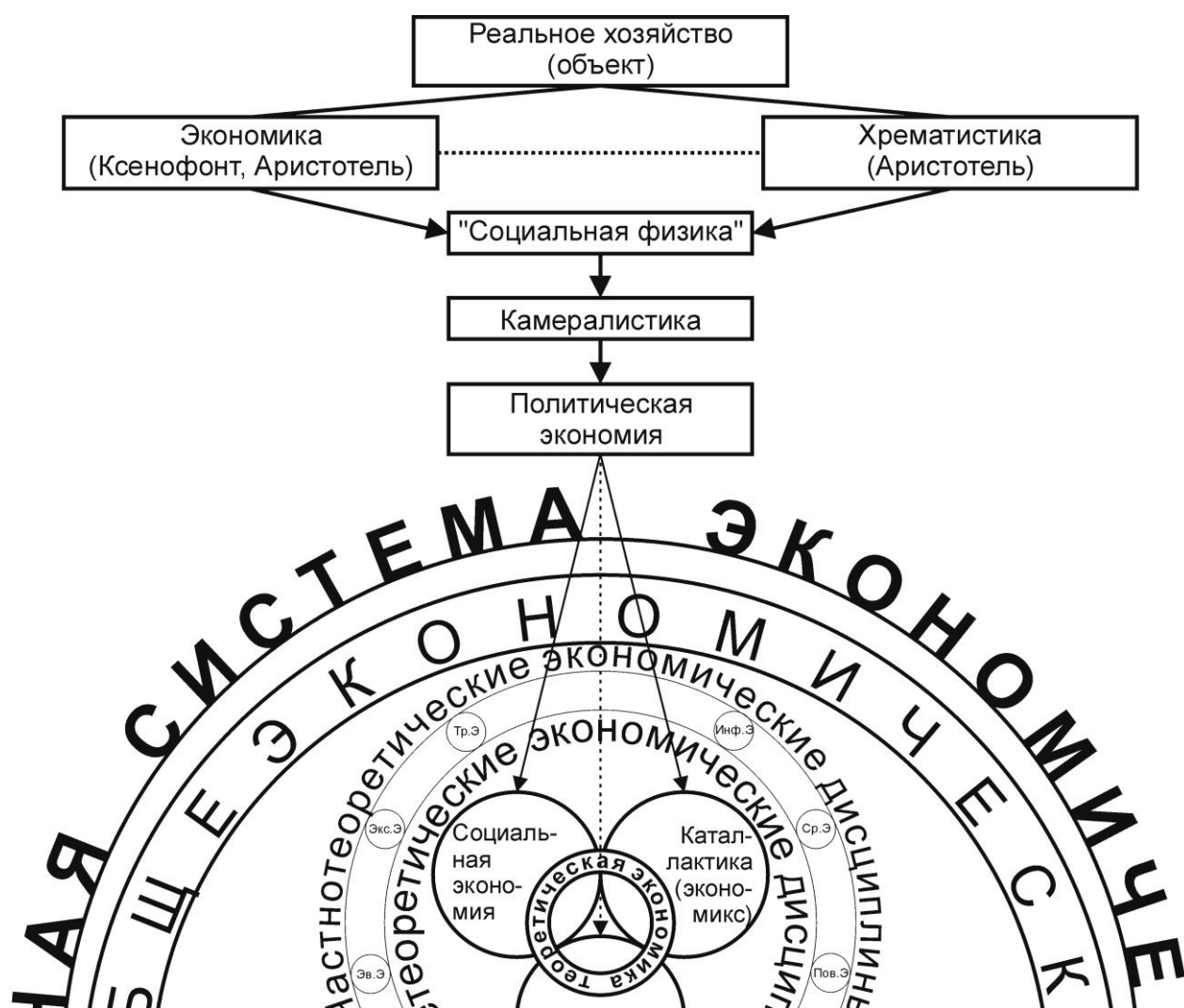

Рисунок 9. Место «теоретической экономики» в современной системе экономических наук

тез вышеназванных трех научных дисциплин, возникших в различные исторические эпохи, а также «претензии» ряда «новых экономик» быть базовой теоретической составляющей современной экономической науки, проследим *генезис* ее предметной определенности за весь период существования науки экономики.

Самоопределение предмета любой отдельно взятой науки – важное условие и исходный принцип ее самосознания и самооценки как научной дисциплины, так как вся без исключения последующая содержательная характеристика этой науки органически проистекает от ее *предметной определенности*. “Надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы можно было заняться теми изменениями, которые с ним происходят”.¹

Применительно к рассматриваемой научной дисциплине нельзя не учесть, что “политическая экономия – удивительная наука. Трудности и разногласия начинаются уже с первых шагов в этой области, уже с самого элементарного вопроса: каков, собственно, предмет этой науки”.² Это бесспорное положение Р. Люксембург требует некоторого уточнения: вопрос о предмете политической экономии (да и любой другой науки) вовсе не “элементарный”, не рядовой, а *стержневой*, а потому сложный и ответственный вопрос, что подтверждается всей историей ее становления и развития, особенно в современных условиях все усиливающейся двойкой тенденции – *дифференциации и интеграции* самих экономических наук, появления на их основе новых научных направлений и дисциплин.

Следует, более того, отметить, что в последнее время усилился своеобразный *кризис* в понимании предмета политической экономии. Это связано, как нам представляется, с двумя основными причинами. Первая причина носит *объективный*, т.е. по отношению к самой политической экономии экзогенный, “внешний”, характер и связана с глобальными сдвигами самого *предмета-оригинала*, т.е. системы

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. –Т. 21. – С. 303.

2 Люксембург Р. Введение в политическую экономию. –М., 1960. –С. 27.

экономических отношений в мировом, макрорегиональном и страноведческом (национальном) масштабах, особенно их кризисом и трансформацией в пост-советских странах.

Вторая причина носит как бы **субъектный**, т.е. по отношению к политической экономии эндогенный, “внутренний”, характер и тесно связана с **гносеологическим** ее кризисом, т.е. кризисом в познании и отражении кризиса самой общественной реальности в системе научного знания. Состояние трансформированности, переходности, особенно сильной деформированности, неразвитости, неопределенности и непредсказуемости современного мира, как правило, вызвало смещение (а иногда и смешение) и размытость представлений о нем самом, в связи с чем субъекты политической экономии “потеряли” и “растеряли” свой традиционный предмет; предмет становится неясным, зыбким, расплывчатым (как в реальности, так и в представлении субъектов науки).

Подмена на практике бывшего СССР **социально-экономических отношений** между людьми административно-командными **“производственными связями”** строго по “вертикали” и по “горизонтали” привела вначале к смещению, а затем и вульгаризации предмета политэкономии как **научной дисциплины**, так и **учебной дисциплины**. Это, в свою очередь, явилось одной из причин “бегства” от преподавания политэкономии, замены ее другими курсами, которые (в условиях неясности с предметом политэкономии) создают значительные трудности в исследовании и понимании реальных экономических процессов и явлений, происходящих в переходном обществе.

Однако, не сбрасывая “вины” с кризиса самого «общественного материала» в обострении негативных отношений к политической экономии и экономикс, все же считаю, что в нем не меньше виноваты и сами субъекты этих научных дисциплин, несвоевременно заботившиеся о ясности и “чистоте” их предмета. Несмотря на известную изученность данного вопроса почти со времен их возникновения, наличие множества статей, диссертационных работ и монографий, проблема предмета

теоретической экономии в различных дисциплинарных ее формах, как ни парадоксально, еще не разработана как следует в серьезных научных исследованиях. Кажущаяся простота и ясность вопроса о предмете, например, и политэкономии, и экономикс, своеобразная эйфория изначальной фундаментальности и “всеядности” их задач и роли привели ни много ни мало к отсутствию **целостной теории предмета теоретической экономии как науки**, а на практике – к общественному ее порицанию как “виновнице” чуть ли не всех сегодняшних бед и потрясений.

Вот какова цена имевших место в недалеком прошлом, высокопарных, большей частью не совсем обоснованных (не умаляя множества серьезных достижений) утверждений о **“развитии теории политэкономии” без теории ее предмета**. Иначе говоря, получается некое “развитие беспредметной теории науки”. Не лучшим, а если не худшим, образом складывалась ситуация и в понимании предмета экономикс.

Исследование предмета политической экономии и экономикс как составных частей теоретической экономии требует исключительно серьезного и нового подхода, ибо как сам реальный предмет, так и изучающая его наука не могут не находиться постоянно либо в динамическом состоянии (прогресса или регресса), либо в статическом состоянии, (застоя и кризиса). Это предполагает изначальное рассмотрение **генезиса взглядов на предмет теоретической экономии в различных дисциплинарных формах ее существования** за довольно длительный период ее становления и развития для того, чтобы проследить сложный процесс постепенного формирования и формулирования истинно научного его представления и определения. При этом своеобразным эпиграфом данного исследования можно взять следующее положение **Н.Г.Чернышевского**, имеющее непреходящее методологическое значение: “Без истории предмета нет теории предмета; но и без

теории предмета нет даже и мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах”.¹

В этой связи обоснованная ранее **общая теория предмета науки** (глава I) выступает в качестве своеобразной “анатомии человека”, позволяющей понять “анатомию обезьяны” – “историю предмета теоретической экономики”, но историю, представленную логическим методом как методом, диалектически снявшим в себе исторический метод. Только при этих условиях и подходах мы обнаружим, что представления о предмете экономической науки начиная с древности развиваются в таком направлении, когда этот же **«предмет» из своих предпосылок через самое себя постепенно превращается в систему, а система – в целостность**. И, в свою очередь, сами эти представления об этом предмете, вначале в качестве гениальных догадок, впоследствии постепенно превращаются в научные гипотезы, а гипотезы – в стройную и целостную концепцию и теорию предмета науки экономики вообще и теоретической экономики в частности, т.е. в собственно предмет данной науки.

Теперь совершим краткий исторический экскурс в логику развития предметной определенности теоретической экономики, рассматриваемой как синтез ряда дисциплин теоретического направления.

Экономическая наука и ее теоретическая составляющая как понятийно, так и содержательно формировались, как известно, вместе со становлением особенно буржуазных рыночных отношений. Тем не менее отдельные ценные мысли о хозяйственной жизни общества, в том числе и о науке экономике, в целом имели место еще в древности. “Поскольку греки делают иногда случайные экскурсии в эту область (экономическую. – У.А.), – писал К.Маркс, – они обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях.

¹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.II. –М.: Художественная литература, 1949.–С. 265-266.

Исторически их воззрения образуют поэтому теоретические исходные пункты современной науки”.¹

Предвестником теоретической экономики как сложившейся впоследствии науки, и прежде всего в виде политэкономии, была древнегреческая **экономика** (экономия). Первым в истории человечества специальным научным экономическим произведением была, как известно, работа **Ксенофонта Афинского** (около 430-355 гг. до н.э.) “Symposium Oeconomicus”, переведенная на русский язык как “Домострой” (“Домоводство”).²

Ксенофонт, по видимому, является **основоположником экономической науки как таковой**, из которой впоследствии постепенно “вышелушивались” собственно политическая экономия и другие экономические дисциплины. «В чем состоит предмет домоводства» – вопрошал он и отвечал: “Домоводство есть... название... науки..., при помощи которой люди могут обогащать хозяйство, хозяйство, согласно нашему определению, есть все без исключения имущество, а имуществом каждого мы назвали то, что полезно ему в жизни, а полезное... – это все, чем человек умеет пользоваться”.¹ Здесь мы, по существу, видим **первую попытку** в истории человечества определить **предметную специфику** экономики как науки, в том числе и будущей политической экономии в частности, “предметную специфику”, рассматриваемую здесь не в локальном смысле, как это предполагает частная теория предмета, а в интегральном, синкретическом, т.е. в рамках общей теории предмета науки в целом.

Следующим видным представителем древности, оставившим заметный след в становлении теории предмета науки вообще («то, относительно чего доказывается»), теории предмета экономики в частности, был **Аристотель Стагирит** (384-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т. 20. –С..238.

² Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. –М-Л., 1935. –С.247-320.

¹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения. –М-Л., 1935. –С.270-271. (Подчеркнуто мной. – У.А.).

322 г. до н.э.), который одним из первых проанализировал ряд политико-экономических категорий и их взаимосвязь с позиции им же выдвинутой *«хрематики»*. По вопросу предметной определенности науки «экономики» он в целом оставался на позиции Ксенофонта.

Примечательно, что в вышеприведенном определении Ксенофонта “предметной сферы” науки экономики, по существу, в “зародыше” содержится множество последующих научных и ненаучных определений предмета политической экономии и экономикс. Так, в нем речь идет одновременно об “обогащении”, “хозяйстве”, “имуществе”, “полезности”, “умении пользоваться” (рациональном хозяйствовании).

Рассматриваемое определение науки экономики Ксенофонтом “емко” и с позиции *общей теории предмета науки*: в свернутом виде в нем “присутствуют” и *объект* науки – “домашнее хозяйство”, и *функция* науки (практическая) – “обогащать хозяйство”, и *задача* науки – научить вести рациональное хозяйствование, т.е. “уметь пользоваться имуществом”.

Но поскольку Ксенофонт и вся древнегреческая “экономическая наука” исходят главным образом из натурального хозяйства потребительной стоимости (хотя им было высказано много прозорливых мыслей о товарном обмене), постольку и соответственно этому *подлинным “предметом” науки экономии* в тот период был, как я полагаю, *процесс потребления*, вернее, разумное личное потребление человека, гражданина греческого полиса. Следовательно, исходя из конкретно-исторических условий формирования науки экономики в учениях древних греков, хотя в неявной форме, но обозначен ее предмет – *сфера (отношения) потребления*.

Понимание “экономики” (экономии) как науки о домашнем хозяйстве (вначале о рабовладельческом “доме”, позже – феодальном поместье) в силу неразвитости производительных сил, выразившейся в раздробленности и натуральности этих “хозяйств”, прошло через всю древность и средневековую историю вплоть до образования первых

общенациональных, государственных хозяйств и получения ею другого, более современного названия – **“политическая экономия”**. Автор нового термина **А.Монкретьен**¹ (1575-1621 гг.) расширил объект этой науки – теперь им стало не обособленное домашнее хозяйство (рабовладельческое или феодальное), а целое национальное, государственное хозяйство (прилагательное “политическая” – от древнегреческого слова politeo «город», “государство”, “государственный строй”).

Связь между “экономией” и “политической экономией” своеобразно интерпретировал английский экономист **Джеймс Стюарт** (1712-1780 гг.): “Экономия в общем смысле слова – это умение осмотрительно и бережно удовлетворить все запросы семьи (это еще раз подчеркивает то, что “предметом” древнегреческой экономики является потребление. – У.А.)... То, что в семье является экономией, в государстве является политической экономией”.² Следовательно, собственно “политическая экономия” вышла на авансцену первоначально как “государственная (национальная) экономия”.

Но из этого **объекта** – государственного (национального) хозяйства постепенно начинает выделяться собственно **предмет** политической экономии во взглядах **меркантилистов** (от итальянского слова mercante – торговец, купец) – **сфера обращения** (точнее, сфера обмена в виде внешнеторгового обращения), что связано с возникновением рыночных отношений первоначально не в сфере производства, а в сфере обращения в силу большей потребности и быстроты движения капиталов и образования богатства в виде золота (ранняя, монетарная система) или товаров (поздняя, коммерческая, мануфактурная система меркантилизма). В этом, хотя и в неявной форме, разграничении **объекта** науки политической экономии – национального (всего государственного) хозяйства и **предмета** науки – **сферы (отношения) обмена** мы видим одну из

¹ Хотя по данным профессора Л.Д.Широкограда, автором термина “политическая экономия” является не А. Монкретьен, а другой и он (термин) появился в 1604 г.

² Цит. по: Каратаев Л.И. Economics – буржуазная политическая экономия. – М.: “Наука”, 1966. –С.70.

основных заслуг всей **меркантилистской школы** в становлении теоретической экономики как научной дисциплины.

Кроме того, постепенно вырисовываются и функции, выполняемые теоретической экономией: в познавательном плане – поиск экономических закономерностей сферы обращения как истинного, по мнению меркантилистов, источника богатства, а в практическом – вывод о всемерном накоплении драгоценных металлов в стране и в государственной казне как основной формы богатства общества.

Но “подлинная наука современной политической экономики начинается лишь с того времени, когда теоретические исследования переходят от процесса обращения к процессу производства”.¹ Это потому, что производство материальных благ и услуг, а значит, и сам “материально-производительный” труд согласно К. Марксу есть первая предпосылка и основа общественной жизни, истинный источник всякого богатства.

Данная мысль впервые в истории науки была высказана еще величайшим средневековым арабским мыслителем **Ибн-Хальдуном** (1332-1406 гг.). Крупный специалист по Ибн-Хальдуну С.М.Бациева пишет, что он “впервые в истории науки... выдвинул теорию закономерного прогрессивного развития общества от низшей фазы к высшей через развитие форм **производительной** деятельности людей... объяснил развитие форм общественной жизни развитием производством”.²

Весьма подробно и глубоко научно проанализировав **труд** в качестве источника богатства государства и основы эквивалентного обмена товарами (“равноценного обмена”, по его выражению), Ибн-Хальдун в своей работе “Аль-Мукаддима” (“Пролегомены” или «Введение») писал: “Знай, что условия, в которых живут поколения, различаются в зависимости от того,

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.25. –С.370.

2 Бациева С.М. Географический фактор в историко-социологической концепции Ибн-Хальдуна. - Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, XII год. сессия ЛО ИВ АН СССР. –Л., 1977. –С.183. (Выделено мной. –У.А.).

как люди добывают средства к существованию”.¹ И как удивительно тесно перекликается данное положение Ибн-Хальдуна с мыслью К.Маркса, высказанной им через четыре столетия: “Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда”.²

Анализ экономических воззрений Ибн-Хальдуна позволяет нам сделать вывод о том, что он является прямым **предшественником** буржуазных “**экономистов производства**”, а потому историю “политической экономии производства” следует начинать, как я полагаю, не с У.Петти, что стало чуть ли не **догмой**, а именно с Ибн-Хальдуна.³

Новое направление политико-экономической мысли, указанное Ибн-Хальдуном, получило через несколько веков дальнейшее развитие в учениях таких “экономистов производства”, как **У.Петти** (1623-1687 гг.) и **П.Буагильбер** (1646-1714 гг.), в физиократической школе **Ф.Кенэ** (1694-1774 гг.), являющейся “первой систематической концепцией капиталистического производства”, и особенно в учениях **А.Смита** (1723-1790 гг.) и **Д.Рикардо** (1772-1823 гг.), в совокупности образующих классическую буржуазную политическую экономию.

В отличие от меркантилистов, которые имели дело главным образом с эмпирическими материалами, “хаотическими представлениями целого”, т.е. внешними проявлениями некоторых, не видимых глазу наблюдателя внутренних закономерностей производства, и искали причину и источник богатства в сфере обращения, “экономисты производства”, начиная с Ибн-Хальдуна, свои взоры устремляли не на внешнее описание

1 Цит. по: Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. –М.: Мысль, 1980. –С.61.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т. 23. –С. 191.

3 Более подробно см.: Алиев У.Ж. Где колыбель классической и современной экономической мысли? //Восток-Запад: диалог культур. Часть первая. –Алма-Ата, 1992. –С.115-119. К сожалению, труды Ибн-Хальдуна полностью еще не переведены на языки народов СНГ; имеются лишь выборочные переводы, осуществленные С.М.Бациевой и А.А.Игнатенко.

экономических явлений, а на выяснение **внутренних закономерностей** развития производства, выразившихся главным образом в создании в общих чертах теории трудовой стоимости (теории издержек производства).

Однако на первый взгляд кажется парадоксальным, что, хотя и Смит, и Рикардо относятся “преимущественно” к **“экономистам производства”**, тем не менее для них и всей классической школы **непосредственным предметом** политической экономии выступает **процесс (отношения) распределения богатства (доходов)**. На причину такого “парадокса” указывал в свое время К.Маркс: “...такие экономисты, как Рикардо, которых чаще всего упрекали в том, будто они обращают внимание только на производство, определяли **распределение** как единственный предмет политической экономии, ибо они инстинктивно рассматривали **формы распределения как наиболее точное выражение, в котором фиксируются факторы производства в данном обществе**”.¹

Таким образом, в целом для классической буржуазной политической экономии хотя **объектом** выступает **процесс производства богатства в национальном государстве**, но ее **подлинным предметом – сфера (отношения) распределения богатства (доходов)**², что еще не позволяет политэкономии приобрести свой истинный предмет исследования.

Из вышеизложенного вытекает вывод о том, что вся “писаная” история древнегреческой науки экономики – через средневековье и включая классическую буржуазную политическую экономию – составляет своеобразную “предысторию” в развитии теоретической экономии в виде политической

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.46. –Ч.1. –С.32. (Подчеркнуто и выделено мной. – У.А.).

2 В письме Мальтусу от 9 октября 1820 г. Рикардо отмечает, что “... ее (политическую экономию. – У.А.) следовало бы назвать исследованием законов, определяющих **распределение** произведенного продукта между классами, участвующими в его образовании”, и что именно этот вопрос есть “истинный предмет науки” политэкономии. Цит. по: Дж.М.Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. –М.: Прогресс, 1978. –С.56. (Выделено мной. – У.А.).

экономии, в течение которой шел поиск подлинного предмета этой науки. За этот период из **вещественного содержания** производства постепенно “вышелушивались” **общественные формы, из внешних проявлений явления – внутренние их закономерности**, которые “с большим напряжением” стали фиксироваться как **самостоятельный предмет** политико-экономического исследования.

Значительная синтетическая работа по обоснованию предметной специфики политической экономии как научной дисциплины была сделана К.Марксом. Это стало возможным, **во-первых**, посредством выделения “производственных отношений” как определяющих все остальные отношения¹, **во-вторых**, посредством диалектического рассмотрения самого процесса производства, распределения, обмена и потребления. Если предшественники К.Маркса и особенно так называемые “вульгарные” экономисты ставили распределение, обмен, потребление “рядом” с производством, притом как независимые, самостоятельные сферы, то Марксом они были поняты как “части единого целого, различия внутри единства”.² И распределение, и обмен, и потребление есть внутренние моменты самого производства: производство есть производительное потребление, а потребление – потребительное производство; производство есть распределение самих условий производства, а распределение – распределение результатов самого производства; производство есть обмен деятельностью, а обмен деятельностью – основа и момент всякого производства, **в-третьих**, был обоснован принцип примата производства по отношению к остальным “рубрикам”, сферам, что соответствовало реалиям определенной исторической эпохи: “производство господствует над самим собой... так и над этими другими моментами”; “определенное производство обуславливает... определенное потребление,

1 Понятие “производственные отношения” я здесь временно рассматриваю в традиционном смысле, т.е. в смысле того, что наряду с “производственными отношениями” есть какие-то еще “непроизводственные отношения”.

2 Маркс К. И Энгельс Ф. Соч. –Т.46. –Ч.1. –С.26,36.

определенное распределение, определенный обмен и **определенные отношения этих различных моментов друг к другу**".³

Такое диалектическое понимание производства как **органического** целого с внутренними различиями и позволило К.Марксу снять односторонность и ограниченность (обусловленные исторической данностью) древнегреческих мыслителей, которые, хотя в неявной форме, понимали в качестве предмета науки экономики **отношения потребления** (в силу господства натурального хозяйства), меркантилистов, считавших предметом политической экономии **отношения обмена** (в силу развитости внешней торговли в ряде стран запада), и, наконец, основоположников классической буржуазной политической экономии, рассмотревших **отношения распределения** единственным предметом политической экономии (в силу инстинктивного понимания ими "распределения" как формы выражения "производства").

Теперь же устами Маркса предметом политической экономии объявлялись **производственные отношения**, понимаемые как диалектическое единство всех составляющих моментов самого производства: производства, распределения, обмена, потребления. При этом имелись в виду одновременно и производственные отношения вообще как таковые, т.е. на абстрактно-всеобщем уровне (формулировка "политическая экономия в широком смысле слова"), и система производственных отношений того или иного общества, т.е. на конкретно-всеобщем уровне (формулировка "политическая экономия имеет дело с историческим, т.е. постоянно изменяющимся материалом").¹

Именно потому, что распределение, обмен и потребление есть внутренние моменты самого производства и находятся в нем как моменты в "свернутом виде", такое понимание

³ Там же. –С.36.

¹ Маркс и Энгельс Ф. Соч. –Т.20. –С.151.

позволило К.Марксу определить предмет политической экономии – **производственные отношения людей** без специального обращения каждый раз к моментам распределения, обмена и потребления.

Итак, если проследить историю взглядов на предмет науки экономики, позже политической экономии, то четко прослеживается следующая **основная тенденция** – представления по данному вопросу идут от реальных процессов и явлений экономической жизни (раньше) к более сущностным основаниям экономических явлений (позже). Исторический процесс развития взглядов на предмет политической экономии, начиная с древности и включая марксистскую эпоху, наглядно можно представить следующим образом (рис.10).

В литературе встречается неточность в трактовке взглядов К.Маркса о предмете политической экономии. Имеет место мнение о том, что якобы К.Маркс господствующему до него взгляду о политической экономии как науке о **богатстве** (классическая школа) противопоставил взгляд, согласно которому политическая экономия есть наука о **производственных отношениях**.

Конечно, для утверждения того, что “политическая экономия развивалась как наука о богатстве”, которого, кстати, придерживаются многие представители современного “экономикс”, есть свои объективные основания. Ведь, как было сказано ранее, в понимании Ксенофонта и Аристотеля экономика (экономия) понималась как наука о домашнем хозяйстве, под

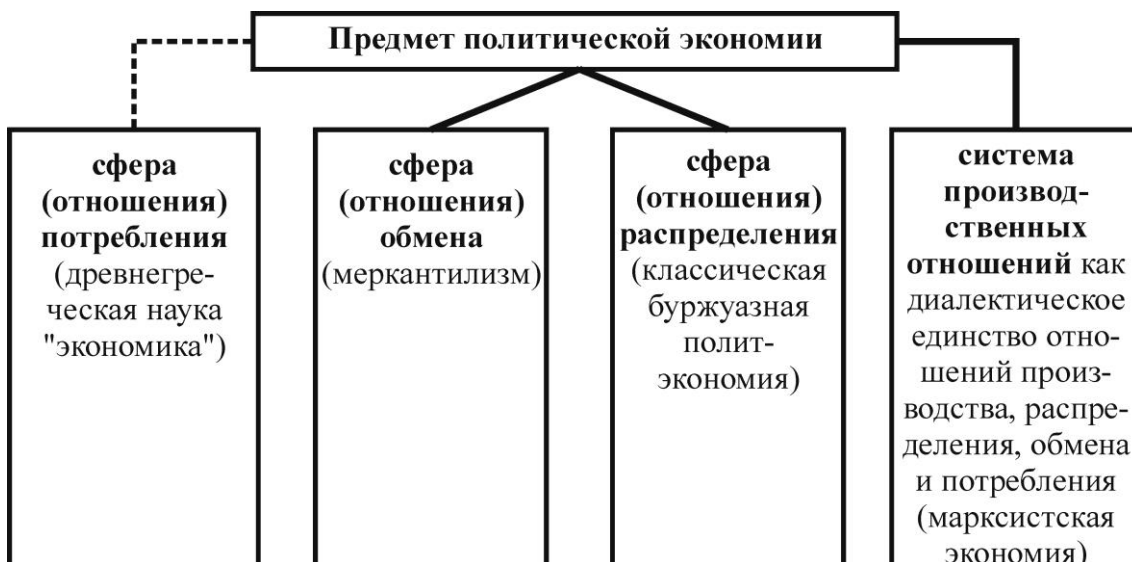

Рисунок 10. Генезис предметной определенности теоретической составляющей экономической науки

которым подразумевалось имущество (богатство) для удовлетворения личных потребностей его владельца.

Именно ради накопления богатства (главным образом в виде золота) меркантилисты обосновывали активную внешнюю торговлю, по их мнению, как источник богатства. Ради поиска природы и причин богатства представители классической буржуазной политической экономии (и отчасти представители «национальной экономии») обратили свои взоры к процессу производства и распределения.

Однако дело в том, что все они (древние мыслители, меркантилисты, буржуазные классики) рассматривали преимущественно **абстрактное богатство как богатство вообще**, и причем богатство в его материально-вещественной определенности, т.е. вне исторической, конкретно-общественной его формы. Но поскольку они **фактически** рассматривали те или иные конкретно-исторические условия производства богатства, постольку эти же условия ими принимались как естественные и вечные, как **надисторические законы развития богатства народов всех времен**. Именно против такого абстрактно-одностороннего, внеисторического понимания богатства и выступил К.Маркс, а вовсе не за “изгнание” богатства из политической экономии. Более того, он подчеркивал, что

“политическая экономия имеет дело со специфическими формами богатства или, точнее, производства богатства”.¹ Следовательно, и он считал, что **политическая экономия есть наука² о богатстве, но только о специфической социально-экономической форме богатства того или иного общества**. В этом выражается одновременно и преемственность, и различие марксовской трактовки политической экономии и всех предшествующих экономических школ, и прежде всего от буржуазной классической школы.

Таким образом, “водораздел” между пониманием предмета политической экономии предшественниками и Марксом проходит не по линии “богатство – производственные отношения”, как принято сегодня считать среди историков и теоретиков политэкономии, а по линии **“абстрактное богатство”** (предшественники Маркса) – **“специфическая общественная форма богатства”** (Маркс). Отсюда вытекает особая задача теоретической экономии как науки – найти место “богатству” в системе реальных производственных отношений, исследовать его специфические общественные формы существования, закономерностей производства, распределения, обмена и потребления и адекватно их отразить в законах, понятиях и категориях теоретической экономии как научной, так и учебной дисциплины.

Необходимо также учесть, что различные конкретные области и сферы экономической науки в целом в той или иной мере связаны и имеют дело с изучением природы и причин роста богатства (наследие хрематистики и каталлактики). Отсюда объективно сложилось мнение и о политической экономии (первоначально вобравшей в себя многие области экономического знания) как науке о богатстве.

Кроме того, производственные отношения не бывают “безобъектными”, а “богатство” всегда выступало как объект

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.46. –Ч.II. –С.366.

2 Формула “наука о том то” фиксирует “объект”, изучаемый определенной наукой (дисциплиной), а не ее “предмет” в строгом смысле слова

системы экономических наук вообще. В политической экономии “богатство” конкретизируется в качестве такого элемента, как **ОБЪЕКТ** производственных отношений по поводу его воспроизводства. Таким образом, “богатство” в специфической общественной форме в качестве объекта реальных производственных отношений составляет один из элементов структуры любого отдельно взятого производственного отношения.

Как известно, **В.И. Ленин** стоял на марксистской позиции определения предмета политической экономии. Отметив заслугу К.Маркса в том, что там, где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), Маркс вскрыл отношения между людьми, В.И. Ленин свел предмет политической экономии к производственным отношениям.

Однако, несмотря на то, что основоположниками марксизма, казалось бы, были всесторонне обоснованы, во-первых, предмет политической экономии – производственные отношения и, во-вторых, объективный характер существования политической экономии как науки, т.е. как науки о производственных отношениях различных человеческих обществ, в 20-е годы XX столетия советская экономическая наука переживала своеобразный “кризис гносеологической ситуации” по двум фундаментальным вопросам: **а) по предметной границе политэкономии**, т.е. по ее предмету; **б) по исторической границе политэкономии**, т.е. по ее правомерности существо-вания при централизованно-плановой системе. При этом если вопрос о предмете политэкономии не решен до сих пор и, более того, явно или неявно находится в центре теоретических дискуссий и даже обостряется в последнее время в связи с возникновением новых дисциплин и курсов, то второй вопрос был решен в середине 30-х годов.

Понятие “**историческая граница политической экономии**” предполагает начало и конец той или иной научной экономической системы во временном отношении, например, меркантилизма, классической, марксистской, неоклассической политической экономии и т.д. Что же касается марксистской

(пролетарской) политической экономии, ее **“начало”** находится там, где классическая буржуазная политическая экономия **“достигла своего последнего, непроходимого предела”**,¹ т.е. наивысшей точки своего развития. Что же касается ее **“конца”**, то в 20-е годы возникла так называемая **“ограничительная версия” исторической границы** политической экономии как научной дисциплины, на позициях которой стояли В.Зомбарт, Р.Гильфердинг, Р.Люксембург, М.Туган-Барановский, П.Струве, Н.Бухарин и многие другие. Они историческую границу политической экономии ограничивали лишь товарно-капиталистическим производством. **“Ограничительная”** трактовка исторической границы политической экономии преодолевалась очень трудно и долго к 40-м годам XX столетия.

А по поводу же конкретных событий, развернувшихся позже вокруг главного вопроса – вопроса о предмете политической экономии, произошло следующее: так или иначе звучали призывы двоякого рода: с одной стороны, **“дать как можно более четкое определение предмета политической экономии”**, с другой – **“дать такое определение предмета политической экономии, которое охватывало бы все стороны этого предмета”**.²

Но в дальнейшем с призывом **“дать четкое определение предмета”** ничего путного не получилось, а победил призыв **“дать определение, которое охватило бы все стороны предмета”**. Другими словами, наметилась, к сожалению, неблагоприятная тенденция отхода от **“ограничительной версии”** политэкономии (ограничение ее предметной границы производственными отношениями, причем неверно понимаемыми) и обоснования и прочного закрепления так называемой **“расширительной версии”** ее предмета. Эта версия господствует сегодня во всем мире еще и потому, что с некоторых пор за рубежом (а сейчас и у нас) политэкономия была заменена в худшем случае **“экономиксом”**, а в лучшем –

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.13. –С.14.

2 Под знаменем марксизма. –1934. –№ 7-8. –С.57.

превратилась в так называемую “экономическую теорию” (в странах СНГ), хотя ее *специфическая* предметная определенность (предмет-дефиниция) не была обоснована до сих пор.

Надо отметить особо, что сама “расширительная трактовка” предмета политэкономии имеет солидный “возраст”; ее “отцом” в принципе является сам Ксенофонт (вспомните его определение предмета науки экономики). Она многообразилась и расплодилось вместе с развитием самой политэкономии, позже “процветала” с появлением на Западе “экономикса”, во взглядах “механистов” в 20-е годы, особенно в 70-80-е годы XX века в бывшем СССР, а в последнее время – с появлением вездесущей “экономической теории”.

Резюмируя *формы выражения* “расширительной трактовки” предмета политической экономики, можно свести их к следующим основным направлениям: **а)** в одном случае в качестве предмета этой науки вместо “производственных отношений” объявляют нечто такое, что по реальному своему содержанию и масштабу или абстрактнее, “общее”, “тощее”, или же, наоборот, конкретнее и богаче, чем сами производственные отношения (еще раз повторяю, производственные отношения, понимаемые в данном случае в традиционном смысле), например, “богатство”, “народное хозяйство”, “производительные силы” и т.д.; **б)** в другом же случае она выражается в двухэлементном принципе определения предмета по формуле “производственные отношения + то-то” (например, “производственные отношения и производительные силы”); **в)** в третьем случае – в трехэлементном принципе определения предмета по формуле “производственные отношения + то-то + то-то”; **г)** в четвертом случае – по “формуле Маршалла-Самуэльсона”, т.е. по принципу множественности определения предмета экономикс.1

1 Самуэльсон П. Экономика. В 2-х томах. –Т.1. –М.: НПО АЛГОН, 1992. –С.6-7.

Положив вышеприведенные утверждения в основу “расширительной” и “ограничительной” трактовки, в некоторой систематизированной форме предложу авторскую классификацию многообразия определений предмета теоретической экономики, имеющих в различных дисциплинарных формах,

Вначале несколько предварительных замечаний.

1. Предлагаемая классификация предмета теоретической экономики¹ осуществлена автором на основании имеющихся материалов по науке “экономике” (древнегреческой, отчасти средневековой), классической (домарксистской), марксистской политэкономии, маржиналистской, так называемой “новой политэкономии”, в том числе и “экономикс” как современной западной политической экономики (превращающегося в последнее время и в «нашу» дисциплину), “экономической теории”, поспешный массовый переход на которую недавно мы пережили в странах СНГ, а так же по ряду современных «новых экономик».

2. Следует учесть, что в силу неразработанности **общей теории предмета науки** в литературе по политэкономии во многих случаях понятие “предмет” не используется в строгом его значении и многие авторы оперируют в качестве его синонима понятиями типа “объект”, “задача”, “проблема” или же формулировками типа “это наука о том-то”, “это наука изучает то-то” и т.д. Между тем конкретный анализ смысла и значения этих понятий и словосочетаний с учетом их подтекста и контекста позволяет сделать вывод: авторы, оперирующие ими (понятиями “объект”, “задача”, “проблема” и т.д.), хотя неосознанно, подразумевали под ними «предмет» данной науки”.

3. Необходимо подчеркнуть, что в историческом плане термины, которые когда-то служили **“определителем”** предмета политической экономики (экономики), имеют далеко не тот смысл, который им придавали позже и тем более в настоящее время. Например, в термины “хозяйство”, “богатство” древние

¹ Впервые работу по классификации взглядов на предмет политэкономии осуществил профессор Новороссийского (ныне Одесского) университета Р.Орженский в 1903 году.

греки вкладывали сугубо материально-вещественный, сугубо практический смысл и нормативные установки по ведению домашнего хозяйства. Впоследствии поиск предмета науки двигался от **внешнего, описательного, нормативного** (от древности до меркантилизма включительно) к **внутреннему, объяснительному, содержательному** (“экономисты производства” – Ибн-Хальдун, эпоха буржуазной и марксистской классической политэкономии) и, наоборот, **снова от последних к первым** (постклассическая эпоха), и соответственно этому и смысл, и значение тех же терминов изменялись в зависимости от того, в системе какой социокультурной традиции, теории или концепции они рассматривались.

4. Следует также отметить, что встречаются факты, когда один и тот же автор во многих случаях придерживается одновременно сразу **нескольких взглядов** по вопросу о предмете политической экономии. Все это является свидетельством неясности для многих авторов собственной смысловой нагрузки понятия **“предмет”** науки вообще, теоретической экономии в частности.

5. В силу огромного количества мнений по предмету теоретической экономии (составных ее частей) в работе приводятся сгруппированные взгляды методом выделения **“ключевого слова”** (термина, понятия, словосочетания) в формулировках определений предмета данной науки, которое в общем и целом понимается в качестве ее собственного предмета.

6. Для логической стройности и полноты анализа вначале вкратце дается “ограничительная версия” предмета политэкономии. Следует здесь уточнить двоякую разновидность данной концепции предмета политэкономии. В первом случае под “ограничительной трактовкой” традиционно понимаются взгляды ученых, которые в качестве предмета политэкономии указывают “лишь” на производственные отношения общества в единстве производства, распределения, обмена и потребления. Во-втором случае в “ограничительную версию” автором включены и такие взгляды, согласно которым предметом

политической экономии считают ту или иную фазу, тот или иной внутренний момент самих производственных отношений. К такому “ограничительному” пониманию относятся, в частности, мнения ученых, которые объявляют предметом политической экономии либо производство, либо распределение, либо обмен, либо потребление. Данная позиция объясняется тем, что производство, распределение, обмен и потребление так или иначе есть лишь разные грани, моменты, выражения того же воспроизводства, тех же производственных отношений.

Более подробная классификация определений предмета теоретической экономии в различных дисциплинарных ее формах методом выделения **ключевого слова** в различных дефинициях выглядит следующим образом (таблица 1).

Таблица 1

Классификация взглядов на определение предмета теоретической экономии как науки (с выделением ключевого слова)

№ п\п	Системы взглядов	Авторы
1	2	3
	<u>I. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ “ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ” ТРАКТОВКА ПРЕДМЕТА ПОЛИТЭКОНОМИИ</u>	
1.	Предмет политэкономии – производственные отношения, рассматриваемые в единстве производства, распределения, обмена и	Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И., Добо М., Джибути М.Ч., Ельмеев В.Я., Колесов Н.Д., Козлов Г.А., Куликов В.В., Мамедов О.Ю., Микульский К.И., Пешехонов В.А., Плеханов Г.В., Радаев В., Рубин И., Сталин И.В.,

	потребления	Ушанков В.А., Черковец В.Н., Чупров А., Швецов А., Шехет Н.И., Цаголов А.Н. и многие другие экономисты бывших стран социалистического лагеря.
2.	Предмет политэкономии – отдельные фазы производственных отношений или их сочетание	
	1) производство, материальное производство, производство материальных благ	1) Кейнс Дж.Н., Маркс К., Маршалл А., Поляков Р., Смит А., Сычев Н.В., Ушанков В.А.
	2) распределение	2) «Народники», Владимирский Е.А., Колесов Н.Д., Рикардо Д., Эфруси.
	3) обмен	3) Бастиа Ф., Вальрас Л., Владимирский Е.А., Джевонс У., Кандильяк У., Колесов Н.Д., Кэрнкросс А., Маклеод Г., «меркантилисты», Митчелл У., Перри Г., Самуэльсон П., Шевалье М.
	4) потребление	4) Античная экономика, Болье Л., Ельмеев В.Я., Кейнс Дж.Н., Конрад О., Ньюкомб Х., Стюарт Дж.
	5) производство и обмен	5) Маркс К., Энгельс Ф.
	6) потребление и производство материальных благ	6) Кейнс Дж.Н., Маршалл А., Самуэльсон П., Смит А.

	7) производство, обмен, потребление	7) Брю С.Л., Макконнелл К.Р.
	<u>II. ПРЕДМЕТ ПОЛИТЭКОНОМИИ-РАЗЛИЧНЫЕ (ОТДЕЛЬНЫЕ) ФЕНОМЕНЫ, СИСТЕМЫ, ВЕЩИ:</u>	
	1) производительные силы	1) Богданов А., Герасимов Н., Лист Ф., Поляков Р., Ярошенко Л.Д.
	2) человек	2) Антонов М., Маршалл А., Поляков Р., Шухов Н.С.
	3) благосостояние, материальное благосостояние	3) Бианки, Бемерт, Брагинский С.В., Бьюкенен Дж., Брю С.Л., Добрынин А.И., Конрад О., Мюрдаль Г., Макконнелл К.Р., Ганс-Людасси Ж., Гобсон Дж.А., Ньюкомб Х., Оксомер, Певзнер Я.А., Пигу А., Сисмонди Ж., Шторх Г., Шульц Г.
	4) деятельность, деловая жизнедеятельность	4) Бровер И.М., Веблен Т., Владимирский Е.А., Ганс-Людасси Ж., Джевонс У., Добрынин А.И., Журавлева Г.П., Камаев В.Д., Карвер Т., Кейнс Дж.Н., Коммонс Дж.Р., Конрад И., Маршалл А., Мизес Л., Ньюкомб Х., Песси Ф., Самуэльсон П., Селигмен Б., Стожко К.П., Сисмонди С., Тельнов В., Шабатура Л.Н., Шэкл Дж., Чупров А.И.
	5) труд	5) Бодильяр, Гарнье Ж., Отт, Фонтерео.

	6) богатство	6) Бекетов Ф.А., Добрынин А.И., Ленин В.И., Годскин Т., Гомеон В., Каратаев Н., Маквен Дж., Мальтус Т., Маршалл А., Милль Дж.С., Самуэльсон П., Смит А., Сэй Ж.Б., Шторх Г., Уэртаимер С., Гэмбс И.
	7) полезность	7) Ковэ П., классики маржинализма
	8) выбор	8) «Неоклассики»
	9) «институты», институциональная среда	9) «Институционалисты» (неоинституционалисты, новоинституционалисты): Веблен Т., Митчелл У.К., Команс Дж.Р., Олсон М., Таллок Г., Норт Д., Томас Г., Алчиан А., Эггертссон Т., Фамс Ю. и др.
	10) трансакции, трансакционные издержки	10) Коуз Р., Норт Д., Уиллис Д., Гроссман, Уильямсон О., Харт Г.
	11) экономические организации, фирмы	11) Алчиан А., Демсец Г., Найт, Ф., Дженсен М.
	12) «что производить, как производить, для кого производить»? (иногда сюда добавляют: где производить? как распределять? как продавать? как потреблять?)	12) Представители современного «экономикса», Самуэльсон П., авторы учебника «Курс экономики». - М.: Инфра-М., 1997; Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.
	13) экономическая система	13) Кларк Дж.М., Козлова Г., Файнбург З., Лундберг Э., Олдак П.Г., Шаталин С.С., Чорманов М.

	<p>14) законы, экономические законы, закономерности</p>	<p>14) Гегель, Вальрас Л., Вольский М.М., Де Грифа Г., Джавадов Г.А., Добрынин А.И., Кашин В.Н., Козлов Г.А., Маркс К., Милль Дж.С., Милютин В.А., Люксембург Р., Рикардо Д., Стожко К.П., «физиократы», Шабатура Л.Н., Чупров А.И., Энгельс Ф.</p>
	<p>15) реальные (в том числе экономические) явления, экономическая жизнь</p>	<p>15) Бреев М.В., Визер Ф., Журавлева Г.П., Кейнс Дж.Н., Менгер К., Нордхауз В.</p>
	<p>16) хозяйство (народное, общественное, сингулярное)</p>	<p>16) Бюхер К., Булгаков С., Владимирский Е.А., И. Дашковский, Ксенофонт, Мильо Э., Ибн-Хальдун, Монкретьен А., Менгер К., Лист Ф., Никольский П., Струве П., Стюарт Дж., Рошер В., Шенберг Г., Шмоллер Г., Шредер А.</p>
	<p>17) расширенное воспроизводство</p>	<p>17) Вознесенский Н.А.</p>
	<p>18) использование «редких» («ограниченных», «дефицитных») ресурсов</p>	<p>18) Алле М., авторы многих учебных пособий по «экономической теории», Брагинский С.В., Брю С.Л., Владимирский Е.А., Волчек Н.З., Добрынин А.И., Колесов Н.Д., Маршалл А., Макконелл К.Р., Огибин Ю.А., Певзнер Я.А., Скляр М.А., Самуэльсон П., современный «экономикс», Нордхауз В., Робинс Л., Шуб-</p>

		ладзе Г., Флетчер М.
	19) рациональное хозяйствование	19) Брагинский С.В., Добрынин А.И., Валешко М., Крапоткин П., Ланге О., Пашков А., Певзнер Я.А., Самуэльсон П., представители современного «экономикс».
	20) поведение, в т.ч. рациональные, иррациональные (интуитивные), конвенциональные, в условиях ограниченной рациональности во взаимодействии с социальными институтами	20) Блауг М., Джевонс У.С., Добрынин А.И., Журавлева Г.П., Канеман Д., Кэрнкросс А., Мартч Дж, Митчел У., Нельсон А., Ньюм А., неоклассическая школа, Роббинс Л., Сайман Г., Смит В., Ходжсон Д.
	21) способы добывания продуктов	21) Ибн-Хальдун, Хевинс В.
	22) оптимальное функционирование экономики	22) Шаталин С. и экономико-математическая школа
	23) экономическая политика	23) Бровер И.М., Найт Ф., Нордхауз В., Самуэльсон П., Сисмонди Ж., Шумпетер И.
	24) отрасли	24) Кокленд Д.
	25) власть	25) Гэлбрейт Дж.К.
	26) равновесие	26) Добб М., Парето А., «неоклассическая школа»
	27) эффективность	27) Алле М., Брюс Л., Кларк Дж.М., Макконел К.Р., Певзнер Я.А.
	28) занятость	28) Кейнс Дж.М.

	29) проблемы	29) Журавлева Г.П., Медведев В.А., Пассе Р.
	30) взаимоотношения между целями и средствами применения	30) Роббинс Л.
	31) побудительные мотивы	31) Маршалл А.
	32) факторы	32) Добрынин А.И.
	33) экономический рост	33) Добрынин А.И.
	34) информация, информационные отношения	34) Представители инф. экономики, Кастельс М., Садыков Т.У.
	<u>III. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «РАСШИРИТЕЛЬНАЯ ТРАКТОВКА» ПРЕДМЕТА ПОЛИТЭКОНОМИИ</u>	
1.	«Двухэлементный» принцип определения предмета политэкономии:	
	1) производственные отношения и производительные силы («способ производства» в марксистской традиции)	1) Анчишкин А.И., Борисов Е., Бровер И., Барабанов А.И., Бессонов С., Власов К., Дашковецкий И.К., Кашин В., Кон А., Кожанов Н.Н., Козлов Г.А., Кронрод Я.А., Кукушкин М.С., Каратаев Н.К., Леонтьев В., Лебедев В.Г., Лапшина Г.Е., Маркс К., Михайлова А., «механисты», Мохов Н.И., Ольсевич Ю., Пашков А., Поляков Р.И.,

		Румянцев А.М., Смирнов И.К., Трифонов Д., Финн-Енотаев А.Ю., Черковец В.Н., Шабе С., Шкредов В.П.,
	2) производственные отношения и надстройка	2) Файнбург З., Козлова П.
	3) производственные отношения и формы их проявления	3) Абалкин Л.И.; Бузгалин А.В.; Колганов А.И.
2.	«Многоэлементный» принцип определения предмета политэкономии	
	1) отношения между людьми, общественные отношения	1) Железнов В.Я., Коклен, Хайек Ф.
	2) производственные отношения, производительные силы, надстройка («общественно-экономическая формация (в марксистской традиции)»)	2) Абалкин Л.И., Афанасьев В.Н., Бреев М.В., Валовой Д., Лапшина Г.Е., Камаев В.Д., Кузьминов И., Медведев В.А., Мелкумян Р.С., Ибадов С.А., Ожерелев О.И., Пицур Я.С., Чорманов М., Тельнов В.Н., Камаев В.Д.
	3) производственные отношения, закономерности производственных отношений, производительные силы, собственность	3) Елемесов Р.
	4) общественный строй, т.е. совокупность экономического, политического и государственного строя общества	4) Гатовский Л., Крумин Г.

<p>5) экономические отношения (согласно традиционной «советской» политэкономии «экономические отношения» включали в себя «наряду» с производственными отношениями «техно-экономические» и «организационно-экономические» отношения)</p>	<p>5) Абалкин Л.И., Афанасьев В.Н., Богданов А., Еремин А., Кульков В.М., Островитянов К.В., Сидорович А.В., Солнцев С.И., Степанов И.И., Цаголов Н.А., Черняк В.К., Чистякова Л.</p>
---	---

Вот такова общая картина обсуждаемой проблемы. Таким образом, наличие множества самых различных мнений о предмете теоретической экономики (в данном случае таких ее разновидностей как экономика, политэкономия, экономикс, экономическая теория и ряд «новых экономик») позволяет солидаризироваться с И.А.Шумпетером, весьма образно отождествлявшим создавшуюся обстановку с *бедламом* – ситуацией в лондонском доме сумасшедших.¹ Широко распространены суждения типа: вопрос о предмете политэкономии “окутан сплетением ожесточенных препирательств” (Дж.Н.Кейнс), он является “столь же спорным”, сколь “нерешенным до сих пор” (Р.Орженский), по “этому поводу каждый считает долгом своей научной чести выдумывать что-нибудь свое” (С.Н.Булгаков), “вопрос этот туманный” (Ф.Найт), “крайне трудно дать определение предмета этой науки” (П.Самуэльсон), эта наука «не имеет вообще своего предмета» (Р.Коуз), «строго говоря, предмет политической экономики так и не был определен» (Ю.М.Осипов) и т.д. и т.п.

С сожалением приходится отметить: вместо того чтобы разобраться в этом “бедламе” и облегчить участь его “жителей”

¹ Блюмин И.Г. История экономических учений. –М., 1961. –С.188.

(в данном случае экономистов-теоретиков), советские, постсоветские и зарубежные экономисты еще более усугубили эту ситуацию, соревнуясь между собой в придумывании, если не в выдумывании, “экзотических”, “самых лучших”, “самых полных”, “современных”, с их точки зрения, определений предмета политэкономии, экономикс, экономической теории. В результате сегодня вполне можно утверждать: **предметом теоретической экономики является то, о чем хочет сказать каждый специалист и неспециалист.**

Возникает вопрос: в чем дело, почему и откуда такое безбрежное море “единственных и самых верных” определений предмета данной науки, которые с годами (десятилетиями и даже столетиями) не унифицируются, а, наоборот, все более и более расширяются и разнообразятся, что создает реальную опасность критерию **ее научности, объективности, необходимости и перспективности** как особой отрасли теоретического знания. Ответ на этот важный и сложный вопрос предполагает специальный его анализ, к чему и перехожу.

2.2. Теоретико-методологическое обоснование «ограничительной концепции» предмета-дефиниции теоретической экономики

Ранее (2.1) был проведен историко-содержательно-типологический анализ существующих определений предмета теоретической экономики методом выделения «ключевого слова», начиная с ее зарождения в древности в виде «экономики» и завершая современностью.

Если отвлечься от множества различных определений предмета политической экономики и экономикса, экономической теории, то наиболее характерной чертой сегодняшних воззрений по этому вопросу является **еще более усилившаяся тенденция «расширительной трактовки» предмета этих теоретических дисциплин**, превратившаяся чуть ли не в официальную догму. На этом фоне призывы заменить «политэкономия» на «общую экономическую теорию»

вследствие якобы **«узости»** предмета политэкономии¹ или на «новую экономическую теорию» с «принципиально **новым** определением предмета науки»² выглядят по меньшей мере, некорректными. **В первом случае** автору следовало бы предварительно доказать «узость» ее предмета; он-то как раз и не «узкий», а, наоборот, слишком уж «широкий». **Во-втором** – заменить одну науку другой не так-то просто (если даже речь идет о названии этих наук), ведь для этого требуется основательное доказательство предметной определенности «новой» науки или «старой» науки с новым названием.

Следует особо подчеркнуть, что различные формы выражения «расширительной версии», которые типологизированы ранее, имеют соответствующие причины и гносеологические корни. **В одном случае** это связано с попыткой их авторов преодолеть якобы «абстрактность», «схоластичность», «методологичность», «теоретичность», «отрыв от жизни» теоретико-экономических исследований и отсюда – всяческие стремления их «приземлить», «заземлить» путем жесткой привязки к «жизни», ползущей эмпирии самого предмета этой науки. Примечательно, если такое «заземление» предмета политэкономии на Западе в недалеком прошлом привело «просто» к изменению названия самой науки (а по сути, и ее содержания) – **превращению «политэкономии» в «экономикс»**, что, по меньшей мере, выглядит честно и в некотором отношении даже рационально, то на такой шаг многие «марксисты» явно не решились – не хватило ни честности, ни смелости, ни проницательности. Отсюда некорректная их попытка это сделать в рамках самой политэкономии, просто «расширив» ее предмет, одновременно подвергнув ожесточенной критике «экономикс» за те же «грехи», которые совершались ими самими, причем совершались менее изящно и более грубо. Кстати, в этом же русле действуют многие авторы современных учебников по «Экономической теории», «Общей

1 См. Вестник Московского университета. Сер.6. Экономика. – 1991. – № 5. – С.18.

2 Российский экономический журнал. – 1996. – №4. – С.92.

экономической теории», «Экономикс», «Гиперэкономике» и других, которыми хотят запросто заменить «политическую экономию» якобы за **«узость»** ее предмета¹.

В другом же случае своеобразным «раздражителем» и провоцирующим «расширительную» тенденцию «научным» положением является известное положение И.В.Сталина о **«неразрывной связи»** производственных отношений и производительных сил и об экономическом **законе** их обязательного соответствия, вернее, соответствия производственных отношений характеру производительных сил². Это давало основание для вывода о том, что политэкономия изучает производственные отношения **«в их взаимной связи»** с производительными силами³. Надо предварительно отметить, что этот вывод о диалектической взаимосвязи производительных сил и производственных отношений, восходящий еще к классикам марксизма, в принципе верный, но он относится **не к предмету** политэкономии, а **к ее методу** (о чем пойдет речь позже), хотя для многих «закон соответствия» послужил «нитью Ариадны» в «расширительной трактовке» именно **предмета** политэкономии.

Таким образом, «расширительная версия» предметной границы политэкономии, являясь главным образом своеобразной, хотя неадекватной, гносеологической реакцией на возросший «социальный заказ» общества на экономические науки по разработке **практических** проблем, в то же время есть, как я полагаю, результат неразработанности ряда важных теоретико-познавательных и методологических проблем науки, и прежде всего общей и частной теории предмета науки как таковой и теоретической экономики в особенности. Рассмотрим теперь более подробно **гносеологические и методологические**

¹ В тоже время с момента «узаконения» экономической теории вместо политической экономики в постсоветском пространстве нет ни одной опубликованной работы, где было бы дано **основательное доказательство** такой «замены» с позиции предметоведения

² Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госкомиздат, 1952. – С.7.

³ История политической экономики социализма. Под ред. Д.К. Трифонова и Л.Д. Широкограда. –Л.: Изд. ЛГУ, 1983. –С.32.

корни «расширительной трактовки» предмета политэкономии (и экономикс) с позиции **ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА НАУКИ**.

В методологическом плане «расширительная версия» предмета политэкономии (и экономикса) является результатом нескольких групп причин и обстоятельств, связанных со **смешением** различных сторон и аспектов общей теории предмета науки (дисциплинарной модели науки).

ПЕРВАЯ ГРУППА ПРИЧИН. Это **смещение онтологического содержания самого предмета-оригинала и гносеологической формы фиксации этого предмета-оригинала в какой-то «точке его движения»** (точнее, в «точке его мысленной остановки») в качестве подлинного **предмета** науки как теоретической рефлексии. Следует признать, что необходимость разграничения «содержания самого предмета», существующего в действительности, и «предмета политэкономии как науки» указана в ряде публикаций, хотя, к сожалению, эта ценная мысль не была доведена до логической завершенности.¹

Онтологическому содержанию самого предмета-оригинала или реального предмета политэкономии соответствует, на мой взгляд, выражение (формула) «**определение (точнее, определенность) предмета политэкономии как реальности, как феномена**», или коротко – «**предмет-оригинал**», тогда как гносеологическую форму фиксации предмета-оригинала в качестве предмета собственно науки необходимо выразить и сформулировать выражением (формулой) «**определение (точнее, определенность) предмета политэкономии как науки**», или коротко – «**предмет-дефиниция**». Чем же отличаются эти два вида выражений (формулы), два вида определений

¹ Такое разграничение, хотя не совсем точно дает **И.К.Смирнов**: «Как всякое научное определение, политико-экономическое определение является фиксацией остановленного в какой-то точке движения предмета науки (предмета-оригинала. – У.А.). В силу этого оно, как всякое определение, односторонне. Поэтому предмет политической экономии, рассматриваемый как процесс движения способа производства, может получить множество частичных определений в различных точках своего осуществления. Дать полное определение предмета политической экономии – значит рассмотреть его как процесс образования экономической системы, как результат (способ производства), взятый не сам по себе, а вместе с этим процессом» // Политическая экономия капитализма. – Л.: Изд. ЛГУ, 1990. – С.7-8.

предмета друг от друга? Вначале рассмотрим, что означает «дать определение предмета политэкономии как реальности», т.е. «содержание предмета-оригинала». Это продемонстрируем на примере такой предельно общей категории, как «производственные отношения», которые многими традиционно рассматривались как предмет политической экономии как науки.

Следует особо подчеркнуть, что **производственные отношения людей** как процесс, как феномен (т.е. как предмет-оригинал) существуют и функционируют в реальности не сами по себе, а как **сущностная** форма выражения и обнаружения производительных сил человека. Другими словами, производственные отношения как **«родовое»** отношение человека к внешнему миру в целом и к самому себе, т.е. как процесс, как реальность, **начинают** свое существование и наличное бытие с движения самих производительных сил человека и **завершают** свое движение и обнаружение во множестве внешних форм выражения таких **«видовых»** отношений, как «материально-производственные», «духовно-производственные», «родо-производственные», и «угасают» в конечном счете в «особенных» отношениях.

Исходя из этого, можно дать самое **абстрактное (бедное) определение** производственных отношений, рассматриваемых как **реальность** в содержательном плане, т.е. как **«предмет-оригинал»**: производственные отношения есть те же производительные силы человека, но с точки зрения сущностных форм их выражения, обнаружения, существования. И можно дать самое **конкретное (богатое) определение**: производственные отношения есть общественное производство в органическом единстве биородовой (демографической), экономической (материальной), духовной (нематериальной) систем и соответствующих систем единичных общественных отношений. Все иные многочисленные определения (определенности) содержания производственных отношений как **предмета-**

оригинала лежат между этими двумя «крайними» определенностями. 1

Вместе с тем особенности мышления не ограничиваются односторонней и последовательной фиксацией предмета **в различных** (в принципе бесконечных) точках его движения, которая придает ему каждый раз **конкретную определенность** (в данной точке фиксации). Мышление также синтезирует ранее разорванное, отдельное, прерывное и восстанавливает в целостность предмет науки, взятый как предмет-оригинал, в данном случае теоретической экономии, таким, каким он есть в действительности, как тождество противоположностей.

В этом контексте предмет науки как объективная реальность предстает как **мысленно конкретное**. Это и есть не что иное, как положительное развертывание содержания системы производственных отношений, в одном случае как сущностной формы выражения и обнаружения самих производительных сил человека (со стороны «начала» их движения), а в другом – как формы выражения самих производственных отношений (со стороны «продолжения» их развертывания) в «видовых» производственных отношениях – материально-производственных, родо-производственных и духовно-производственных и, в свою очередь, в бесконечных «особых» (единичных) формах внешнего проявления последних.

Но повторяю: до сих пор речь шла об «определении предмета политэкономии как **реальности**, как **процесса**, как **феномена**, соответствующего содержанию и структуре данного предмета-оригинала. В интересующем же нас аспекте исследования речь идет не об этом «определении», а об **«определении предмета политэкономии как науки»**, как логико-рефлексивной системы, теоретически отражающей определенную реальность, «остановленной» в определенной

1 О структуре производственных отношений в вышеуказанном виде смотрите более подробно: Алиев У.Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. – Алматы, НИЦ «Ғылым», 2001 (2004 – переиздание). Глава II.

точке ее движения, т.е. о **«предмете-дефиниции»**. Это «определение» от предыдущего «определения» отличается, во-первых, тем, что, в отличие от предмета-оригинала, существующего и функционирующего в реальности во всем своем богатстве граней, сторон, аспектов и уровней, независимо от того, познали мы его или нет, **предмет любой научной дисциплины, в том числе и теоретической экономики, формируется, фиксируется и формулируется лишь мышлением, т.е. как исключительно продукт научного сознания**; во-вторых, это определение содержит в себе такое состояние предмета-оригинала, которое в момент своей фиксации в какой-то «остановленной» точке движения предмета-оригинала выступает подлинным **объектом знания**, к которому и относится **искомое**, в данном случае теоретико-экономическое знание; в-третьих, это определение относится к такой фиксации предметного бытия теоретической экономики, которая позволит выделить **качественную определенность** его самого (т.е. собственно предметной границы этого предметного бытия) **как предмета особой науки (дисциплины)**, четко разграничивающей и отличающей ее от всех других наук социогуманитарного и экономического циклов; в-четвертых, это «определение предмета науки» должно быть **единственным**, тогда как «определение предмета науки как реальности», т.е. самого содержания предмета-оригинала, в принципе может быть самым разнообразным и бесконечным.

Таким образом, **предметом теоретической экономики как науки – предмета-дефиниции** – служат не все определенности (определения) предмета-оригинала, а лишь одна из них, причем останавливающая и фиксирующая этот предмет в такой точке его движения, которая позволяет однозначно утверждать, что именно данное состояние предмета-оригинала в данной точке его движения и является **собственным, подлинным, единственным** предметом теоретической экономики как науки, а значит, никакая другая наука не может изучать его в качестве **своего предмета** (может изучать лишь в качестве **объекта**).

Способность мышления «останавливать», фиксировать и формулировать определенное состояние предмета-оригинала без всякого наложения его другими его состояниями и определенностями в других точках движения в качестве **«предмета-дефиниции»** и позволяет четко очертить и назвать систему производственных отношений собственным предметом политической экономии как **науки**. Следовательно, именно благодаря этим свойствам мышления на этапе определения предмета политэкономии как **науки** фиксируется и формулируется этот предмет, которым являются производственные отношения.¹ Тем самым предельно четко очерчивается **предметная граница** классической политической экономии как особой научной дисциплины, позволяющей выделить ее специфическое место в системе социогуманитарных и экономических дисциплин.

Итак, смешение **двоякого** рода «определений», а именно **множества** определенностей всего богатства онтологического содержания **«предмета-оригинала»** с **единственным** определением (определенностью), в котором воплощается гносеологическая форма фиксации собственно предмета политэкономии как науки, т.е. с **«предметом-дефиницией»**, явилось глубинной исходной гносеологической и методологической причиной, породившей «расширительную трактовку» предмета политэкономии как науки. Отсюда сформулирую **ПЕРВОЕ** специфическое требование (принцип) к определению предмета науки как таковой и теоретической экономии в частности: **необходимо четко разграничить понятия (выражения, формулы) «предмет-оригинал», т.е. «определение предмета теоретической экономии как феномена, процесса, реальности»** (множество определенностей предмета-оригинала), **и «предмет-**

¹ На данном этапе исследования я исхожу из традиционного положения о том, что производственные отношения являются предметом политической экономии, хотя в последующем данная устоявшаяся концепция мною будет критически преодолена. В контексте данного исследования меня интересуют прежде всего вопросы обоснования методологических принципов определения предмета любой науки вообще, теоретической экономии в частности.

дефиниция», т.е. «определение предмета теоретической экономики как науки» (единственная определенность предмета-дефиниции).

ВТОРАЯ ГРУППА ПРИЧИН «расширительной версии» предмета политической экономики связана с фактом смешения различных **базовых понятий, элементов** общей дисциплинарной модели науки, с помощью которых описывается сама наука. При этом в одном случае исследователи очень часто оперируют одним понятием, имеющим **вполне определенную** смысловую нагрузку, но фактически вкладывают в него **иной** смысл. В другом случае в **различные** понятия **включают один и тот же** смысл. В результате «подмены самих понятий» и «подмены смысла и значения понятий» сами авторы не могут вразумительно объяснить, о чем, собственно, идет речь. Так, еще в 1847г. В. А. Милютин справедливо отмечал, что «в сочинении Смита нет ни одного места, из которого мы бы имели право заключить о том, что считал он именно настоящим предметом политической экономики».1 Это далеко не случайно, ведь у Смита (и даже у Рикардо в его основных научных трудах) вообще отсутствует понятие «предмет науки», вместо этого они оперировали понятием «**задача** политической экономики».

Терминологическую нечеткость мы встречаем у всех экономистов Запада и в прошлом, и в настоящем. Ее мы встречаем и у Маркса, что, по-видимому, объясняется тем, что и он не ставил специальную задачу разрабатывать **теорию предмета** политической экономики как науки. Результатом этого является отсутствие у них специальной работы, где получили бы развернутое изложение их взгляды по вопросам предмета и метода политической экономики. Многие последующие недоразумения по вопросу о предмете данной науки мы связываем и с этим обстоятельством, а потому рассмотрим его более подробно.

Так, К. Маркс и Ф. Энгельс (да и не только они) использовали множество различных понятий, терминов и

1 Милютин В.А. Избр.произв. – М., 1946. – С.39. (Подчеркнуто мной. – У.А.)

словосочетаний, по-разному раскрывающих предметную специфику политэкономии. Ниже приведем ряд из них по степени возрастающей точности раскрытия предметной определенности политической экономии:

- **«пределы политической экономии»** (производительные силы чисто с вещественной стороны, богатство как вещество, вещественная сторона товара, которые лежат «за пределами политической экономии»);

- **«сфера политической экономии»** (потребительная стоимость, если она влияет на производственные отношения или видоизменяется последними);

- **«место в политической экономии»** (духовные элементы);

- **«область политической экономии»** (исследование благородных металлов как субъект денежного отношения);

- **«то-то относится к самой политической экономии»** (различение потребительной стоимости и меновой стоимости);

- **«политическая экономия имеет дело»** (с историческим, постоянно меняющимся материалом, со специфическими общественными формами богатства);

- **«специально касается сама политическая экономия»** (государство, право, мораль, гражданская жизнь);

- **«самостоятельный объект исследования»** (общественные формы буржуазного производства);

- **«подлинный объект политэкономии»** (общественные формы вещественного содержания богатства);

- **«политическая экономия – наука о том-то»** (о законах, управляющих производством и обменом);

- **«предмет исследования»** (это прежде всего материальное производство);

- **«непосредственный предмет науки»** (применительно ко всякой экономической науке, а значит, и политической экономии);

- «**единственный предмет политической экономии**» (применительно к Д. Рикардо и всей классической буржуазной политической экономии, которые распределение считали единственным предметом данной науки);

- «**подлинный предмет политической экономии**» (то же самое, что относится к Д. Рикардо относительно его понимания распределения как подлинного предмета политической экономии).

Что все это означает с позиции общей теории предмета науки? 1

Во-первых, приведенные различные положения основоположников марксизма о политической экономии выражают те или иные аспекты ее предмета, рассматриваемого как *процесс, реальность*, и они вовсе не есть *сущностная определенность предмета собственно науки политэкономии*. Поэтому надо найти различные логические уровни качественной характеристики определения предмета политической экономии, взятого в разных точках его движения.

Во-вторых, некоторые из этих понятий и выражений применены классиками марксизма не в строгом соответствии с их собственным смысловым значением, поскольку перед К. Марксом, да и всеми позднейшими экономистами не стояла специальная задача выяснения *структурных элементов интегральной модели научной дисциплины* как таковой и каждой отдельной дисциплины, четкого их смыслового разграничения, чему только в последнее время уделяется особое внимание в связи с разработкой *общей теории предмета науки*. Этим обстоятельством можно объяснить, на мой взгляд, отсутствие у К.Маркса и Ф.Энгельса (да и у многих современных

1 Примечательно, что Э.Б.Алаев в «Большой советской энциклопедии» находит 90(!) различных вариантов понятий и словосочетаний в дефинициях наук, при этом из 920 дисциплин 12 определены вообще без разового слова типа «предметом является», «область науки» и т.д., что «не выглядит терминологическим преступлением». – См.: Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – С.20.

экономистов) понятий «предмет» и «объект» с разным, самостоятельным их смысловым содержанием.

Отсюда, в-третьих, к собственно определению предмета политической экономии как науки больше всего имеют отношение, прежде всего, такие выражения и понятия, как **«единственный предмет политической экономии»**, **«подлинный предмет политической экономии»** или **«непосредственный предмет науки»** (в том числе политической экономии).

Терминологическая путаница, как ни странно звучит, является одной из серьезных гносеологических основ «расширительной версии» предмета политической экономии (и не только ее), которая выражается в следующих основных формах. Рассмотрим их более подробно.

А. Наиболее распространенным фактом «подмены понятий» является **смещение «объекта науки»** (то, **на что** направлена познавательная деятельность субъекта науки) и **«предмета науки»** (то, **что** скрыто в объекте, то, **что** отыскивается в объекте, то, **к чему** относится искомое знание, в данном случае теоретико-экономическое знание).

Четкую неразграниченность этих понятий, как было отмечено ранее, мы встречаем у многих экономистов в прошлом и настоящем, в том числе и у марксистов. Наиболее близким к положению о том, что подлинным предметом политической экономии является система производственных отношений на определенной ступени развития общества, является известная марксова формулировка предмета своего исследования в «Капитале»: «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».1 Однако не следует забывать, что **«Капитал» и «политическая экономия буржуазного общества» не одно и то же**, хотя

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.23. –С.6.

первый есть научная «квинтэссенция» системы отношений буржуазного производства соответствующей эпохи.

С другой стороны, в приведенном положении Маркса неявно присутствуют сразу два относительно самостоятельных понятия (компонента, элемента) научной дисциплины – **объект** («капиталистический способ производства») и **собственно предмет** («отношения производства и обмена»). Неразграничение «капиталистического способа производства» как **объекта** науки и «отношений производства и обмена» как **собственно предмета** науки впоследствии привело к ошибочному, на мой взгляд, утверждению многих исследователей о том, что предметом политической экономии как науки является «способ производства».

Кроме того, следует учесть, что у К.Маркса (и не только у него) иногда там, где речь идет об **«объекте»**, фактически (подтекст) подразумевается **«предмет»** науки (например, «самостоятельным объектом исследования являются общественные формы буржуазного производства», содержанием которых являются реальные производственные отношения) и, наоборот, где говорится о **«предмете»**, фактически (подтекст) речь идет об **«объекте»** науки, например, «предмет исследования – это прежде всего **материальное производство**».²

Следует подчеркнуть, что в данном случае К. Маркс, хотя оперирует понятием «предмет», фактически указывает на материальное производство как на непосредственный «объект», который собирается изучать политическая экономия как наука, а не как ее предмет в строгом смысле слова. А то, что она будет отыскивать в этом объекте **отношения людей по поводу производства и обмена материальных благ**, и есть, по Марксу, хотя не совсем явно, собственно предмет политической экономии. Именно в этом смысле можно понять известное положение В.И.Ленина о том, что «политическая экономия занимается вовсе не «производством», а общественными

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т.12. – С.709.

отношениями людей по производству».1 Тем самым снимается кажущееся противоречие между положением К. Маркса о том, что «предмет исследования – это прежде всего **материальное производство**», и положением В.И.Ленина о том, что «политическая экономия занимается **«вовсе не производством»**».

В этой связи нам представляется ошибочным утверждение А.Г. Гузняка о том, что, «считая предметом своего исследования материальное производство, К.Маркс... дает лишь самое общее определение предмета политической экономии...».2 Это – результат **неразграничения** нашим современником А.Г. Гузняевым «объекта науки» и «предмета науки», что имеет весьма важное значение в теории предмета теоретической экономии. В других случаях это же неразграничение «предмета» и «объекта» науки для многих послужило поводом считать предметом этой науки реальные объекты, такие, как хозяйство (народное, сингулярное – немецкая школа), отрасли (Кокленд), экономическая жизнь (К.Менгер, Дж.Н.Кейнс и др.), экономическая система (Дж.М.Кларк, Э.Лундберг, С.С.Шаталин и др.).

Объект любой науки многогранен, многоаспектен, многосторонен, многослоен; каждую определенную его грань, аспект, срез изучает отдельная, относительно самостоятельная наука в качестве своего **предмета**. Именно **«одностороннее», «одноаспектное», «одногранное», «односрезное»** отражение и изучение этого единого объекта, например, социогуманитарных наук – человеческого общества (общественного производства) – каждой отдельно взятой научной дисциплиной обществоведческого и экономического цикла и позволяет выделить **собственный предмет каждой из наук**, изучающей этот единый **суперобъект** явно под **определенным** углом зрения.

Кроме того, сама экономическая наука многообразна, многоструктурна, многолика и многослойна. Из того, что

1 Ленин В.И. Полн. собр. Соч. –Т.3. –С.53.

2 Гузняев А.Г. Проблемы предмета политической экономии социализма. –Казань: Изд-во Казанского университета, 1976. –С.17.

политэкономия (теоретическая экономия) «одним стволom» входит в систему экономических наук, вовсе не вытекает вывод об одинаковом ее отношении к другим специальным экономическим дисциплинам и к задачам хозяйственной практики. В отличие от других частных конкретно-экономических дисциплин, действительная связь политэкономической теории (более широко – теретической экономии) и народнохозяйственной практики специфична, неповторима, а главное **опосредована** рядом промежуточных звеньев.¹

Поэтому есть уверенность в том и доказательство тому, что абстрактное, «обезличенное», «зряшное» понимание требований по усилению связей экономических наук с хозяйственной практикой, которое отражается, в частности, в попытке «обновить», «подправить», «осовременить», «ожизнить», «заземлить» предмет политической экономии путем включения в него бесконечных процессов и явлений непосредственно **сферы бытия – «объекта»** науки, может привести и приводит уже только к обратному от желаемого результату – потере собственно теоретико-экономического подхода к исследованию и обобщению социальной практики, что чревато многими негативными последствиями как для практики, так и самой этой науки.

Таким образом, еще раз хочется заострить внимание читателя на том, что **вопрос состоит вовсе не в том, изучает или нет** теоретическая экономия (в том числе политическая экономия) указанные явления и процессы: производительные силы, хозяйство, богатство, экономическую жизнь общества, производство, элементы духовного производства, институтов, поведения и т.д. и т.п., а в том, **в качестве чего** она их изучает: как **объект**² или же как собственно **предмет**. Все они

1 Мамедов О.Ю. Политическая экономия социализма. Курс проблемных лекций. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1990. –С.16.

2 «Политическая экономия выражает моральные законы, но только на свой лад» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т.42. – С.133.). В данном случае «моральные законы» выступают как **объект** изучения политической экономии, тогда как выражение «**на свой лад**» означает **предметную специфику** политэкономии, через призму которой и изучаются ею эти

теоретической экономией изучаются лишь в качестве **объекта**, а не собственно предмета. Отсюда вытекает **ВТОРОЕ** специфическое требование (принцип) к определению предмета теоретической экономии как науки (всякой другой науки): **оно должно быть сформулировано без указания на объект науки и, более того, без смешения с ним.**

Б. «Расширительная трактовка» предмета политической экономии связана также со смешением **предмета** науки и **метода** науки, т.е. вопроса о том, «что изучает политэкономия как наука в качестве своего предмета («что отыскивается ею в объекте»), и вопроса «как изучает политэкономия свой предмет».

Онтологической основой такого смешения служит объективная **неразрывность** производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и производственных отношений со всеми формами их выражения и проявления **в реальной действительности** – с другой.

Сторонники включения производительных сил в предмет политической экономии «наряду» с производственными отношениями исходят в одном случае из того, что они якобы составляют **содержание** производственных отношений, другие, разграничивая в производительных силах две стороны – техническую и **общественную**, лишь последнюю включают в предмет политической экономии (Черковец В.Н.), третьи производительные силы включают в предмет науки на том основании, что они якобы составляют **общую материальную основу** развития производственных отношений (Л.М.Гатовский). Признав неудовлетворительным сложившееся состояние изучения производственных отношений «в единстве» с производительными силами, некоторые пытались этот недостаток «устранить» утверждением о том, что предметом политической экономии как науки является **способ производства**

«моральные законы». Это утверждение имеет отношение и к «институтам» как к объектам теоретической экономии.

в целом (Анчишкин А.И., Борисов Е., Кукушкин М.С., Барабанов А.И. и другие).

Такой же, по существу, ход суждений привел в другом случае к «расширению» предмета политической экономии включением в него так называемых **надстроечных отношений**. Это, как правило, обосновывается тем, что производственные отношения, составляя их базис, якобы «неразрывны» с ними и, в свою очередь, идеологические, политические и другие духовные отношения и институты оказывают большое влияние на производственные отношения.

Стало быть, согласно «расширительной трактовке», на деле предметом политической экономии является в одном случае – воспользуясь марксистской терминологией – **способ производства**, а в другом – **общественно-экономическая формация**, что выглядит, по меньшей мере, «теоретическим абсурдом». Тогда становится практически невозможным выделить другие социогуманитарные, экономические науки по их специфическим **предметным** определенностям и границам.

Более поверхностная «социальная» причина расширения предметной границы политической экономии в данном случае – это тот же призыв **«идти от жизни»**, т. е. необходимость «усиления связи» той или иной конкретной экономической теории с решением конкретных народнохозяйственных задач и проблем. На первый взгляд кажется, что это весьма сильный аргумент в руках сторонников «расширительной трактовки» предмета политической экономии. Ведь в последнее время все более усиливается взаимосвязь и взаимообусловленность всех сторон общественной жизни не только внутри страны, но и во всемирном масштабе в силу глобализации мирохозяйственных процессов. Усиливается рыночная направленность экономического развития постсоветских обществ. Эти тенденции не могут не вызвать все более усиливающуюся интеграцию всей системы социо-гуманитарных наук.

С другой стороны, значительное усложнение решаемых проблем объективно предполагает усиление интеграционных

процессов в системе самих экономических наук. Справедливо сложилось требование усилить практический выход экономических исследований на решение актуальных проблем экономических реформ переходного общества, осуществляемых в странах СНГ, что своеобразно отразилось и в вопросе о предмете теоретической экономики.

И этот «социальный заказ» общества всей системе экономических наук в свое время (да и сейчас) многие исследователи поняли в том смысле, что нужно срочно пересмотреть сам предмет политической экономики под углом зрения «усиления ее связи» с хозяйственной практикой. Отсюда и «новое» определение предмета политической экономики как науки – «производственные отношения **в связи** («в тесной связи», «во взаимосвязи», «в неразрывной связи» и т.д.) с производительными силами и надстроечными отношениями общества».

Однако из этой «неразрывности», на мой взгляд, вовсе не вытекает необходимость включения в определение предмета, т.е. в предмет-дефиницию, политической (теоретической) экономики как науки производительных сил и духовных отношений общества. Дело в том, что в последнем случае речь идет о **реальной диалектике** общественно-экономической системы, т.е. о **содержательной** характеристике самих производственных отношений. Ведь в «неразрывной связи» находится все без исключения: галактики во Вселенной; живая и неживая природа; микромир и макромир; производительные силы и производственные отношения: материальные, духовные, родовые отношения; человек, общество и природа и т.д. и т.п. Это есть, по существу, выражение таких фундаментальных принципов мироздания, как принципы единства мира и всеобщей связи бытия, метаэпистемологическим мысленным отражением которых в будущем будет, очевидно, так называемая «теория всего», точнее **«единая теория всего»**.

Но возникает вопрос: насколько методологически правомерно «расширять» определение предмета политэкономии как науки лишь на основании того, что

производственные отношения находятся в «неразрывной связи» с производительными силами или такими «особыми» отношениями, как правовые, идеологические, нравственные, и другими отношениями духовного или родо-производственного типа? Если идти по такому пути, т.е. по принципу учета всеобщей связи (а ведь есть связь, как однажды весьма ехидно заметил К.Маркс, даже между млекопитающими и сапожной щеткой), то можно что угодно включать в определение предмета политической экономии как науки.

Поэтому, строго фиксируя производственные отношения (на данном этапе исследования) в качестве подлинного предмета политической экономии, в то же время ни один **уважающий себя политэконом-методолог** никогда не покушался на **отрыв** производственных отношений от других процессов и явлений общественного бытия. Что же касается известного отрыва в исследовании производственных отношений от производительных сил и так называемых «надстроечных» отношений, который, к сожалению, имел и имеет место, то он относится, согласно общей теории предмета науки, **не к собственно ПРЕДМЕТУ** науки политической экономии, что он якобы «чрезмерно узок», «не идет от жизни», а к **МЕТОДУ** науки и конкретным научным сообществам, специалистам и преподавателям теоретической экономии, которые не обеспечивали в свое время и не обеспечивают сейчас в должной мере исследование и изучение производственных отношений в диалектическом единстве с производительными силами и другими отношениями людей в обществе. Такое положение только еще более актуализирует проблему **метода** теоретической экономии на современном этапе.

Поэтому, как бы важен ни был вопрос о «методе науки», ни в коей мере нельзя допускать явного или неявного переноса акцента в данном случае с определения **предмета** политэкономии как науки на **метод** науки, т. е. с вопроса «**что** изучает политэкономия в качестве своего предмета» на вопрос «**как** изучает данная наука свой предмет», в отрыве или без отрыва, в связи или нет с другими явлениями и процессами.

В результате этих рассуждений вытекает **ТРЕТЬЕ** специфическое требование (принцип) к определению предмета теоретической экономии как науки (всякой другой науки): **оно должно быть сформулировано без указания на метод науки («в связи», «в тесной связи», «во взаимосвязи» и т. д.), более того, без смешения с ним.**

В. «Расширительная трактовка» есть также результат смешения **предмета** науки и **проблемы** науки. Разумеется, теоретическая экономия, как и всякая другая наука, имеет целый «спектр» проблем, проблемных областей, проблемных ситуаций и даже «проблем-дезидератов». И если по каким-либо причинам та или иная проблема данной науки остается неисследованной, а если исследованной, но нерешенной как следует, то с истечением определенного времени такое положение начинает рассматриваться отдельными субъектами науки как результат якобы «неправильного» понимания другими самого предмета этой науки. И отсюда соответствующая гносеологическая реакция – решать прежние фундаментальные или вновь возникшие проблемы им кажется очень просто, если эти же проблемы «громогласно объявить» как предмет теоретической экономии, т.е. поднять их «статус», «рейтинг» как **проблемы** до статуса **предмета** – стержневого понятия всего категориального строя науки.¹

Этим обстоятельством, по моему мнению, объясняется множество определений, имеющих в учебной литературе последнего времени, согласно которым предметом политэкономии (точнее, экономикса и так называемой экономической теории) являются «рациональное хозяйствование», «оптимальное функционирование экономической системы», «экономическая

¹ Вот типичные примеры смешения "предмета" и "проблемы" науки. "Каковы же контуры новой парадигмы с точки зрения представлений о предмете науки? Прежде всего речь идет о **расширении круга изучаемых проблем**, находящихся на стыке экономики и других общественных наук" // Российский экономический журнал. –1996. –№4. –С.92. (Выделено мной. –У.А.). Другие вслед за Р.Пассе призывают "заново определить сам **предмет** экономической науки... в связи с **задачами** анализа **проблем**, пока находящихся за ее рамками". –Там же. –С.96. (Выделено мной. –У.А.). Здесь к тому же "предмет" науки смешан и с ее "задачами".

эффективность», «выбор рационального использования редких ресурсов» и т.д. и т.п. Другими словами, выходит, **сколько проблем – столько и определений предмета политэкономии как науки, в принципе до бесконечности. Но это уже из области абсурдов!**

В итоге данного анализа выдвигаю **ЧЕТВЕРТОЕ** специфическое требование (принцип) к определению предмета теоретической экономики как науки (всякой другой науки): **оно должно быть сформулировано без указания на проблемы науки и, более того, без смешения с ним.**

Г. «Расширительная трактовка» страдает еще и тем, что в определение предмета политэкономии как науки очень часто включают **«законы функционирования производства (распределения, обмена, потребления)»**. «Провоцирующим» этот факт основанием для марксистов является известное положение Ф.Энгельса о политической экономике: «Политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о **законах**, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе». ² Здесь предмет политической экономики раскрывается через **«цель»** данной науки, ибо «раскрытие законов явлений» вообще, «законов, управляющих производством и обменом» в частности и есть **конечная цель** процесса научного познания вообще и теоретической экономики в данном случае. Между тем в приведенном положении Ф.Энгельса присутствует сразу несколько элементов научной дисциплины – **предельный объект** («человеческое общество»), **непосредственный объект** («производство и обмен материальных жизненных благ») и **цель науки** («законы управления производством и обменом»).

Таким образом, вслед за Энгельсом (еще раньше за «физиократами», Гегелем и Рикардо) в современных исследованиях не учитывается один из важнейших принципов

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.20. –С.150. (Выделено мной. –У.А.). Кстати, такой точки зрения (**законы, экономические законы** как предмет политэкономии) придерживались Гегель, Л.Вальрас, Де Грифа, Дж.С.Милль, В.А.Милютин, Р.Люксембург, Д.Рикардо, "физиократы" и придерживаются многие современные экономисты.

общей теории предмета науки о том, что **раскрытие законов явлений**, в данном случае – производственных отношений, есть **не предмет** науки в собственном смысле слова, а ее **цель**,¹ а значит, и в данном случае происходит смешение предмета науки и цели науки. А это, в свою очередь, ведет к нарушению следующего, **ПЯТОГО** специфического требования (принципа) к определению предмета науки, теоретической экономии в том числе: оно должно быть сформулировано без указания на цель науки и, более того, без смешения с нею.

Итак, с позиции сформулированных мною гносеолого-методологических принципов или требований к определению предмета теоретической экономии рассмотрим так называемую «классическую» формулировку предмета политической экономии, данную в одном из последних учебников советского периода². «Теперь можно более **полно и развернуто** ответить на вопрос о том, – читаем мы, – **что** изучает политическая экономия, или **что является ее предметом**. Политическая экономия, – говорится далее, – изучает **производственные отношения в их единстве и взаимодействии с производительными силами и надстройкой. Она выясняет законы, управляющие производством, распределением, обменом и потреблением жизненных благ в различных формациях, всем экономическим развитием общества».**

В данном якобы «полном и развернутом» определении предмета политэкономии присутствует почти **все**: и «**предмет**» (производственные отношения), и «**объект**» (производительные силы, надстройка, формация, экономическое развитие), и «**метод**» (в единстве и взаимодействии), и «**цель**» (выясняет законы), и «**проблема**» (управления производством). Это не определение предмета науки в собственном смысле слова, а в

¹ Впрочем, Маркс, как известно, конечной целью своего исследования в "Капитале" считал **раскрытие экономического закона движения** буржуазного общества, что с точки зрения **общей теории предмета науки** является весьма точной формулировкой **целевой функции**, а не собственно предмета науки политэкономии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. –Т.23. –С.10.

² Политическая экономия. Учебник для вузов. Рук. авторск. коллектива Медведев В.А. –М.: Политиздат, 1988. –С.48. (Выделено мной. –У.А.).

лучшем случае «конгломератно-винегретная» характеристика политэкономии как науки в целом путем простого, причем неполного, перечисления нескольких элементов феномена научной дисциплины. И выдавать эту «полную и развернутую» характеристику научной дисциплины в целом за определение подлинного (собственного) **предмета** политэкономии как науки методологически явно некорректно, даже в корне ошибочно.

Кстати, многие недоразумения, имеющиеся в экономической (и не только экономической) литературе о предмете теоретической экономики (и не только ее), по моему глубокому убеждению, связаны именно с неразграничением различных **базовых понятий** (элементов) всего категориального строя науки (общей дисциплинарной теории науки), с помощью которых раскрываются различные атрибутивные черты и признаки науки как таковой и теоретической экономики в частности. А последнее, в свою очередь, есть результат неразработанности как общей, так и частной теории предмета науки (теоретической экономики в том числе) – **«предметоведения»**, в разработку которого посильный вклад вносит автор данного учебного пособия. Исходя из вышеизложенного, на данном этапе исследования сформулирую **более ОБЩИЙ ПРИНЦИП** (требование) определения предмета науки как таковой, теоретической экономики в частности: **оно должно быть сформулировано с указанием только и только такого стержневого элемента всего категориального строя науки, как «ПРЕДМЕТ», т.е. без указания наряду с «предметом» других понятий и элементов категориального строя науки (объекта, метода, проблемы, задачи, цели и т.д.) и, более того, без смешения «предмета» с ними, какими значимыми бы они ни были.**

ТРЕТЬЯ ГРУППА ПРИЧИН, способствовавшая распространению «расширительной версии», связана с тем, что в определение предмета теоретической экономики как науки включаются «формы проявления» производственных отношений.

Некоторых экономистов не устраивает формула: «предметом политической экономики как науки является система

производственных отношений», так как она якобы «слишком
обща и абстрактна». **«Исключить из предмета исследования
имманентные отношениям формы их проявления, – писал
Л.И.Абалкин, – значит отказаться от познания реального
механизма функционирования общественного производства и
серьезно ослабить практическую ценность политико-
экономического вывода».** Отсюда предметом политической
экономики как науки им признаются «производственные
отношения **вместе** с формами их проявления и реализации».1

Между тем исключить их из **реального содержания
предмета** политэкономии, очевидно, никто и не собирался, но
включить их в **определение предмета политэкономии как науки**
– в **«предмет-дефиницию»** «наряду», «вместе» с
производственными отношениями также неверно. И такое
утверждение выглядит, по меньшей мере, как «масло масляное»,
так как любое отдельное производственное отношение или их
система разворачиваются как на различных структурных уровнях
самой реальности, так и на различных логических уровнях их
теоретического отражения в форме гносеологической рефлексии.
Не образец для подражания тот экономист-теоретик или научный
коллектив (еще хуже, если целое теоретико-экономическое
дисциплинарное сообщество), которые ограничиваются
исследованием производственных отношений лишь на самом
абстрактном, сущностно-субстанциональном уровне и не доводят
свои исследования до внешних, действительных форм
выражения в общественной жизни. И если даже такое случается,
в этом не виновно так называемое «ограничительное», «узкое»,
«общее» определение предмета политической экономики, а
виновны конкретные субъекты теоретико-экономических
сообществ, а именно их **усеченная методология**, не
позволяющая доводить свои исследования до логической
завершенности, т.е. до «явленческих» и действительных форм
выражения производственных отношений.

1 Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики.–М.: Мысль, 1981.– С.66-67.
(Выделено мной.–У.А.)

В ослаблении **практической** ценности теоретико-экономических исследований, подчеркиваю, не повинно само определение предмета теоретической экономики как науки, а повинна слабая разработка самими субъектами этой науки ее собственного предмета в содержательном плане в контексте **«начало – процесс – результат»** с позиций системы социальных функций, выполняемых теоретической экономией, в данном случае ее **праксиологической** функции.

Сформулирую **ШЕСТОЕ специфическое требование (принцип) к определению предмета науки, в том числе теоретической экономики: оно должно быть сформулировано без указания «форм проявления и реализации» данного предмета**, так как само определение предмета науки теоретической экономики имманентно предполагает рассмотрение этого предмета в единстве его сущности и существования, содержания и формы, структуры и функционирования, статики и динамики. Но, с другой стороны, обнаружение, существование, функционирование, т.е. форма и явление, – вещи видимые, наблюдаемые, иногда кажущиеся человеку, субъекту науки; они сами по себе выступают для субъектов науки лишь внешним, чувственно-осознаваемым **объектом**, а не предметом. Наука внешнее, видимое, кажущееся, явленческое сводит к внутреннему, невидимому (скрытому), сущностному, а в их единстве – к **действительному движению предмета**.

Продолжая данную линию рассуждений, следует указать еще на одну, **ЧЕТВЕРТУЮ, по счету, ГРУППУ НЕМАЛО-ВАЖНЫХ ПРИЧИН**, изрядно усиливших «расширительную версию» предмета политэкономии. Это, **во-первых**, отсутствие у нас до последнего времени такой особой научной дисциплины, как **«Экономикс»**, зародившейся в конце XIX века как «современная» к тому и настоящему времени «западная» политэкономия, которая до сих пор воспринимается ее представителями, по сути дела, как та же политэкономия, по меньшей мере, ее современная разновидность. По моему мнению, **«ЭКОНОМИКС»** изначально и в настоящее время представляет собой

родственную с политэкономией, но относительно самостоятельную научную дисциплину в рамках теоретической экономики, точнее, науку **об общей теории рыночного экономического поведения экономических субъектов** (это его не предмет-дефиниция, о которой речь пойдет позже).

Отсутствие «экономикса» в «странах социализма» в той или иной мере способствовало проникновению ее содержания – **предметных, проблемных, функционально-целевых областей** прежде всего в «политическую экономию» как науку родственную, но не тождественную, а позже особенно в «экономическую теорию», породившее иллюзию о необходимости расширения предметной границы самой политэкономии, что и было незамедлительно реализовано во множестве «новых» определений предмета. Но сегодня «экономикс» постепенно получает права гражданства и, стало быть, принцип «воздать богу – божье, кесарю – кесарево» будет, очевидно, реализован на деле, и прежде всего в области уточнения и определения предметной специфики этих родственных наук, научных и учебных дисциплин.

Во-вторых, это отсутствие в нашей стране и за рубежом такой особой научной и учебной дисциплины, как **«Общая экономика» – науки об общей теории экономических систем**; и в этом своем качестве она постепенно превращается в третий составной компонент становящейся **«теоретической экономии»**. И этот факт ее отсутствия привел к размыванию определения предметной специфики политической экономии как науки и ее растворению в многочисленных «новых», «конструктивных», с точки зрения их авторов, определениях ее предмета. Это случилось следующим образом.

Подобно тому, как «природа не терпит пустоты», феномены из арсенала объектов, предметной и проблемной областей «Общей экономики» (с девятью инвариантными атрибутивными элементами экономической системы как

таковой)¹ в силу ее отсутствия как особой **общеэкономической** дисциплины на фоне все усиливающегося «социального заказа» общества на экономические науки «автоматически» переключались главным образом в политическую экономию как науку, способную якобы «все поглощать», «все видеть», «все объяснять», «все решать», науку, рассматривающую в качестве своего предмета все, что угодно, главное, чтобы сохранить репутацию «науки наук».

И в результате политическая экономия как теоретико-экономическая дисциплина и наука, будучи неспособной объективно нести «непосильную ношу», взвалившуюся на нее, пережила и переживает весьма неприятный гносеологический дискомфорт, трудный и болезненный период своего существования (по сути «выживания»)¹.

Таким образом, **в силу воздействия множества вышеуказанных, с виду «благоразумных» факторов, причин и обстоятельств «расширительная версия» предметной определенности политической экономии (и экономикса) по иронии судьбы, сама того не ведая, сыграла «злую шутку», чуть не задушив в собственных объятиях свою «мать» – политическую экономию.**

Очень примечательно, что подобное состояние, которое переживает теоретическая экономия, присуще и другим наукам, в частности искусству. С сожалением отмечая безмерное расширение его предмета, В.З. Коган в свое время совершенно справедливо, по моему мнению, писал: **«Беспредельное расширение предмета лишает итоги его познания конкретного содержания, и потому приносимая искусством познавательная**

¹ Более подробно см.: Алиев У.Ж. «Общая экономика» как научная и учебная дисциплина // Российский экономический журнал. – 1992. – №5. С.105-109; его же: Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. – Алматы, НИЦ «Ғылым», 2001 (2004 – переиздание), Глава II.

¹ На этом фоне создание российскими учеными-политэкономами Международной Политико- Экономической Ассоциации (МПЭА) в условиях «реактуализации марксизма» во всем мире является объективной необходимостью и закономерностью подлинной научной эпистемологии.

информация при развитии указанной («расширительной». – У.А.) тенденции и дальше асимптоматически оказывается **бессодержа-тельной**. Ясно, что ни бессмысленная, ни бессодержательная информация никакой ценности в себе не несет, ибо тут складывается ситуация, при которой «можно знать все ни о чем и ничего обо всем».2 Как прекрасно, главное, очень верно сказано!

До чего знакомая для каждого уважающего себя экономиста-теоретика картина, сложившаяся в теоретической экономике последнего времени, когда «**беспредел**» в определении (кстати, корень слова «**определение**» – **предел**, т.е. установление предела) ее предмета как науки, по сути, привел чуть ли не к полной профанации и патологии некогда здоровой, изящной и стройной научной дисциплины, каковой была именно политическая экономия в виде дисциплинарной формы ее организации. И горько сознавать и признавать, что «конструктивно-револю-ционную» роль в этом печальном «спектакле» сыграли прежде всего субъекты самой политической экономики.

Вылечить от «роковой расширительной болезни», спасти политическую экономию (да и теоретическую экономию в целом) от окончательного ее разложения возможно, в частности, путем «узаконения» таких научных дисциплин, как «**Общая экономика**», «**Каталлактика**» (Экономикс) и других, что, в свою очередь, возможно только путем очищения теоретико-экономического «организма» от всяких наростов, наслоений и болезней, которые породили «вирусы» вездесущей «расширительной версии» определения предмета этой науки, а следовательно, освободив ее от несвойственных ей предметных областей, задач и ролей, т.е. путем опять-таки **четкого определения ее предметной специфики** как особой научной дисциплины в контексте общей теории предмета науки.

2 Коган В.З. Маршрут в страну информологии. –М.: Наука, 1985. –С.20; Коган И.М. Прикладная теория информации.– М., 1981.– С.133.

Итак, мы рассмотрели **четыре** основные причины и обстоятельства (со многими производными), породившие «расширительную версию» определения предмета политэкономии (и экономикса) как науки. **ОБЩИЙ ВЫВОД** из проведенного мною **исследования таков**: содержательный анализ главным образом научно-рефлексивных и отчасти конкретно-исторических последствий «расширительной версии» позволяет автору сформулировать принципиально **новый концептуальный подход** к предметной определенности теоретической экономики как науки. Этот подход в концентрированном виде выглядит следующим образом. **Определение собственного, подлинного предмета теоретической экономики как науки (впрочем, всякой иной науки) должно быть сформулировано четко, кратко, ясно, однозначно с фиксацией (указанием) ПРЕДМЕТА-ОРИГИНАЛА данной науки на определенной, мысленно остановленной точке его реального движения, позволяющей принципиально и недвусмысленно выделить теоретическую экономию в качестве особой, неповторимой дисциплины в ряду сотен и тысяч наук, дисциплин и специальностей и не похожей ни на одну из них.**

В свою очередь, такое определение предмета науки (в данном случае теоретической экономики) можно дать лишь при **трех условиях**: **а)** если оно зафиксировано и сформулировано независимо от многочисленных определенностей (состояний) предмета-оригинала теоретической экономики как реальности, которые не имеют прямого отношения к **«предмету-дефиниции»** данной науки; **б)** если оно сформулировано без указания других базовых элементов, понятий категориального строя науки, а именно субъекта, объекта, метода, проблем, функций, цели, задач науки; **в)** при обосновании ряда новых родственных наук и научных дисциплин теоретического цикла, ранее не существовавших вообще (например, «общей экономики»), и придании «права гражданства» некоторым дисциплинам, существующим за рубежом, но отсутствовавшим до последнего времени у нас (например, «экономикс»), при условии четкого уточнения их предметной определенности в

рамках формирующейся единой научной дисциплины – теоретической экономики.

Принцип определения предмета теоретической экономики как науки (всякой другой науки), как мне представляется, аналогичен принципу того диалога, который (по преданиям) состоялся однажды между **Буддой и его учеником**. Будда спрашивает ученика: «Смотри, кто идет?». Ученик отвечает: «Идет молодая красивая женщина». Будда спрашивает: «Кто идет?». Ученик отвечает: «Идет молодая женщина». Снова вопрос: «Кто идет?». Тот отвечает: «Идет женщина». Вопрос: «Кто идет?». Последовал ответ: «Идет человек». Учитель снова «Я спрашиваю: кто идет?». Ученик отвечает: «Идет скелет, мой учитель». Будда остался довольным! Определенность предмета – предмета-дефиниции теоретической экономики как науки – это своего рода тот же **«скелет»**, освобожденный от «плоти и крови» человеческой природы – «молодой, красивой женщины», т.е. от всех других многочисленных определенностей, наслоений, состояний и характеристик предмета-оригинала (в приведенном примере – женщины, которая может быть и умной, и сильной, и домовитой, и духовно богатой и т.д.), взятого как реальность, целостность.

В данном случае речь идет о **«предмете науки»**, сформулированном без таких наслоений и элементов дисциплинарной модели науки, как **«субъект»**, **«объект»**, **«метод»**, **«проблема»**, **«функция»**, **«цель»**, **«задача»**, а также без **«форм выражения»** самого предмета в реальности. В этом своем качестве **«предмет науки»** предстает перед нами как **абстрактная всеобщность**, т.е. одновременно как **«чувственное-сверхчувственное»**. «Плоть и кровь» этот **«скелет-предмет»** обретает лишь в процессе действительного его самодвижения как единство бесконечного числа его определенностей и моментов, которые и придают ему состояние **конкретной всеобщности** (в приведенном примере – состояние молодой красивой женщины).

Исходя из вышеизложенных принципов (требований), сформулирую определение предмета политической экономики

как составной части теоретической экономики *на данном этапе* исследования: **предметом политической экономики как науки является система производственных отношений** (причем понимаемых традиционно, т.е. узко, в смысле того, что наряду с ними есть какие-то другие отношения, выходящие якобы за их рамки и не носящие производственный характер). Таким образом, **пока** обосновывается именно «ограничительная версия» предмета политической экономики, согласно которой только и только производственные отношения выступают подлинным предметом политической экономики и ничто другое. Но такое утверждение обосновывается и принимается, в контексте нескончаемой дискуссии «ограничительной» и «расширительной» версий, идущей вот уже в течение последнего столетия (хотя родоначальником расширительной версии является сам Ксенофонт), чтобы показать **исходную методологическую порочность всякой «расширительной версии» определения предмета, точнее, «предмета-дефиниции» любой отдельной научной дисциплины путем нарушения вышеуказанных «принципов предметной определенности науки»**. «На данном этапе исследования» потому, что в последующем попытаюсь критически преодолеть саму «ограничительную версию», пересмотрев ее и обосновав новую концепцию – **концепцию «сужающегося предмета-дефиниции»** теоретической экономики вообще, в частности политической экономики и ее превращения в **«социальную экономию» (социоэкономию)** со специфическим предметом своего исследования, исходя из многовековой динамики и вектора развития системы экономических наук вообще, теоретико-экономической науки в частности с учетом современных реалий и обозримых перспектив.

А пока же данные исследования и рассуждения проходят в рамках **дилеммы** «ограничительной» или «расширительной» концепций, чтобы подвести многовековой спор к некоторому однозначному гносеологическому, методологическому и содержательному **постулату**. А впрочем, может быть, и нет указанной дилеммы, т.е. верны и «ограничительная», и

«расширительная» концепции? Иначе говоря, обоснование «ограничительной версии» предмета политэкономии как науки означает ли неперспективность **всякой иной** «расширительной версии»? Ответы на эти вопросы опять-таки мы можем получить с помощью общей теории предмета науки, которые изложены в следующей рубрике.

2.3. Теоретико-методологическое обоснование «расширительной концепции» предмета-оригинала теоретической экономики

Ранее (2.2) были раскрыты, насколько это было возможно, гносеологические и методологические корни «расширительной версии» определения предмета теоретической экономики как науки главным образом на примере таких ее дисциплин, как политическая экономия, экономикс. И была обоснована его **«ограничительная версия»**, но применительно к **«предмету-дефиниции»**. Но вместе с тем я исхожу из того, что обоснование «ограничительной версии» предмета политэкономии как науки не означает неперспективность **всякой иной** «расширительной версии». Теперь же попытаюсь обосновать **«расширительную» концепцию** предмета, но не «предмета-дефиниции», а **«предмета-оригинала»** теоретической экономики с помощью опять-таки той же общей теории предмета науки.

Проведенное ранее разграничение в общей теории предмета науки «определения предмета науки» – **«предмета-дефиниции»** и «определения (точнее, раскрытия) реального содержания предмета» – **«предмета-оригинала»** позволяет, как мне думается, методологически корректно объяснять факты «расширения» предмета теоретической экономики (а в ее рамках политической экономии, экономикса, общей экономики), которые имеют место в действительности. Однако следует предварительно выяснить и однозначно уточнить, **к чему конкретно** относится это «расширение», т.е. **к какому аспекту единого предмета** оно относится? К сожалению, в литературе этот вопрос не уточняется и отсюда весь сыр-бор.

Дело в том, что критика «расширительной трактовки» предмета теоретической экономики имеет четко очерченную границу, за пределами которой она приобретает черты бесплодности и ненаучности. А потому нельзя представить дело так, будто бы предмет теоретической экономики (да и всякой другой науки) вовсе не подвержен никакому изменению – «сужению» или «расширению». Важным методологическим условием выяснения этого вопроса является разграничение **двойственной природы предмета любой, в том числе и рассматриваемой, науки – статической и динамической.**

Статичность относится к самому определению предмета теоретической экономики, взятой как наука, т.е. к ее «**предмету-дефиниции**» (хотя бы в пределах значительного временного отрезка), а **динамичность** – к ее реальному предмету, т.е. к **предмету-оригиналу**, существующему, функционирующему и развертывающемуся в реальной действительности.

Вместе с тем «статичность» самого определения предмета теоретической экономики как науки **относительна** и есть, в свою очередь, результат генезиса и эволюции как самого предмета-оригинала, так и взглядов и представлений (дефиниций) на ее предмет, т.е. предмет-дефиницию. Ведь определение предмета политической экономики как науки – система производственных отношений – установилось лишь на довольно высоком уровне развития как общественной реальности, так и самой науки, т.е. в ходе длительного исторического процесса развития человеческого общества и познавательной деятельности субъектов науки. Так, например, как было сказано ранее, **древние греки** представляли предметом науки экономики сферу (отношения) потребления, **меркантилисты** – сферу (отношения) обмена, **классическая буржуазная политическая экономия** – сферу (отношения) распределения и только **марксистская политическая экономия** наконец объявила систему производственных отношений (как единство производства, распределения, обмена и потребления) подлинным предметом данной научной дисциплины.

Таким образом, в процессе длительного динамического развития как самой экономической реальности, так и экономической науки в целом и политической экономии в частности и установилось более или менее **«статичное»** определение ее предмета как науки. Этим обстоятельством и объясняется **относительная устойчивость предмета-дефиниции, т.е. определения предмета политэкономии как науки** – науки о производственных отношениях за более или менее длительный исторический отрезок времени. И это определение предмета политической экономии как науки не может быть подвергнуто **каждый раз** «изменению», «подправлению», «расширению», «модернизации», «трансформации» и т. д. без **существенных, необходимых и достаточных** на это причин и оснований, тем более путем простого «добавления» в нее других элементов общей дисциплинарной модели науки, о чем речь шла в предыдущем параграфе. Иначе это будет уже не политическая экономия, а какая-то другая наука. Ведь качественно **иное** определение **предмета** науки, как правило, предполагает изменение **названия** самой науки или же возникновение **новой** науки.

Как верно отметил Д.Ю.Цивадзе, «попытки создать новую науку могут быть успешными тогда, когда наука находит **свой предмет, отличный** от предмета старых наук, в рамках которых он не может достаточно полно исследоваться. Кроме того, предмет должен иметь свою **специфику**, которая характеризовала бы наиболее существенные его свойства, и обладать внутренней однородностью».1 В то же время нельзя отрицать **динамичность предмета-оригинала** любой науки, именно **его** изменения, **«расширения»**, развития.2 В этом,

1 Цивадзе Д.Ю. Развитие экономических функций Советского государства. –М.: Юридическая литература, 1970. –С.128. (Подчеркнуто мной. –У.А.).

2 Демичев В.А. справедливо указывает, что "предмет науки, в сущности, в своей **качественной определенности** неизменен, хотя этот предмет, его **содержание и границы** в ходе развития науки и переосмысливаются, уточняются и т.д. Но изменяется не сам предмет (определение предмета науки, которое остается неизменным за довольно длительный исторический отрезок времени. –У.А.), а **понимание этого предмета, т.е. понимание содержания этого предмета** (предмета-оригинала У.А.)". См.: Проблемы развития системы категорий марксистской философии. –Челябинск, 1979. –С.24. (Выделено мной. –У.А.).

очевидно, мало кто сомневался, однако смешение рассматриваемых двух аспектов общей теории предмета науки – **предмета-оригинала** и **предмета-дефиниции** – уже успело «натворить» много шума и «копьемеланий» вокруг определения предмета науки – **«предмета-дефиниции»** политекономии в его «расширяющемся» варианте.

Когда речь идет о «расширении» **реального** предмета теоретической экономии – **содержания «предмета-оригинала»**, следует обязательно выяснить, **за счет чего** происходит это динамическое «расширение» в каждом данном случае. По моему мнению, источники и факторы расширения реального предмета можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, данное «расширение» осуществляется за счет качественного изменения **реального содержания самого предмета** в переломные эпохи смены одного типа (системы) производственных (точнее, экономических) отношений другим, ибо каждая последующая система производственных отношений по сравнению с предыдущей не только разнотипна, но и неизмеримо «богаче», содержательнее, многограннее, сложнее. Это связано с тем, что качественный переход к иному типу производственных (экономических) отношений происходит путем диалектического отрицания старого, т.е. путем выявления, удержания и приумножения положительного и приобретения все более нового, прогрессивного (иногда и регрессивного) и неизведанного. Пример тому – нынешний широкомасштабный системный переход от централизованно-плановой экономической системы к либерально-рыночной в постсоциалистических, постсоветских странах.

Во-вторых, «расширение» реального предмета происходит за счет вовлечения в орбиту теоретико-экономических исследований все **новых объектов**, в которых теоретическая экономия «ищет» и исследует свой предмет. Так, если традиционно политическая экономия имела дело с таким объектом, как **материальное производство**, и не всегда находила время и возможность анализировать специально другие объекты, то в последние годы в орбиту теоретико-

экономических исследований все шире стали входить **нематериальное производство**, в том числе и объекты духовного производства, наноэкономика (хозяйство индивида), миниэкономика (хозяйств во семьи), микро-, мезо-, макрорегиональная экономика, метаэко-номика (космическая экономика), этноэкономика, экономика переходных обществ и многие другие «новые» объекты, в том числе институциональные структуры.

Здесь методологически корректно исходить из следующего положения К. Маркса о том, что «...связь политической экономии с государством, правом, моралью, гражданской жизнью и т.д. затрагивается лишь постольку, поскольку этих предметов ex professo (**специально**) касается сама политическая экономия».1 В другом месте Ф. Энгельс подчеркивал: «...при разумном строе... духовный элемент, конечно, будет принадлежать к числу элементов производства и найдет свое место среди издержек производства и в политической экономии».2 Это наглядно подтверждается на примере развитых стран мира, теоретически отражаемых институционализмом (неоинституционализмом, новым институционализмом), представителями поведенческой, экспериментальной, эволюционной (генетической) экономии. Отсюда вытекает, что множество явлений и процессов, еще не рассматриваемых должным образом теоретической экономикой на вполне «законных» основаниях, могут и будут занимать свое место в ней, но, еще раз повторю, не в качестве ее собственного предмета, а в качестве **объекта**, который изучается ею всецело под углом зрения своей собственной **предметной специфики**, а не вообще.

В-третьих, «расширение» реального предмета теоретической экономии происходит также за счет обогащения его же собственного содержания путем вовлечения все более **новых субъектов** производственных (экономических) отношений (экономических субъектов, например, формирующихся у нас

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.42. –С.43.

2 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.1. –С.555.

субъектов рыночной структуры и инфраструктуры), их интересов и противоречий, т.е. за счет более углубленного и широкого изучения реальной структуры как каждого отдельно взятого экономического отношения (старого и нового), так и их системы во времени и пространстве.

Дело в том, что теоретическая экономия пока еще очень скромно, к тому же в большей части абстрактно, изучает субъекты производственных (экономических) отношений; недостаточно разработаны критерии их классификации, их интересов, что подвергается справедливой критике в том смысле, что мы порой изучаем и даже «развиваем»... «бессубъектные», «безинтересовые», «беспротиворечивые» производственные (экономические) отношения.¹

В-четвертых, предмет теоретической экономики как реальность может «расширяться» и за счет ее **метода**. С развитием теоретической экономики как науки, с одной стороны, и усилением интеграционных процессов как в экономической, так и других системах наук – социогуманитарного, естественно-научного и технического циклов происходит **взаимопроникновение** методов различных наук друг в друга. Меняются и стиль, и образ мышления, создаются также условия и инструментарии для формирования и использования так называемых **междисциплинарных, межнаучных, даже межзнаниевых синтетическо-синергетических** подходов в исследовательском арсенале экономистов-исследователей. Все это при творческом применении не может не привести к получению все более нового и адекватного природе изучаемого объекта предметного, т.е. собственно теоретико-экономического,

¹ На этом фоне особо выделяются в положительном смысле следующие работы о субъектах экономических отношений. Бузгалин А.В. Экономических субъекты: их отражение в политической экономии и роль в хозяйственной практике // Экономические науки . – 1984. - №7; Мамедов О.Ю. Производственное отношение: политико-экономическая модель (Материалы к спецкурсу). Ростов н/Д.: Изд-во «Финикс», 1997; Экономический субъекты постсоветской России / Под ред. Р.М. Нуреева. Изд. 2-е. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2003; Булганина С.Н. «Экономический субъект» как категория: эволюция взглядов // Теоретическая экономика: прошлое, настоящее, будущее: Материалы международной научной конференции. Алматы: Университет «Туран», 2006. – 287–294 с.

знания, что равносильно **расширению** самого ее предмета-оригинала и его понимания, но опять-таки не определения предмета теоретической экономики как науки.

В-пятых, предмет-оригинал теоретической экономики «расширяется» за счет раскрытия все более **новых его структур**. Например, в связи с переходом к рыночной экономике весьма актуальными становятся исследования специфики и диалектики экономических отношений как в **старых** экономических структурах (бывшего СССР) **в свете нового**, так и самих **новых** структур через призму «**прошлое – настоящее – будущее**». При этом ориентация на становление и развитие рыночных структур и инфраструктур не может не привести к значительным сдвигам как в содержании, так и в формах выражения и проявления экономических отношений как во внутригосударственном, так и в мирохозяйственном аспектах, что говорит в пользу объективности своеобразного «расширения» предмета теоретической экономики, но рассматриваемого как реальность, как процесс, а не как определение ее предмета как науки.

В-шестых, «расширение» реального предмета теоретической экономики осуществляется и за счет все новых и новых научных и практических **проблем, проблемных областей и проблемных ситуаций**, решением которых она и занимается. Это такие относительно новые проблемы, как проблемы диалектических противоречий в экономической жизни общества в условиях перехода в одном случае к «дикому рынку», а в другом случае полилектических едино(обще)речий в перспективе к социализированному рынку; разработка механизма экономической реализации различных типов, форм и видов собственности, эффективная реализация, с одной стороны, экономических интересов и обеспечение экономической безопасности суверенных республик-государств в целом и с другой – административно-территориальных образований внутри государства, связанных регионализацией, в одном случае, а в другом – реализации тех же интересов отдельного государства, с одной стороны, и с другой – формирование общего экономического пространства между рядом стран СНГ:

национального, макрорегионального таможенного союза и единого (напр., ЕАЭС) и общемирового, связанного с глобализацией; усиление (даже господство) отчужденного бытия и отчужденного сознания при переходе по сути к варварскому рынку, с одной стороны, и необходимость преодоления состояния всеобщего отчуждения – с другой и т.д. и т.п. Наличие и «размножение» подобных проблем, в том числе «проблем-дезидератов», и их решение не могут не расширять и углублять **реальное содержание** предмета теоретической экономики и раскрывать все его новые грани, аспекты, стороны, но не самого определения ее предмета как науки.

В-седьмых, предмет теоретической экономики как реальность «расширяется» и за счет **обогащения самой системы функций**, выполняемых этой наукой. Предметное содержание теоретической экономики реализуется на деле через ее системы функций и подфункций, каждая из которых неодинаково осуществляется на различных этапах всемирной истории и каждой страны, а также самой этой науки. Так, в последнее время в связи с необходимостью теоретического осмысления новых экономических реалий и разработки эффективного механизма функционирования и развития новых структур и субструктур на передний план выдвигаются как гносеологическая (познавательная), так и аксиологическая (оценочная) функции теоретической экономики, что ведет, в известной мере, к обогащению и расширению самого предметного содержания данной науки. Кроме того, использование теоретико-экономического знания в прикладных целях, безусловно, требует его конкретизации и соответствующего «приспособления» к практическим нуждам и потребностям социума различного масштаба и уровней.

И, наконец, в-восьмых, «расширение» предмета-оригинала получает выражение также в новых **научных результатах** – «продуктах» теоретико-экономических исследований: гипотезах, теориях, концепциях, законах, формулах, «эффектах», программах, моделях, проектах, рекомендациях и т.д., получаемых в ходе эффективной реализации всей системы

функций, выполняемых данной наукой, которые служат одновременно «сырьем» для нового витка исследовательской деятельности субъектов теоретической экономики.

Таким образом, в действительности имеется **ряд потенциальных и актуальных источников и факторов «расширения» предмета-оригинала** теоретической экономики, необходимость его соответствующего логико-методологического отражения в системе категорий и законов данной науки. Однако расширение реального предмета ни в коей мере не поколеблет «до поры до времени» самого **сущностного определения предмета теоретической экономики как научной дисциплины**, каковым является система производственных отношений (на данном этапе исследования).

Следует обратить внимание на тот важный научный факт, что методологический ключ к вопросу о том, **каким образом и в какой мере** в предмет политической экономики (но не в определение предмета политэкономики как науки – предмет-дефиницию, а в предмет-оригинал) входит все то, что лежит вне собственно производственных отношений (рассматриваемых пока, повторяю, в традиционном смысле), находим у того же К.Маркса. Применительно к **потребительной стоимости** он отмечал, что она с **вещественной** стороны лежит **за пределами** политической экономики. В нашей концепции потребительная стоимость «с вещественной стороны» выступает лишь **объектом** политической экономики и **предметом товароведения**. Но в то же время потребительная стоимость со своей **общественной формой** попадает в сферу («в сферу» означает здесь предмет-оригинал науки как реальность) политической экономики, «когда она видоизменяется современными производственными отношениями или со своей стороны влияет на них, видоизменяя их». Кроме того, в потребительной стоимости как заранее данной предпосылке вещественного базиса товара уже «представлено определенное экономическое отношение»,¹ экономическое отношение, «воплощенное» в таком свойстве потребительной стоимости товара, как «полезность», которая, в свою очередь, в

1 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.25. –Ч.II. –С.393.

единстве со стоимостью (издержками) образует **ценность** товара.

Данное положение К.Маркса имеет исключительно важное методологическое значение при выяснении вопроса, входят ли в предмет политической экономии, скажем, производительные силы, духовные отношения или другие элементы (процессы, вещи, явления), а если входят, то каким образом и в какой мере? Сделаем **ОБЩИЙ ВЫВОД: любые объекты, процессы, явления, вещи, отношения материального, духовного и идеального типа входят «в сферу» политической экономии (или в ее предмет, рассматриваемый как реальность, предмет-оригинал) трояким образом: во-первых**, это особо важно, в той мере, в какой в них «представлено определенное экономическое отношение»; **во-вторых**, в той мере, в какой они «видоизменяются современными производственными отношениями», т.е. функционирование и развитие производственных отношений приводит, как следствие, к изменению и развитию производительных сил и других элементов социальных отношений; **в-третьих**, в той мере, в какой они (последние) «со своей стороны влияют на них», т.е. на производственные отношения, видоизменяя их. Но поскольку в принципе, никто из методологически нормально мыслящих политэкономов не сомневается в наличии перечисленных моментов во взаимовлиянии производственных отношений и производительных сил, постольку сами по себе, надо полагать, отпадут призывы изучать их «в связи», «в тесной связи», «во взаимосвязи», и особенно призывы «на равных правах» включить их в определение предмета политической экономии как науки.

Итак, если ранее были рассмотрены онтологические основы и гносеологические корни ошибочной «расширительной версии» определения предмета теоретической экономии как науки, раскрыты методологические изъяны данной концепции, правомерность и истинность так называемой **«ограничительной версии» предмета-дефиниции**, то здесь доказывается, насколько это удалось, правомерность и **«расширительной**

версии», но уже применительно к **предмету-оригиналу** рассматриваемой науки.

В заключении подчеркну: не следует путать явно разные формулы – **«расширительная концепция предмета-оригинала»** и **«ограничительная концепция предмета-дефиниции»** науки теоретической экономики.

В то же время и «ограничительная концепция предмета-дефиниции» небызупречна и она применительно к теоретической экономике вообще и политической экономике в частности в данном исследовании скоро уступит место **«сужающейся концепции» предмета-дефиниции** этих наук.

2.4. Теоретико-методологическое обоснование «сужающейся концепции» предмета-дефиниции теоретической экономики

Предыдущий анализ теории предмета науки позволяет сделать несколько выводов, способствующих обоснованию «сужающейся концепции» предмета-дефиниции теоретической экономики. **Во-первых**, в истории любой науки может иметь место факт «расширяющегося реального предмета» (предмета-оригинала), который является результатом такого естественного и закономерного процесса, как **интеграция** однородных (а иногда даже разнородных) классов, групп наук, имеющая двойное следствие: в одном случае «расширяющийся предмет-оригинал» ведет к формированию и формулированию новой интегративной науки с новым названием и новым «расширенным предметом-дефиниции», а в другом – к уточнению в сторону «расширения» предмета-дефиниции ранее существовавшей научной дисциплины, которая до этого времени придерживалась «ограничительной концепции» своей предметной определенности. Тут диалектика двух сторон единого предмета такова, что «расширение» реального предмета (предмета-оригинала) без формирования новой интегративной науки с «расширенным» предметом-дефиницией или же без «расширения» предмета-дефиниции ранее существовавшей науки, хотя со старым ее названием,

методологически некорректно, а практически неоправданно. Это породит лишь сумятицу и беспорядок в системе наук и научной деятельности.

Во-вторых, в истории любой науки имеет место и факт «сужающегося реального предмета» (предмета-оригинала), который является результатом другого естественного и закономерного процесса – **дифференциации** наук, т.е. появления новой, более узкой области знания и соответственно ей новой дифференцированной науки с ее новым названием и «суженным» предметом исследования (предметом-дефиницией). А иногда такое новое, «суженное» понимание предмета-дефиниции может быть отнесено к ранее функционирующей науке со старым ее названием. В этом случае происходит уточнение предметной определенности этой «старой» науки в сторону «сужения» ее предмета-дефиниции. Отсюда и «сужение» предмета науки, как и ее «расширение», не может не трансформировать «старую», прежнюю науку в относительно «новую», хотя и родственную со «старой» науку с **новым** предметом своего исследования.

Здесь нас ожидает одна гносеологическая опасность. Дело в том, что дифференциация науки связана с нарастающим расчленением единого объекта познания на все большее количество частных элементов, выделением все новых и новых, все более и более дискретных (дробных) объектов – «субобъектов». С одной стороны, конечно, это ведет к более глубокому раскрытию **сущности, структуры и закономерностей** этих «мелких», частных объектов. Но, с другой стороны, возникает опасность «не видеть за деревьями лес», ибо наука в этом случае выступает как источник узкого знания, несущий все увеличивающееся количество информации об асимптотически **сужающемся предмете**. Не приведет ли это постепенно к утрате смысла изучения и познания данного предмета?

Итак, и тут опасность уйти в «дурную» бесконечность. Видимо, при рассматриваемых двух случаях важно не терять и **«меру расширения»**, и **«меру сужения»** предмета науки.

Другими словами, и «сужение», и «расширение» предмета науки имеют свои «естественные пределы», за которыми наступает превращение количества в новое качество. Именно такую ситуацию сегодня переживает классическая политэкономия. Раньше (2.1) мы разобрались с первого рода опасностью, связанной с беспредельным «расширением» ее предмета-дефиниции, и было дано методологическое обоснование ее «ограничительной концепции» (2.2), а теперь же попытаемся разобраться более подробно с концепцией «сужения» предмета теоретической экономики в целом и политической экономики как составной ее части.

Ранее (2.2) были раскрыты методологические корни «расширительной версии» предмета политической экономики и обоснована «ограничительная концепция» ее **предметной определенности** (предмета-дефиниции), каковой являются **производственные отношения**. Данное определение традиционно рассматривалось как «узкое», «ограничительное» толкование предмета политэкономии по сравнению с рассмотренным ранее «расширительным» его толкованием. И я **временно** придерживался данной концепции в противовес «расширительной версии» лишь потому, что этим самым хотел подвести длительный спор по данному вопросу к некоторому однозначному гносеологическому, методологическому и содержательному знаменателю, наглядно показав принципиальную методологическую ошибочность всякой «расширительной концепции» **предмета-дефиниции** теоретической экономики. Но теперь же буду доказывать, насколько это возможно, что данное «ограничительное», «узкое определение» само выступает уже весьма «расширенным» толкованием предмета политэкономии в новых исторических (онтологических и гносеологических) условиях. И оно, в свою очередь, должно быть подвергнуто критическому переосмыслению и преодолению, исходя из вышеизложенной во II главе работы **интегративно-инвариантной структуры общественного производства** и места в ней собственно **экономической системы**.

Из теории и общей, интегративно-инвариантной структуры общественного производства вытекает следующее: вопреки традиционному представлению, согласно которому «наряду» с производственными отношениями имеются якобы и **непроизводственные** отношения, **производственное отношение** как **«родовое»** отношение является субстанционально-сущностной формой выражения, **производительной силы человека**. В свою очередь, это «родовое» отношение получает сущностные формы выражения (сущность второго порядка) в таких **«видовых»** производственных отношениях как материально-**производственные**, родо-**производственные**, духовно-**производственные**, а потому **нет и не может быть каких-либо непроизводственных отношений**.

Тут сразу возникают вопросы: можно ли производственное отношение, представляющее собой «родовое», «сущностное» отношение человека к внешнему миру, в целом считать **предметом** исследования только и только **политической экономики**, современной теоретической экономики, и если «да», то можно ли определение предмета политэкономии (теоретической экономики) производственными отношениями считать «узким», «ограничительным», как это принято традиционно? Ведь производственное отношение как «родовое» отношение включает в себя **всю** систему «видовых» и «особенных» производственных отношений людей без исключения.

Мой ответ таков: производственное отношение в вышеуказанном своем качестве не может быть предметом теоретической экономики, а может быть лишь ее **объектом** исследования. Тогда возникает другой вопрос: есть ли какая-либо другая **наука**, для которой **производственное отношение** как **сущностно-родовое** отношение людей со своими основными формами выражения могло бы быть подлинным, собственным **предметом** исследования? Да, есть такая наука, и этой наукой является **социология**, вернее, **общая** или **теоретическая социология**.

Придерживаясь представлений основоположников общей социологии как науки, а именно: О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Ж. Гурвича, П. Сорокина и многих других современных социологов, которые так или иначе «общую социологию» считали наукой **об обществе в целом**, надо внести некоторые уточнения в объектно-предметную область этой науки для отмежевания ее от политической экономики. Из нового, **«сущностно-родового»** статуса производственного отношения, а также из положения о невозможности и отсутствии каких-либо «непроизводственных» отношений можно сделать вывод: **объектом** исследования «общей (теоретической) социологии» выступает **общественное производство** в целом, а непосредственным, подлинным ее **предметом** – не что иное, как **производственное отношение** человека как «сущностно-родовое» отношение людей к внешнему миру, между собой и к самому себе.

Таким образом, производственное(ые) отношение(ия), ранее считавшееся предметом лишь политической экономии, теперь «убегает» от нее, принимает другой, более общий, более абстрактный, более сущностный, «родовой» статус, став предметом более общей, чем теоретическая экономия, гуманитарной науки – **общей или теоретической социологии**. В основе такого нового представления лежит в одном случае замена традиционно «узкого», «ограничительного» понимания категории «производственное(ые) отношение(ия)», которая корреспондировалась с категорией «непроизводственные (надстро-ечные) отношения», «широким», «расширительным», «сущностно-родовым» толкованием природы и содержания самой этой категории, а в другом – замена формулы «производственные отношения – непроизводственные отношения» формулой **«производственное отношение – производственные отношения»** по принципу «род – вид – особь», т.е. в связке «всеобщее – общее – особенное – единичное» тех же производственных отношений (в силу

отсутствия **непроизводственных** отношений вообще). Отсюда сделаю промежуточный, но важный вывод: представителям теоретической экономики и тем более политической экономики следует «забыть» о производственных отношениях как таковых в качестве **предмета** своих наук (и предмета своих исследований), но ни в коем случае не забывать о них в качестве **общего объекта** исследования, который остается таковым для всей системы гуманитарных наук. Тут возникает следующий вопрос: что же тогда является собственным **предметом** исследования теоретической экономики как науки, т.е. ее предметом-дефиницией? Дальнейшая логика рассуждения такова.

«Производственное отношение» – категория **всеобщая**, которая имеет несколько (точнее, три) **общих** форм выражений, как неоднократно об этом было сказано ранее: «материально-производственные отношения», которые имеют свое собственное название – «**экономические отношения**», поскольку они связаны с производством материальных (экономических) благ и услуг. «Экономические (материально-производственные) отношения» в качестве «видовых» отношений выступают **общей** категорией как относительно к «производственному отношению», являющемуся «всеобщей» категорией, так и относительно к другим «особенным» и «единичным» экономическим отношениям, которые, в свою очередь, относительно этой общей категории (экономических отношений) выступают как более **частные** категории.

Так вот, именно эти **экономические отношения людей** в системе, т.е. во всем их многообразии и диалектике общих, особенных и единичных форм выражения, но взятых, это следует особо подчеркнуть, в наиболее абстрактном, теоретико-методологическо-концептуальном аспекте их исследования, фиксации и формулирования, выступают подлинным, единственным, непосредственным, собственным **предметом теоретической экономики** как науки и научной дисциплины. Тогда как

реальная экономическая система во всем ее многообразии функционирования выступает непосредственным **объектом** ее исследования. Отсюда окончательная формулировка предметной определенности теоретической экономики как науки, т.е. ее «предмет-дефиниция» выглядит следующим образом:
предметом исследования теоретической экономики является система экономических отношений людей.

Здесь напрашивается несколько уточняющих пояснений.
Первое. Нельзя отождествлять, смешивать тем более противопоставлять категории «производственное отношение» и «экономические отношения»; диалектика их такова: они соотносятся как «сущность первого порядка – сущность второго порядка», «сущность – существование», «абстрактное – конкретное» по принципу «род – вид». **Второе.** «Экономические (материально-производственные) отношения» корреспондируется с понятиями «биородовые (родо-производственные) отношения» и «духовные (духовно-производственные) отношения»; они суть однопорядковые категории. **Третье.** «Экономические отношения» как категорию нельзя также отождествлять, смешивать и в то же время противопоставлять с их «особенными» и «единичными» формами выражения (например, такими «особенными» отношениями, как социально-экономические или организационно-экономические отношения, которые, в свою очередь, состоят из множества «единичных» экономических отношений – отношений кооперации, специализации, диверсификации или распределения, обмена, и т.д.).

Освоение «живой» диалектики вышеуказанных понятий и категорий имеет весьма важное значение не только в сугубо теоретико-концептуальных и системно-структурных построениях теоретико-экономического знания, но и в функционально-прикладных целях использования полученного научного знания в

различных сферах человеческой деятельности: хозяйственной, образовательной, управленческой, собственно научной и т.д.

Итак, на основании того факта, что «экономические отношения» есть момент, одна из сущностных форм выражения «производственного отношения» как «родового» отношения и в этом своем качестве «конкретнее», «частнее», «ограниченнее», «уже», чем производственное отношение как таковое, объективно формируется и формулируется подлинно **«ограничительная версия»** предметной определенности теоретической экономики, поскольку отныне ее собственным предметом объявляются именно эти экономические, а не производственные отношения. Далее, инвариантно-интегративная структура **экономической системы** как таковой включает в себя **девять** различных «особенных» экономических отношений, в том числе «социально-экономические отношения», основное содержание которых составляют отношения **собственности**. Эти «социально-экономические отношения» (неверно отождествляемые с «производственными отношениями») традиционно составляли предметную определенность политической экономики, а теперь (и в будущем), по моему мнению, составляют «предметное ядро» ее преемницы – **социальной экономики**.

Таким образом, если учесть, что, во-первых, социальная экономика (политическая экономика) есть составная часть теоретической экономики и, во-вторых, ее предмет – «социально-экономические отношения» еще более «уже», «частнее», «конкретнее» «экономических отношений» как таковых и тем более «производственных отношений», то становится реальным и закономерным формирование **«сужающейся концепции»** предметной определенности политической экономики в виде современной социальной экономики (и в целом теоретической экономики), т.е. ее предмета-дефиниции. В целях четкости изложения и большей ясности основные выводы авторской

позиции по существующей и разрабатываемой им концепции предмета теоретической экономики в различных ее формах выражения – в виде «расширительной», «ограничительной» и «сужающейся» концепций считаем нужным дать их наглядно путем сопоставления **двух** подходов (парадигм): **традиционного** и **авторского** (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика предметной определенности теоретической экономики

№	Традиционный подход	Авторский подход
1	2	3
1.	«Общественное производство» отождествляется с «материальным производством»	1. «Общественное производство» включает в себя три сферы: материальное производство, биородовое производство, духовное производство
2.	«Производственные отношения» – часть «общественных отношений»; наряду с производственными отношениями есть якобы непроизводственные (т.н. надстроечные) отношения	2. Производственные отношения суть общественные отношения, они идентичны; нет каких-либо непроизводственных отношений
3.	«Производственные отношения» и «социально-экономические отношения» идентичны	3. «Производственное отношение» и «социально-экономические отношения» не идентичны: они соотносятся как «род – особь», т.е. «родовое

№	Традиционный подход	Авторский подход
1	2	3
		отношение – особенное отношение»
4.	<p>Производственные отношения «уже», «ограниченнее» экономических отношений; наряду с производственными отношениями, понимаемыми как исключительно социально-экономические отношения, имеются также организационно-экономические и технико-экономические отношения, именуемые в единстве как «экономические отношения», которые «шире» производственных отношений</p>	<p>4. Производственное отношение как «родовое» отношение «сущностнее», «общее», «шире» экономических отношений как «видовых» отношений, в рамках последних «организационно-экономические», «технико-экономические» и «социально-экономические» отношения выступают в качестве «особенных» отношений</p>
5.	<p>Производственные отношения – предмет политической экономии; это субъективно, т.е. с позиции традиционалистов есть якобы «ограничительная концепция» предметной определенности политической экономии</p>	<p>5. Производственное отношение как «родовое» отношение – предмет не политэкономии, а «общей социологии» как науки об общественном производстве в целом, как единства биородовой, экономической и духовной сфер. Концепция, согласно которой производственные отношения являются предметом политэкономии, есть объективно «расширительная концепция» ее</p>

№	Традиционный подход	Авторский подход
1	2	3
		предметной определенности, поскольку производственное отношение как таковое есть предмет другой, более «широкой» науки – общей социологии
6.	Экономические отношения людей в их системе на сегодняшний день не являются собственным предметом какой-либо отдельно взятой экономической научной дисциплины; еще не определена научная дисциплина, для которой система экономических отношений выступала бы подлинным ее предметом	6. Система экономических отношений людей выступает непосредственным, собственным предметом «теоретической экономики» как формирующейся синтетической общетеоретической научной дисциплины. Это и есть подлинная «ограничительная концепция» предметной определенности теоретической экономики, так как «экономические отношения» «уже», «частнее», «конкретнее» «производственного отношения» как такового
7.	Предметом политэкономии являются производственные отношения (отождествляемые с социально-экономическими отношениями)	7. Предметом политэкономии являются не производственные отношения, а «социально-экономические отношения», выступающие «особенными» отношениями относительно к «производственному отношению» и «видовыми» отноше-

№	Традиционный подход	Авторский подход
1	2	3
		<p>ниями относительно к «экономическому отношению». Это и есть искомая, доказываемая автором «сужающаяся концепция» предметной определенности политической экономии, т.к. «социально-экономические отношения» «конкретнее», «частнее», «уже» и «экономических отношений», и, тем более, «производственных отношений»</p>
8.	<p>Классическая политическая экономия «исчезает», растворяясь (или сменяясь) в одном случае в «экономиксе», в другом – в так называемой «экономической теории», в третьем – в «рыночной экономике», т.к. ее предмет – производственные отношения – как категория становится «расплывчатым», «старым», «ненужным»</p>	<p>8. Классическая политэкономия как по своему духу, так и по содержанию объективно трансформируется (а не исчезает) в «социальную экономию» (социоэкономия как составную часть теоретической экономики), предметом которой выступают только социально-экономические отношения людей</p>
	Предмет «экономикса» - рациональное использование	Предмет каталлактики (экономикса) - рыночные

№	Традиционный подход	Авторский подход
1	2	3
	редких, ограниченных ресурсов 1	экономические отношения людей

Подытоживая, можно сказать следующее о выдвигаемой концепции (теории) предмета теоретической экономики. **Первое:** производственное отношение как «родовое» отношение между людьми – предмет общей или теоретической социологии. **Второе:** система экономических отношений людей как «видовое» отношение – предмет теоретической экономики. **Третье:** социально-экономические отношения как «особенные отношения» – предмет социальной экономики (как преемницы политэкономики).

Выяснив предметную определенность теоретической экономики, а именно ее «расширительную», «ограничительную» и «сужающуюся» концепции, и воздав каждой из них свое

1 По моему мнению, в реальности нет каких-либо нередких, неограниченных ресурсов: вещество, энергия (газосолнечная энергия), информация – все они носят ограниченный, не совсем доступный характер. Кроме того, все другие науки без исключения (технические, естественные, гуманитарные) также заняты «использованием редких и ограниченных ресурсов» - физических, химических, биологических, географических, политических (политика – искусство возможного), социальных, информационных, лингвистических (языковых), социологических, исторических и т.д. и т.п.. тем не менее, ни одна другая наука кроме экономикса «рациональное использование так называемых редких, ограниченных ресурсов» не выдает в качестве предмета своего исследования; оно **не есть предмет науки**, а есть либо **целевая функция**, либо **основная проблема**, либо **средство** всякой (а не только экономической) деятельности человека (и соответствующей науки), и живого, в том числе и социального организма. Отсюда «выбор» оптимального решения проблемы и путей достижения целевой функции во времени и пространстве путем лучшего, эффективного использования так называемых «редких», «ограниченных» ресурсов одинаково стоит перед любой наукой.

собственное (по принципу «богу – божье, кесарю – кесарево») можно сделать **общий вывод**: все это в дальнейшем будет служить теоретико-методологическим основанием формирования и разработки предметной структуры ряда новых или «видоизмененных» частнотеоретических экономических дисциплин, относительно самостоятельных по предметной специфике, а в первую очередь, «общей экономики», «социальной экономики», «каталлактики» (экономикс) как составные части такой синтетической научной дисциплины, как «теоретическая экономия».

И МЕТОДА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

«Мы не придумываем науку, она появляется как результат наших ощущений, наблюдений и размышлений о созданном вокруг нас и организованном для нас мире». Абай Кунанбаев

Предмет теоретической экономики – экономические отношения людей – на уровне действительности весьма многосложен, многогранен, многоаспектен, многоуровнен, т.е. очень богат внутренним содержанием, а потому он определенным образом должен быть представлен и изучен **целостно**. Но поскольку отображение и изучение предмета невозможно лишь простым перечислением и описанием его бесконечных свойств, признаков и граней, постольку и возникает вопрос о **методе** целостного исследования и воспроизведения всего богатства предметного содержания данной науки.

Осознавая важность проблемы метода, субъекты теоретической экономики чуть ли не с зарождения этой науки и особенно в XX веке в связи с выходом на авансцену наряду с классической политэкономией и экономикса (в различных его вариациях) ведут оживленные обсуждения, исследования и дискуссии по этому вопросу, результаты которых получили отражение главным образом в научных публикациях, а не в учебных изданиях. Дело в том, что при рассмотрении теоретической экономики как научной дисциплины ее метод может быть специальным предметом анализа, когда исследователя интересует собственно **методологическое** знание. Но когда речь идет о ней как учебной дисциплине, ее метод не выступает самостоятельным предметом изучения (кроме первой темы курса, где, как правило, есть вопрос о методе изучаемой науки). Это объясняется тем, что учебный курс должен давать студентам прежде всего **предметное** знание, а не методологическое как таковое. Тем не менее в данном учебном пособии специально рассмотрим диалектику

предмета и метода теоретической экономии для формирования у обучающихся целостного теоретико-экономического предметно-методного знания.

Учитывая наличие множества фундаментальных исследований по проблеме научного метода в целом, метода общественных наук, в том числе метода теоретической экономии (в частности, политической экономии, экономикса), я ограничусь сугубо специфическими рассуждениями в русле «**предмет – метод**» и/или «**метод – предмет**». Дело в том, что метод теоретической экономии сам по себе не выступает специальным предметом исследования данной работы; он «присутствует» постольку, поскольку «метод» является одним из базовых элементов общей предметной (дисциплинарной) модели науки как таковой, теоретической экономии в частности. К тому же в этом своем качестве, т.е. как одно из ключевых понятий категориального строя науки, некоторые общие характеристики метода были даны в первой главе этой работы. Поэтому здесь вопрос о методе будет рассматриваться лишь в той мере, в какой это необходимо для дальнейшего обоснования методологических принципов и подходов, позволяющих раскрыть внутреннюю природу самого предмета теоретической экономии, так как истинное «назначение» всякого научного метода состоит в том, чтобы он позволил «раскрыться», «распуститься» самому предмету во всем богатстве его имманентного содержания, структуры, функции.

Каждый подлинный исследователь при рассмотрении «научного метода» исходит, как правило, из фундаментального его определения, данного еще Гегелем, имеющего непреходящее значение для всякой науки, в том числе и для теоретической экономии: **метод** есть «осознание формы внутреннего самодвижения ее содержания».1 Отсюда метод в содержательном плане есть тот же предмет, вернее, «инобытие»

1 Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. – М.: Мысль, 1970. – С.107.

предмета, а по своей форме выступает как выражение теоретического мышления о предмете, т.е. как продукт идеального. На поверхности же явлений метод выступает способом «проникновения» в предмет, способом «раскрытия» самого предмета, способом постижения и освоения предмета субъектом, в данном случае предмета теоретической экономики. Следовательно, метод есть, как было сказано ранее, результат диалектического взаимодействия *субъекта и предмета*.

«Предметность» метода теоретической экономики характеризует его содержательность. В свою очередь, *содержательность* природы метода есть его исходная и главная черта. Это говорит о том, что исследователь, в данном случае экономист-теоретик, занятый изучением системы экономических отношений людей как своего предмета, не волен в выборе познавательных процедур, которые определяются **в конечном счете** самой спецификой исследуемого (изучаемого) предмета. Мысль о том, «*каков предмет, таков и метод*», т.е. идею о взаимоположении, взаимозависимости предмета и метода, весьма четко и наглядно высказал один из первых в истории философии и науки древнекитайский мыслитель – Мо-Цзы (V век до н.э.). Вот что он писал об этом: «Следование определенному **методу** – залог успеха в начинаниях. Мастерские всех ремесел, чтобы сделать квадрат (предмет. – У.А.), применяют угломер (метод. – У.А.), чтобы начертить круг (предмет. – У.А.), используют циркуль (метод. – У.А.), чтобы сделать прямую линию (предмет. – У.А.), используют отбойный шнур (метод. – У.А.), чтобы установить предмет вертикально (предмет. – У.А.), используют отвес (метод. – У.А.)».¹

Однако следует учесть, что «совпадение предмета и метода» науки, в том числе и теоретической экономики, – тождество не абстрактное, а конкретное, т.е. с моментом внутреннего различия. Это «различие», как мне представляется, есть отчасти результат «герменевтического эффекта» («эффекта интерпретации»), когда *значение* интерпретации, т.е. значение **метода** толкования наблюдателем, субъектом науки *не*

¹ Анатомия мудрости. 120 философов. Т.1. –Симферополь: "Реноме", 1997. –С.170.

совпадает со значением интерпретируемого, т.е. значением самого **предмета** толкования (детоната, референта). Проблема "**значений**" и "**смыслов**" терминов и понятий вообще и экономических терминов, понятий, категорий, в частности – "экономической семиотики" и в ее рамках "экономической синтактики", "экономической семантики", "экономической прагматики" – проблема особая, которая мной здесь не рассматривается; Она была рассмотрена в произведениях многих выдающихся ученых и философов¹. Отсюда вытекает другая черта метода теоретической экономии – **относительная самостоятельность** его от предмета. В этом своем качестве «метод также есть **орудие**, находящееся на субъективной стороне средство, с помощью которого оно соотносится с объектом»,² точнее, с предметом. При желании и доступности и у человека-практика метод выступает как способ не только прикладного, но и духовного освоения предмета.

Метод теоретической экономии по своему характеру функциональному назначению **активен** и **эвристичен**, так как он способствует как раздвижению границ прежнего знания, так и получению нового знания о своем предмете исследования, хотя предмет-оригинал теоретической экономии сам по себе может и не изменяться в определенном отрезке времени и пространства, т.е. находиться в некотором стационарно функционирующем его состоянии. В этом плане развитие и обогащение метода теоретической экономии идет по линии асимптотического приближения его к **предметному бытию** данной науки, которое, в принципе, неисчерпаемо само по себе, с одной стороны, а с другой – тоже не стоит на месте, изменяется, а порой развиваясь, приобретает другое системное качество, но в то же

¹ См.: Фреге Г. Шрифт понятий // Методы логических исследований. Тбилиси. 1987; Винтгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: 1958; Людвиг Винтгенштейн: человек и мыслитель. М.: Изд. группа «Прогресс», «Культура», 1993; Дженни Тейчман, Кэтрин Эванс. Философия. Руководство для начинающих. М.: «Весь мир», 1997, С. 44- 45; Евстигнеев В. Экономическая наука в поисках новой методологии // МЭиМО. – 1995. – № 7. – С.5-17; его же: Природа экономического знания // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5. – С.126-134; Петров И.Г. Материальное и нематериальное (идеальное: дух, личность, общество) // Экономическая теория на пороге XXI века. Кн.3. – М.: Юристъ, 2000. – С.115-123.

² Гегель Г.В. Ф. Наука логики. Т.3. – М.: Мысль, 1972. – С.291. (Подчеркнуто мной. – У.А.).

время выступает некоторым **пределом** для саморазвития ее метода.

Из диалектики предмета и метода теоретической экономии органически вытекает и то, что «не только результат исследования, но и ведущий к нему **путь** должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге».3 Выдающийся казахский поэт и мыслитель Абай Кунанбаев писал, что «достоинство человека определяется тем, **каким путем** он идет к цели, а не тем, достигнет ли он ее».1 Это предопределяет такую черту метода теоретической экономии, как его **истинность**, которая выражается, в свою очередь, в **адекватности** метода своему предмету. Евстигнеев В. ставит вопрос: «Что такое «адекватный метод?» Правда, он метод соотносит с «объектом», а не с предметом, т.е. имеет в виду его «адекватность объекту», «адекватное описание объекта»,2 что не совсем корректно, так как один и тот же объект может изучаться одновременно различными науками, обладающими различными методами.

Адекватность метода предмету, как нам представляется, получает выражение: в степени **доказательности** отображения методом предмета теоретической экономии – системы экономических отношений; в степени **точности** отражения предмета (объекта): **гносеологической** (точности отражения предмета, исходя из соответствующих источников, форм и условий познания), **методологической** (точности отражения предмета в соответствующих принципах, подходах, методах исследования), **логической** (точности отражения предмета в логических формах, средствах, т.е. в языках формальной, диалектической, математической логики), **метрологической**

3 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т.1. – С.7-8.

1 Абай Кунанбаев. Слова назиданий. Тридцать седьмое слово. – Алма-Ата:Жазушы,1970.– С.74.

2 Евстигнеев В. Экономическая наука в поисках новой методологии//МЭиМО.–1995.–№7.– С.5.

(точности измерения количественных соотношений различных сторон исследуемого предмета); в степени **полноты** отображения; в степени **существенности** (эссенциальности), т.е. глубины отображения предмета, и в конечном счете в степени **выраженности** сути и целевой функции предмета – системы экономических отношений (экономической системы) в социально-осязаемых результатах как «верховного» критерия истины.

Из всего сказанного вытекает главный вывод о том, что **метод так или иначе должен быть адекватен предмету исследования, характеризующему его научность**. Но, в свою очередь, степень адекватности метода предмету-оригиналу зависит не только от субъекта отражения и его способностей «отображать» предмет, но и от реальных вненаучных условий и факторов, при которых происходит сам процесс исследования и изучения данного предмета. Так, например, чрезмерное раздувание из идеологических соображений достижений бывшего СССР (наряду с другими причинами) мешало в свое время адекватному отражению в целом сложившихся реальных экономических отношений в стране (предмет), что не давало возможности проведения «планово-упреждающих» мер по предотвращению застойных, а позже и кризисных явлений.

Такая же, если не хлеще, картина сложилась и в пореформенный период (90-после годов XX столетия по настоящее время) в Казахстане и России, когда во многом ультрарыночные, мнимодемократические и квазиимиджевые идеологические установки и ценности «отцов-реформаторов» привели, к сожалению, к **тройному**, как я полагаю, «искривлению времени и пространства» (если воспользоваться известным выражением физиков-теоретиков), т.е. «экономического материала» как предмета, с которым имеют дело и субъекты, определяющие государственную экономическую политику, и субъекты теоретической экономии как науки. К сожалению, данное «искривление» есть результат линейного, одномерно-инвариантного, а не плюралистического, многообразно-вариабельного представления «экономического времени и пространства» применительно к Казахстану и России.

В первом случае речь идет о том, что реформаторы изначально не владели прежде всего, соответствующим методом теоретизации предполагаемых переходных процессов.

Под **«методом теоретизации»** я подразумеваю процесс воссоздания теоретического образа (модели) и «научной картины» предполагаемого (ожидаемого) предмета, в данном случае переходного общества, как результата преобразования прежней общественной системы на основе наличного и вновь полученного арсенала теоретических знаний о нем. Иначе говоря, метод теоретизации отвечает на вопрос **«что из себя представляет и каков должен быть преобразуемый предмет»**, т.е. искомое «переходное общество».

С этой точки зрения «зачинщики реформации» изначально должны были четко себе уяснить, о каком «переходном обществе» речь идет, что не было сделано, в результате мы имеем первый тип неадекватности метода усвоения и предмета освоения. Если брать **разнокачественность** предмета (объекта) по содержанию и/или по форме как критерий любой «переходности», то мы имеем два типа переходного общества. **Один** – результат так называемой **системной** (межформационной, межцивилизационной, междуродовой) **разнокачественности** общественных, прежде всего экономических, отношений, **второй** – результат так называемой **элементной** (внутриформационной, внутрицивилизационной, внутриродовой) **разнокачественности** общественных (экономических) отношений. Первый тип можно назвать **«междуродовым, межсистемным переходным обществом»**, а второй – **«межвидовым, внутрисистемным переходным обществом»**, каждый из которых предполагает различную «философию», теорию, методологию, концепцию и технологию переходности во времени и пространстве, по содержанию и форме. По времени второй тип переходности, как правило, занимает значительно меньший исторический отрезок времени, нежели первый. А наше же постсоветское «переходное общество» как раз и относится к первому типу –

«переход» от тоталитарно-плановой к либерально-рыночной системе как системе-антиподу, что имеем на самом деле.

Кроме того, нельзя также упускать из виду, что в рамках каждого типа переходности само переходное состояние общества как предмет-оригинал бывает **двояким**: либо на «взлете», т.е. на «восходящей линии» данного общества, либо на «излете», т.е. «нисходящей линии», каждое из которых (**«восходящее переходное общество»** или **«нисходящее переходное общество»**), в свою очередь, нуждается в различных формах, методах и технологиях преобразования. Исходя из «общей логики общего предмета», т.е. из логики общемирового развития, переходное общество постсоветских государств должно было бы быть «межсистемным **восходящим** переходным обществом». На самом же деле, исходя из «специфической логики специфического предмета», т.е. из логики его собственного реального состояния, а также из наличного метода его теоретизации и праксиологизации, мы имеем дело с «межсистемным **нисходящим** переходным обществом», развернутое рассмотрение которого не входит в задачу данной работы.

Во втором случае, исходя из первого, «реформаторы» не владели и соответствующим **методом праксиологизации** переходного общества, под которым я понимаю методы практического переложения наличных теоретико-методологических знаний (посредством выработки **собственной** «философии», концепций, моделей, программ, проектов, технологий, механизмов) на реальный процесс реформирования всего общества, и прежде всего сферы экономики. Да и сам вопрос «о методе» как таковой (**как, каким образом** осуществлять преобразования) всерьез перед ними тогда не стоял, так как во многом они были заняты, к сожалению, тем, чтобы «соревноваться» с невидимыми конкурентами на предмет «кто быстрее проведет реформу» и покорно «отрапортовать» об этом некоему «мировому судье» в лице МВФ и/или политикам типа Збигнева Бжезинского и иже подобным в погоне за эфемерным имиджем «крутых» либеральных демократов. В

результате многое было быстро, но плохо скопировано с «забугорной» практики, и казахстанское (и российское) общество в целом, если взглянуть глубже, впало в состояние некоей **аномии**, когда отсутствует четкая и непротиворечивая система регуляции поведения индивидов от «низов» до «верхов», хозяйствующих субъектов от «индивидуальных» до НК (национальных компаний), когда **прежние** нормы и ценности уже не соответствуют реальным (с одной стороны, «базарно-рыночным», а с другой – «номенклатурно-коррупцированным») отношениям, а **новые**, т.е. ожидаемые, «прогрессивные», еще не утвердились.

Другими словами, произошло «искривление» самой объективной логики и «технологии», т.е. **метода трансформации** экономики страны от одного системного качества к другому без учета сложившегося тысячелетиями и столетиями (в том числе 70-летним советским периодом) образа жизни и образа мысли целых народов, когда «шокотерапевты» (вернее «шокохирурги») подвергли экономику основательному, широкомасштабному (был вездесущ термин «обвальная приватизация»), ускоренному и безоглядному разрушению, включая все то положительное, что мы имели, прежде чем создать (им невдомек шумпетерианское «созидательное разрушение», философское понятие «снятие» – положительные разрешение противоречий и необходимые **«переходные»** формы, структуры, механизмы, не обеспечив тем самым взвешенность, последовательность, поэтапность, системность трансформационных процессов и не минимизировав, а, наоборот, максимизировав, доводя до крайности, социально-духовный, нравственно-психологический, личностно-социумный «транс-формационный дискомфорт» для подавляющей части населения страны, исходя опять-таки из вышеуказанных ложных «идейных» соображений.

Это **второй тип неадекватности** метода усвоения и освоения субъектами – идейными вдохновителями и инициаторами «реформационной» политики (среди них, кстати, есть немало кандидатов и докторов наук, профессоров и

академиков) самого предмета, метода практического его освоения – логики, закономерностей, механизмов а главное, предполагаемых результатов реформируемой (переходной) экономики как таковой, реформируемого (переходного) общества в целом, причем применительно к специфике Республики Казахстан (Российской Федерации). Надежды на то, что они в ближайшее время и обозримой перспективе овладеют нужным методом, методом, адекватным природе предмета, у автора работы нет, хотя в последнее время, как бы «задним числом» слышатся от них некоторые «умные» речи о восстановлении разрушенного отечественного производства, о призывании «к совести» зарвавшихся (с их же ведома) иностранных компаний, об импортозамещении на основе инноваций, об обуздании безмерных аппетитов отечественных нуворишей и государственных чиновников высшего эшелона, о придании легитимности возврату многомиллиардного отечественного (вернее, народного) капитала, ушедшего «за бугор», и т.д. и т.п. Но какими «методами» овладевать этим «предметом» – вопрос архисложный после всего того, что успело уже произойти и «болезнь загнали вглубь» собственными руками и недалёковидной преобразовательной политикой. Вдобавок ко всему этому «преобразователи» сложившейся системы были «революционерами» нежели «реформаторами». А ведь как говорил С. Хантингтон, «От реформаторов требуется куда большая способность овладения искусством политики нежели от революционеров». Именно поэтому мы «пожинаем плоды» от деяний революционеров, а не реформаторов.

В третьем случае сама «искривленная» экономическая реальность как объект и, соответственно, сам деформированный предмет-оригинал – «система», вернее, бессистемно-случайная совокупность экономических отношений, сложившаяся в пореформенный период, не могут не породить и «искривленно-деформированный» **метод исследования** этого же «безобразно-бесподобного» (в смысле, без образа и без подобия) экономического материала специалистами. Здесь мы сталкиваемся с весьма интересным, с позиции рассматриваемой

темы диалектики предмета и метода, научным фактом: «искривленный» метод исследования, казалось бы, соответствует самому «искривленному» предмету-оригиналу, тем самым обеспечив их «адекватность» друг другу, что подтверждается многими не самокритически (а значит, необъективно) написанными публицистическими и даже «научными» материалами, включая порой кандидатские и докторские диссертации.

На самом же деле такой метод исследования неадекватен истинному, подлинному, действительному предмету-оригиналу, на что имеет свои объективно-субъективные основания. Дело в том, что формированию подобного (неадекватного действительному предмету) метода исследования способствует во многом также отсутствие объективной (достоверной, полной, адресной) статистической, фактологической, нормативно-договорной **информации** о предмете (объекте), когда последней, в угоду интересам определенной (как правило, малой) части общества и иностранных резидентов, придают статус «тайны мадридского двора». Яркое доказательство этому – **отсутствие** за весь пореформенный период хотя бы **одного** примера элементарно нормально проведенной процедуры (механизма) приватизации сколь-нибудь крупного (даже среднего) объекта материального и нематериального производства Республики Казахстан ни в научной, ни в публицистической, ни в учебной литературе, даже ни в одном СМИ! Этот беспрецедентный факт вкуче с другими собственно научными обстоятельствами крайне усиливает и актуализирует проблему адекватности предмета и метода теоретической экономики.

Что же нужно учесть в данном случае, чтобы как-то обеспечить желаемую адекватность метода теоретической экономики ее действительному предмету? Для этого, как я считаю, необходимо учесть наличие нескольких видов социально-экономической информации, т.е. «объектов-посредников», которые, согласно **общей теории предмета науки**, выступают как «отражение», «образ», «тень», «слепок»

объекта-оригинала, в том числе и предмета-оригинала, с которыми и имеет дело теоретическая экономия, теоретики и практики. Я имею в виду следующие виды информации о предмете преобразования:

информация X, т.е. совокупность формализованной информации о состоянии предмета-оригинала, выдаваемой официальными государственными органами и хозяйствующими субъектами. Это **формальное состояние предмета (ФСР)**, в данном случае переходного общества;

информация Y, т.е. совокупность преднамеренно скрытой, завуалированной официальными органами и хозяйствующими субъектами информации (включая так называемую «теневую», конфиденциальную, секретную под грифом «ДСР» и «Государственная тайна» информацию и «ноу-хау») о состоянии предмета-оригинала. Это некоторое **субъективно скрытое (дополнительное) состояние предмета (СССР)**. (X+Y, вернее, их синтез нам дает еще не истинное, но более или менее полное, **правдивое состояние предмета (ПСР)**);

информация Z, т.е. совокупность **объективно** неучтенной (латентной) ни официальными органами государства, ни самими хозяйствующими субъектами, и до поры до времени ни субъектами науки потенциальной информации о предмете-оригинале в силу его неисчерпаемости и познавательной ограниченности самого человека науки (включая так называемые имплицитные «коллективные знания» Н.Кузанского, «личностные знания» М.Полани), которая при определенных условиях могла бы быть не только актуализированной, но и зафиксированной количественно и качественно. Это некоторое **объективно скрытое, дополнительное состояние предмета (ОССР)**.

Чисто математически (X+Y+Z дает нам, казалось бы, действительное состояние предмета. Однако это не совсем так. Адекватный природе предмета исследования научный метод должен обеспечить такое отображение предмета-оригинала, которое является результатом диалектически-синергетического

синтеза (а не суммы) X, Y, Z, причем с учетом «эффекта (или индекса) интерпретации», когда последний приближается к 1 (единице), т.е. значение и смысл интерпретируемого предмета принимаются и разделяются одинаково всеми или почти всеми без исключения интерпретируемыми. Только это в идеале дает нам подлинное, предельно адекватное самому себе **действительное состояние предмета (ДСП)**, соответствующее научное отображение которого может обеспечить лишь адекватный ему метод теоретической экономии при условии высочайшей, а может быть, и уникальной теоретико-методологическо-практико-логической компетентности самих субъектов этой науки, хотя бы в определенный исторический отрезок времени.

Таким образом, в итоге полная потеря **прежнего предмета** исследования – тоталитарно-плановой системы экономических отношений (вернее, планово-производственных связей) в пореформенный период в силу их «поголовной негодности», «переходности», хотя при отсутствии ясности, в чем их «негодность», «от чего к чему», «что и как», «зачем и почему» переходить, привела к тому, что теоретическая экономия и многие ее субъекты (не говоря уже о политиках и практиках) также потеряли объективный и научно выверенный «теоретико-методологический ориентир» в своих исследованиях, прибегая в этот период, кто осознанно, а кто нет, к самым различным методам и исследовательским процедурам, что породило этот **третий тип неадекватности** предмета и метода. При этом данный тип неадекватности, в свою очередь, имеет две противоречивые формы выражения.

Во-первых, вместо того, чтобы как-то предложить более или менее научный метод (если не правительству, которое не нуждается в научной истине, то хотя бы для «очистки научной совести») формирования необходимых, существенных и достаточных «переходных» экономических и иных отношений с учетом специфики Казахстана (и ряда других транзитных обществ), сами экономисты-исследователи (за малым исключением) попали в эйфорию от рыночных реформ (причем в «диком» их варианте), поддакивая высокопарным лозунгам и

амбициям правящей элиты, «научно» подкрепляя ее многие безумные прожекты. Здесь речь идет о неадекватности метода, избранного как субъектами науки, так и самими политиками и практиками, **потенциальному** предмету, т.е. возможному (при определенных условиях весьма реальному) варианту экономических реформ, результатом которых могли бы быть вполне предсказуемые и социально-эффективные «переходные» экономические отношения как предмет теоретической экономики.

Иначе говоря, вместо того чтобы предложить «объективно-исторический», т.е. оправданный с учетом специфики Казахстана (России), научный метод (метод теоретизации и прaksiологизации), а именно методологию социально-гуманистических концепций и преобразований, что лежит в русле классической политической экономики, экономисты-теоретики были в лучшем случае молчаливыми свидетелями того, как у нас всюду орудовала «субъективистско-властная» индивидуалистская методология экономикса в ультрарыночном ее варианте – рыночного фундаментализма в духе «первоначального накопления капитала», «шокотерапии».

Во-вторых, этот же «искривленный предмет» – деформированные экономические отношения, описываемый соответствующим ему же «искривленным методом» постижения и освоения (революции в данном случае), позволяет говорить о соблюдении, казалось бы, формальных требований адекватности метода предмету по принципу «каков привет, таков и ответ». Но при внимательном подходе это мнимая, ложная, лишь кажущаяся адекватность метода предмету. Дело в том, что именно «**переходность**» самого предмета **с одного системного качества в другое**, каковым является любое «межсистемное переходное общество», сопровождаемая так или иначе известной сложностью, неопределенностью, непредсказуемостью, требует, как ни парадоксально, использования в должной мере всего арсенала диалектичности, системности, оправданной градуальности, синергетичности, прогнозируемости метода теоретизации и прaksiологизации, а

не его крайней эклектичности, эмпиричности, бессистемности, которые, к сожалению, имели и имеют место как в нашем собственном теоретико-экономическом научном сообществе, так и в выработке государственной экономической политики и реальной практике социального преобразования.

Примечательно, что поиск отечественными политиками, руководителями государства, частью научной интеллигенции и граждан Казахстана некоторой «готовой» модели экономического развития *извне*, которую можно было бы просто «перенести к нам», есть не что иное, как неосознанная попытка использования ими такого метода освоения предмета, как **метод катастроф**, а в его рамках – **метода сальтационизма** (метода прыжков, точнее, метода кувыркания), причем такой его разновидности, как метод мгновенного, «горизонтального переноса» видо-, формо-, системообразования, делающий ставку на высокую скорость¹ переноса и отрицающий наличие **переходов** между видами (формами, системами), который стал пробивать себе дорогу в естествознании в последнюю четверть XX века. Кстати, «шокотерапия» является результатом использования именно этого метода в экономике Казахстана и России, когда очень трудно указать на какие-то ярко выраженные **«переходные»** экономические отношения, хотя всю экономику мы называем громогласно «переходной экономикой». Странная у нас получается ситуация: «переходная экономика» без «переходных» отношений, формирование которых предполагает «градуалистский» (принцип и/и, следовательно, поэтапность), а не «пунктуалистский» (принцип или/или, следовательно, одномоментность, точечность) подход. В этой связи возникает вопрос о степени корректности и выраженности в использовании различных методов: аналогии, компаративистики, флуктуации, сальтации, катастроф и неокатастроф и других² через призму

1 "Чрезмерный акцент на скорость приводит к нетерпимости, агрессивности и самонадеянности... Скорость не является главным мерилем успеха". С этим мнением Я. Корнаи нельзя не согласиться. См.: Я. Корнаи. Путь к свободной экономике – десять лет спустя // Вопросы экономики. – 2000. – № 12. – С.45.

2 С некоторыми из указанных методов исследования можно ознакомиться по: Татаринов Л.П. Сальтационизм и неокатастрофизм в современных теориях эволюции // Вестник АН СССР. – 1986. –

диалектики (адекватности – неадекватности) предмета и метода данной науки, специальное развернутое рассмотрение которого не входит в цель настоящей работы.

Таким образом, степень соответствия метода теоретической экономии своему предмету зависит: **а)** от характера, способа, уровня взаимодействия субъектов данной науки с ее предметом (внутринаучные, интернальные факторы); **б)** от вненаучных условий, при которых происходит это взаимодействие (экстернальные факторы, факторы среды).

В итоге неблагополучие со всеми тремя типами неадекватности («тройная» неадекватность) метода предмету с внутренними их разновидностями породило, по моему мнению, страстное желание некоторой, наиболее творческой части теоретической экономии выработать **«новую методологическую парадигму»**, поиск которой начался с недавнего времени в российском и отчасти в казахстанском теоретико-экономическом научном сообществе.¹

Метод теоретической экономии, как и всякой другой науки, можно подразделить (с определенной степенью условности) на **общефилософский** (общефилософская методология), **общенаучный** (общенаучная или науковедческая методология), **межнаучный** (на стеке нескольких наук), **частнонаучный** (частнонаучная методология, например,

№ 6. – С.10-22; Алиев У.Ж. Катастрофизм и сальтоционизм как методы трансформации казахстанского общества. Закономерности и перспективы трансформации общества // Материалы к V Международной Кондартьевской конференции, 19-22 октября 2004 г. Т.1. – М., 2004.

1 Экономическая теория и опыт переходных экономик (Цаголовские чтения). Под ред. В.В.Радаева, З.А.Грандберг. – М., 1997; Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX-XX вв. СПб. "Наука", 1998; Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и миротворчество. Под ред. Ю.М.Осипова, Е.С.Зотовой. – М., 2000; Алиев У.Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. – Алматы, НИЦ "Фылым", 2001; Экономическая теория на пороге XXI века. Кн.1. – СПб Петрополис, 1996, Кн.2-8.- М., "Юристь", 1998-2003; Экономическая теория в XXI веке. Кн.1 (8) – 8 (15). – М., «Экономистъ», М. – Ростов-на-Дону, 2004-2011; Экономико-философские тетради. М.:2003 – 2011; Экономическая теория марксизма и современность. Труды научного семинара. Выпуск 1. Под общей редакцией В.А. Медведева. М.: 2009; «Альтернативы». Теоретический и общественно-политический журнал. М.: 1991-2011; «Теоретическая экономика». Электронный журнал. Ярославль, ЯГТУ, 2010 – 2012.

методология экономики, методология политологии, методология истории и т.д.), **междисциплинарный** (межпредметная методология, т.е. на стыке нескольких дисциплин внутри одной науки напр., физики, биологии, экономики), **частнодисциплинарный** (частнодисциплинарная, например, собственно теоретико-экономическая методология). В основе такого деления лежат различные **уровни** общности (абстрактности) самих методов, масштабы и характер их использования в исследовании системы экономических отношений.

Не вдаваясь в детали, лишь отмечу, что результатом общефилософской методологии исследования является «логико-структурная картина» исследуемого предмета, науковедческой и межнаучной методологии – «системно-структурная картина» предмета, а частнонаучной, междисциплинарной и частнодисциплинарной методологии – «содержательно-функциональная картина» предмета.

Первая определяет **логику** построения теории, вторая и третья – **системность** построения теории, четвертая, пятая и шестая – **содержательность** самой теории. Первые три вооружают исследователя преимущественно собственно **методолого-методико-технологическим** знанием, а остальные три дают преимущественно собственно **предметное** знание. Истинное «**дисциплинарно-предметное знание**» можно получить, лишь творчески использовав все вышеуказанные различные уровни методологии по принципу **синергии**. Диалектика «**шестиуровневой**» методологии, к тому же в рамках различных «методологических парадигм», применительно к теоретической экономике – проблема особая, нуждающаяся в специальных исследованиях, а потому она здесь не рассматривается.

Тем не менее, тут возникает вопрос: какова же судьба диалектического метода (не говоря уже выдвинутого Ю.М. Осиповым «полилектического подхода»), о котором стали «забывать» даже бывшие «диалектики» на фоне экспансии в

последнее время различных научных методов исследования, главным образом, позивитизма в разных вариациях.

Ограничимся лишь следующей ремаркой: диалектическая методология, думается, была и остается мощнейшим когнитивным инструментарием как естественнонаучного, так и социального познания, вопрос только в глубоком усвоении и умелом ее применении в исследовательской работе. При этом нужно учесть следующее. Известно, что в домарксистской эпохе в общем и целом господствовал метод идеалистической диалектики, для которого исходным и центральным понятием выступает **«идеальное»** (дух, душа, трансцендентное), и направленность мышления формировалась по схеме **«идеальное – материальное»** (демиург – Бог, Абсолютная идея, дух). Это – **тезис**. В постмарксовской эпохе в общем и целом господствовал метод материалистической диалектики, для которого исходным и центральным понятием выступает **«материальное»** и направленность мышления идет по схеме **«материальное – идеальное»** (исходное, творящее – сама природа). Это **антитеза**. Будущее, очевидно, за таким типом мышления, который предполагает как бы **возврат к идеальному** как исходному понятию, но такому идеальному, которое исходит не столько из Бога или из так называемой Абсолютной идеи, а сколько из самого человека как «трансцендентального субъекта» (С. Н. Булгаков), как единственного (пока, до открытия других себеподобных миров) субъекта истории, как единственной производительной силы, обладающего свойством активности, «создающего» как мир природы, так и свой собственный мир по законам гармонии человека и природы, духа и тела, души и разума, веры и жизни, индивида и сообщества, т.е. по принципу **самогармоничности** всего мироздания. Направленность и мышления, и практически-преобразующей деятельности – **«идеальное – материальное – идеальное»**.¹ Это **синтез**. Тем более, материальность

¹ Вопрос о месте идеального в экономике разрабатывался специально М.Вебером, В.Зомбартом, С.Булгаковым. Из современников этой проблемой занимаются Ю.Осипов, А.Соболевская, К.Долгов, А.Попов, И.Петров и другие // Экономическая теория на пороге XXI века. – СПб., 1996; М., 1998, 2000.

человеческой мысли (идей) была теоретически обоснована в свое время К.Марксом и доказана экспериментальным путем впервые в 50-х годах XX столетия китайским исследователем Цзян Каньчженом.²

Вернемся к проблеме **поиска «новой методологической парадигмы»** в теоретической экономике. Одни этот поиск осуществляют, реанимируя, как они сами говорят, методологическую парадигму классической политической экономики, которая получила название **«эссенциализм»** (essence – сущность, т.е. сущностный подход). Другие же предлагают в качестве искомой парадигмы все же методологию так называемой «западной mainstream economics» («основное течение»), которую называют по-разному – позитивизм, антиэссенциализм, деэссенциализм, функционализм. При этом та и другая стороны обвиняют друг друга в «ненаучности» используемого метода. Вот два типичных противоположных мнения. «Любое упоминание о сущности (essence) экономических систем заставляет нас насторожиться... представление, что... «эссенциализм» может снабдить нас философской основой теоретизирования в социальных науках, является, бесспорно, ложным».³ Это мнение представителя современного экономикса М.Блауга.

Вот другое мнение – мнение профессора Ю.М.Осипова: «...экономикс не может в силу собственной методологической ограниченности (пределы привели-таки экономикс к пределу!) разрешить стоящие перед наукой основополагающие задачи, предлагая либо... крайне условные, математизированные дефиниции и построения, либо вообще уходя от решения фундаментальных проблем.»¹

² Цзян Каньчжен – повелитель времени // Время. – 2001. – № 9(94). – С.21.

³ Блауг М. Несложный урок экономической методологии // THESIS. Теория и история экономического и социального институтов и систем. – 1994. – Вып.4. – С.58-59.

¹ Экономическая теория на пороге XXI века. Т.1. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. – С.10.

Спрашивается, насколько оправданны эти взаимные обвинения в ненаучности методов классической политэкономии и современного экономикса? Каковы исторические, онтологические и гносеологические корни этих обвинений, да и самих методов этих двух направлений экономической науки? Попутно возникает также вопрос: можно ли считать «научным» метод так называемой «вульгарной политической экономии»? Ведь по поводу последней чуть-ли не стало догмой приписывание К.Марксу полного отказа от какой-либо научности ее метода.

Следует отметить, что эти взаимные обвинения в ненаучности методов как исторически, так и логически, как теоретически, так и праксиологически не оправданны. Кроме того, они не оправданы прежде всего методологически, если к ним подойти строго с позиции **диалектики предмета и метода**. Что же касается вопроса о научности метода «вульгарной политэкономии», смею сделать следующее утверждение: если же критерием научности любого метода признать его адекватность предмету, который он отображает, причем отображает в системе понятий и категорий, то следует дать утвердительный ответ на поставленный вопрос.

Как ни парадоксально, методологические корни этих взаимных обвинений, их неоправданность, а также утвердительный ответ на научность метода «вульгарной политэкономии», вопреки общепринятому мнению, мы находим у того же К.Маркса. Характеризуя **дуализм** метода А.Смита, он писал: «Сам Смит с большой наивностью движется в постоянном противоречии. С одной стороны, он прослеживает **внутреннюю связь** экономических категорий, или скрытую структуру буржуазной экономической системы. С другой стороны, он ставит рядом с этим связь, как она дана **видимым образом в явлениях...** Оба эти способа понимания, из которых один проникает **во внутреннюю связь** буржуазной системы, так сказать, в ее физиологию, а другой только описывает, каталогизирует, рассказывает и подводит под схематизирующие определения понятий то, что **внешне проявляется** в жизненном

процессе, в том виде, в каком оно проявляется и выступает наружу, – оба эти способа понимания у Смита не только преспокойно уживаются один подле другого, но и переплетаются друг с другом и постоянно друг другу противоречат. У Смита это имеет свое **оправдание**, так как его задача была действительно **двоякой**. С одной стороны, эта была попытка проникнуть во **внутреннюю** физиологию буржуазного общества, с другой же стороны, Смит стремился: отчасти – впервые описать проявляющиеся **внешним** образом жизненные формы этого общества, изобразить его **внешне проявляющуюся связь**, а отчасти – найти еще для этих явлений номенклатуру и соответствующие рассудочные понятия, т.е. отчасти – впервые воспроизвести их в языке и в процессе мышления. Одна работа интересует его в такой же степени, как и другая; так как обе они протекают независимо друг от друга, то здесь получается совершенно противоречивый способ представления: один взгляд более или менее **правильно** выражает **внутреннюю связь**, другой же, выступающий как столь же **правомерный** и без всякого внутреннего взаимоотношения с первым способом понимания, без всякой внутренней связи с ним, выражает **внешне проявляющуюся связь**.¹

Пусть простит меня читатель за столь большую выдержку, но она своим «мощным потоком» не только проливает свет на истоки давнишних споров об исходных постулатах (парадигмах) двух ветвей теоретической экономики, но и своей не менее мощной методологической «разрешающей силой», как ни странно, может вполне «примирить» эти две, казалось бы, «непримиримые» научные школы – школы Смита – Рикардо – Маркса как развитие «сущностных» («сильных» с позиции марксизма) и школы Смита – Сея – Мальтуса как развитие «явленческих» («слабых» с позиции марксизма) сторон одного и того же учения Смита. Вместе с тем такое утверждение нуждается в необходимом, существенном и достаточном обосновании, что и попытаюсь проделать.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – Т.26. – Ч.II. – С.177-178. (слова "внешне проявляющуюся" курсивом взяты Марксом, остальные – выделены и курсивом взяты мной. – У.А.)

Из вышеприведенного положения о методе Смита вытекает несколько выводов. **Во-первых**, ему присущ одновременно как эзотерический (внутренний, скрытый, тайный), так и экзотерический (внешний, явный, явленческий) способы понимания экономической материи, т.е. одновременно метод отражения «внутренней связи» и метод отражения «внешне проявляющейся связи», что является, как я полагаю, не недостатком, а достоинством метода Смита. «Достоинством» потому, что впоследствии **первый** из этих подходов – подход эзотерический, т.е. внутренний, сущностный, через учения Рикардо-Маркса получил дальнейшее развитие в виде **«эссенциализма»** в марксистской ветви политической экономии, одновременно, к сожалению, пренебрегая другой стороной метода Смита. Тогда как **второй** из этих подходов – подход экзотерический, т.е. внешний, явленческий, который я называю **«феноменализмом»** (гр. *phainomenon* – являющееся), через учения Сея-Мальтуса получил выражение в методологии так называемой «вульгарной политической экономии», позже – каталлактики и современного экономикса, также, к сожалению, пренебрегая другой стороной метода Смита. В этом, как ни странно, и «слабость» этих обеих отпочковавшихся впоследствии друг от друга методологий, каждая из которых не доводила как следует до логической завершенности применяемые ими методы: эссенциализм – до уровня феноменализма, а феноменализм – до глубин эссенциализма.

Во-вторых, и метод отражения «внутренней связи» – эссенциализм, и, как ни парадоксально, метод отражения «внешне проявляющейся связи» – феноменализм суть «правильный», «правомерный», как подчеркивает К.Маркс, метод. Следовательно, вопреки постмарксистской традиции, метод «вульгарной политэкономии», точно так же и «экономикса», носит научный характер. А в целом оба этих метода одинаково носят научный характер, прежде всего потому, что **каждый из этих методов изначально адекватен «своему предмету» исследования**: эссенциалистский метод научный потому, что его предметом выступают именно

«внутренние, сущностные связи» экономических систем, тогда как для феноменалистского метода предметом исследования выступают «внешне проявляющиеся функциональные связи» экономических процессов. Значит, в обоих случаях принцип взаимной адекватности предмета и метода выдерживаются, что является, как было показано ранее, главным требованием научности любого метода.

Попутно замечу, К.Маркс упрекал «вульгарных экономистов» вовсе не за то, что они якобы пользовались «ненаучным» методом, а за то, как мне представляется, что они использовали свой метод феноменализма без предварительной «эссенциалистской начинки», т.е. за умышленный и/или неумышленный их разрыв. Но, извините, такой же «грех» не в меньшей мере присущ и доблестным «эссенциалистам» почти без исключения. Лишь К.Марксу в первом приближении, и то только в виде намерения, удалось схватить эту искомую мечту в его «Плане шести книг» (1. Капитал. 2. Земельная собственность. 3. Наемный труд. 4. Государство. 5. Внешняя торговля. 6. Всемирный рынок), из которого смог только написать первую книгу – «Капитал», причем в незавершенном виде.

В-третьих, как мне представляется, линия «Смит–Рикардо–Маркс – классическая марксистская политэкономия» положила основу так называемому **методу фундаментальных исследований (МФИ)**, а линия «Смит–Сэй–Мальтус – современный экономикс» положила основу так называемому **методу прикладных исследований (МПИ)**, программы осуществления которых получили всеобщее признание во всех развитых в научном плане странах мира. Отсюда с некоторой долей условности «эссенциализм» можно отождествлять с фундаментальными исследованиями, а «феноменализм» – с прикладными исследованиями. **В итоге** как эссенциализм (метод фундаментальных исследований), так и феноменализм (метод прикладных исследований) в той мере, в какой каждый из них соответствует своему исследуемому предмету (или предметной области), носит научный характер, т.е. относится к научным методам.

Недоразумение имеет место лишь в том случае, если методы феноменализма (прикладных исследований) пытаются выдать за методы эссенциализма (фундаментальных исследований) и, наоборот, методы эссенциализма – за методы феноменализма.

Другими словами, «научность» марксова и современного теоретико-экономического метода, с одной стороны, и «научность» метода «вульгарной политэкономии» и современного экономикса – с другой, имея общую черту – **научность**, все же относятся к разному порядку и типу научности. Если при **первом** методе ставится задача свести видимые, лишь выступающие в явлении движения экономических процессов к внутреннему (невидимому) их движению, то при **втором** ставится задача разработать адекватные способы и механизмы регуляции выступающих в явлении видимых функциональных связей экономических процессов, отвечающих интересам субъектов, их разработавших. Метод фундаментальных исследований (эссенциализм) ориентирован на «**описание–раскрытие–объяснение**» предмета на уровне сущности, а метод прикладных исследований (феноменализм) ориентирован на «**описание–моделирование–функционалирование**» предмета на поверхности явлений.

При этом считаю, что ни тот, ни другой из вышеперечисленных двух методов, являющихся «научными» в принципе (в силу адекватности каждого из них своим предметам), в то же время не являются «истинными» каждый в отдельности. На ранг **истинного** метода они могут претендовать лишь в их диалектическом (полилектическом) **синтезе** путем «снятия» друг друга, т.е. став нечто «**третьим**», **иным методом**. Между тем одностороннее придание статуса «научности» каждому из этих методов их сторонниками и отказ в таком статусе другого, «не своего» метода как раз и породили ситуацию «**гносеологического кризиса**» в современной теоретической экономике в целом (в обеих ее лагерях), с чем и связан поиск искомой «новой методологической парадигмы». Но, что странно, сторонники каждого из этих подходов пытаются

разработать «новый» метод, оставаясь и не выходя за пределы своих «старых методологических вотчин», даже начисто отрицая осново-полагающий принцип научной деятельности и роста научного знания – **синтез знаний**, в том числе **синтез методов различных наук** – естественных, технических, гуманитарных, не говоря уже о методах отдельно взятой науки, в данном случае экономической науки. Только часть экономистов (в том числе и автор данной работы) допускают возможность органического синтеза (а не механического соединения) этих двух методов, реализация которой, как я полагаю, способствует выходу из создавшегося «методологического тупика».

Но возникает вопрос: как можно обеспечить синтез «эссенциализма» и «феноменализма» в нечто «третье»? В случае осуществления подобного синтеза как можно назвать этот «третий», «синтез-метод»? Очевидно, подход к решению данной архисложной проблемы все же надо искать опять-таки в диалектике предмета и метода, точнее, в принципе их взаимной адекватности. Вкратце раскрою данное утверждение.

Логика рассуждения такова. **Во-первых**, желаемый синтез невозможен, если эти методы – эссенциализм и феноменализм будут считать себя самодостаточными, а также самоограниченными лишь своими **специфическими** предметами, в одном случае экономическими отношениями, рассматриваемыми исключительно как «внутренняя структура» экономических явлений, а в другом – так называемым использованием редких, ограниченных ресурсов, т.е. «внешне функционирующей» экономической системой; отсюда, **во-вторых**, синтез возможен лишь в том случае, если эти две линии теоретической экономики найдут и зафиксируют **общий** для них обеих предмет исследования, независимо от того, о каком уровне развертывания его сущности речь идет; если так, то, **в-третьих**, что же может выступать этим единым, «общим» предметом исследования для обеих этих научных дисциплин – политэкономии и экономикса, который «возвышается» над их «специфическими» предметами? Следовательно, «синтез-метод» будет иметь место лишь в том случае, если мы будем

признавать наличие **собственного предмета** теоретической экономики безотносительно к тому, о каких составных ее частях речь идет.

Из всего предыдущего исследования, проведенного нами (глава II), было определено, что этим собственным предметом теоретической экономики является **система экономических отношений людей**, независимо от того, на каком уровне они получают свое предметное выражение – сущности, явления, действительности. Из этой триады «сущность – явление – действительность» сущностный уровень был прерогативой эссенциализма, явленческий – феноменализма и недоставало именно третьего уровня – уровня **действительности** как диалектического синтеза сущности и явления, внутреннего (эзотерического) и внешнего (экзотерического), фундаментального и прикладного. Как можно назвать, т.е. каким именем собственным можно обозначить этот **«действительностный»** метод как «снятый» эссенциализм и феноменализм и представляющийся нечто «третьим»? За неимением более подходящего наименования этот метод предлагаю называть известным ранее термином – **реализм** (от позднелат. *realis* – вещественный, действительный, *reality* – действительность, *in reality* – в действительности), который может в принципе служить **искомой «методологической парадигмой» нашего времени**, способной объединять и синтезировать предметные специфики каждой из ветвей теоретической экономики в некое целостное образование.

Здесь резонно возникает вопрос о соотношении диалектического метода и метода реализма. Не идентичны ли они друг другу? Да, они тождественны, но с признаками конкретного тождества, т.е. с наличием «внутреннего различия». Дело в том, что диалектический метод может оставаться в одном случае потенциальным, неосуществленным, т.е. в состоянии абстрактной возможности, а в другом – актуальным, осуществленным, т.е. в состоянии конкретной действительности. Отсюда реализм как метод есть тот же диалектический метод, но актуализированный, осуществленный на деле (в

действительности) диалектический метод. Следовательно, задача состоит в том, чтобы провозглашенный когда-то диалектический метод, т.е. «должное», превратить в действительный диалектический метод – метод реализма, т.е. в «сущее».

Эволюция типов методологии теоретической экономики через призму диалектики ее предмета и метода наглядно изображена на рис.11, а основная характеристика трех рассмотренных методов – эссенциализма, феноменализма, реализма дана в табл. 3.

Диалектику этих трех методов теоретико-экономического исследования, не вдаваясь в детали (так как это предмет специального исследования), я попытаюсь на свой страх и риск, продемонстрировать на примере таких классических категорий как «стоимость» и «полезность», следующим образом.

Метод **«эссенциализма»** берет за основу категорию «стоимость». Если проследить ход выведения одной категории из другой, восходя от абстрактного к конкретному, то дальнейшая конкретизация категории стоимости происходит, видимо следующим образом: труд – абстрактный труд – меновая стоимость товара – издержки (общественно-необходимые затраты труда) – объективная ценность – цена предложения.

Таблица 3

ЦОВАНИЯ

Реализм
реальность как единство сущности и
внутренние отношения как единство внутреннего и внешнего
отношение причинно-следственных и функциональных связей
непрерывные и вероятностные связи в единстве абстрактного и конкретного, теоретического и праксиологического
отношение абсолютной и относительной общности предпосылок, т.е. их необходимость существования, достаточность
отношение количественного и качественного кривизны меры
отношение эволюционного и стационарного "превращенность" и "переходность"
та
отношение саморазвития и элементов или с учетом специфики предмета
отношение экономическая эффективность
отношение реальной многомерной модели а с учетом его генетико-структурно-анализной специфики.

Рисунок 11. Эволюция типов методологии теоретической экономики («методологические парадигмы»)

Метод «**феноменализма**» же исходит из категории «полезность». Логическая цепь данной линии категории такова: труд – потребительная стоимость товара – полезность — субъективная ценность – цена спроса.

Метод «**реализма**» синтезирует оба метода – метод эссенциализма и метод феноменализма, т.е. выявляет действительную ценность товара в форме его равновесной (рыночной, при абстрагировании от других привходящих факторов) цены. Соотношение указанных методов наглядно представлено на рис.12.

Завершая рассуждения о диалектике предмета и метода теоретической экономики, вкратце коснусь и такого «вечного» вопроса, как соотношение «**метода исследования**» и «**метода изложения**». Следует выделить несколько аспектов этого вопроса.

Первый аспект – это соотношение метода фундаментального теоретико-экономического исследования и метода изложения результатов фундаментального исследования. Мне представляется, что известное положение К. Маркса о том, что «исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь» относится именно к **методу фундаментального исследования**. Этим методом выступает метод нисхождения от конкретного к абстрактному (НКА). Следующий же его тезис о том, что «лишь после того, как эта работа (фундаментальное исследование. – У.А.) закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное

движение»,¹ относится именно к **методу изложения результатов фундаментального исследования** безотносительно к тому, в каких конкретных целях будет использовано полученное теоретико-экономическое знание. А этим методом изложения выступает метод восхождения от абстрактного к конкретному (ВАК), так как «...ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу».² Метод изложения результатов фундаментального теоретико-экономического исследования осуществляется исключительно на языке теоретического воспроизведения движения «предметного бытия», т.е. предмета-оригинала в системе категорий и законов данной науки.

Второй аспект проблемы – это соотношение метода фундаментального теоретико-экономического исследования и метода изложения результатов фундаментального теоретико-экономического исследования, с одной стороны, и метода прикладного теоретико-экономического исследования и метода изложения результатов прикладного исследования – с другой.

Как было ранее выявлено, метод прикладного исследования от метода фундаментального исследования отличается в одном – он прослеживает не столько «внутренние связи», сколько «внешние связи» экономических явлений и процессов. И, соответственно, метод изложения результатов прикладного исследования от метода изложения результатов фундаментального исследования отличается тем, что он, в принципе, может быть **разнообразным** в зависимости от того, в каких именно **прикладных целях** будет использоваться первоначально полу

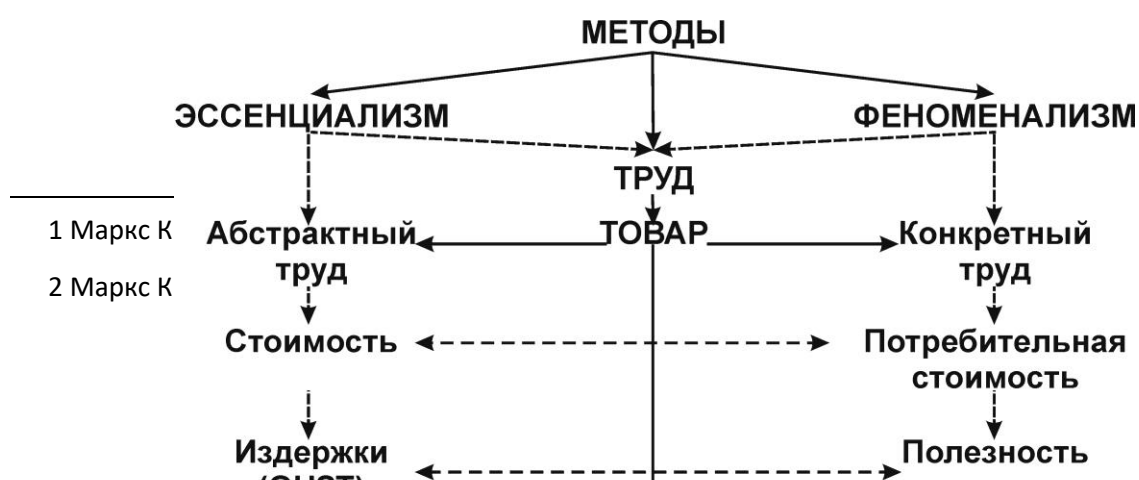

Рисунок 12. Соотношение методов эссенциализма,
феноменализма, реализма.

ченное в ходе фундаментального исследования теоретико-экономическое знание.

Одно дело, если оно будет использовано в хозяйственной практике, другое – в политико-идеологической работе, и третье – в процессе обучения и т.д. Исходя из этого, метод изложения прикладного теоретико-экономического знания будет принимать конкретную определенность, специфическую логику и языковую (понятийно-категориальную) форму, адекватно выражающие характер, функции, цель и задачи конкретного, прикладного

применения теоретико-экономического знания. Так, например, «язык» идеологическо-прикладного применения теоретико-экономического знания в условиях осуществления экономических реформ – это язык доктрин, концепций, программ, моделей; «язык» хозяйственно-прикладного применения – язык методик, проектов, технологий, инструкций, нормативов и т.д.; язык учебно-прикладного его применения – учебной модели предмета, созданной с учетом принципов психолого-педагогической науки: учебные планы, учебные программы, учебники и учебная литература, методика и технология обучения и т.д.

Третий аспект проблемы – это соотношение собственно метода прикладного теоретико-экономического исследования и метода изложения результатов прикладного исследования. В силу неразработанности этого вопроса ограничусь лишь одним «срезом» этой проблематики. Это **полная** зависимость метода изложения результатов прикладного исследования от цели самого прикладного исследования и от **конкретных форм**, в которых получают выражение сами результаты различных прикладных теоретико-экономических исследований. Чем многообразнее эти цели и формы, тем и разнообразнее способы их описания и изложения, отвечающие требованиям прежде всего их практической применимости, исходя из целевой функции каждого конкретного теоретико-экономического исследования.

Сформулирую общий вывод: из принципа взаимной адекватности предмета и метода вытекает насущная необходимость в освоении метода реализма (или то же самое, что реалистического метода) как научного метода, способствующего наиболее объективно и достоверно отображать действительность, в данном случае экономическую действительность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, каковы результаты проведенного исследования общей теории и методологии предмета теоретической экономики как научной и учебной дисциплины? Их можно свести к следующим основным выводам. Главный вывод: **разработана общая теория предмета научной дисциплины или основ предметоведения**. Производные выводы:

1. Разработан новый **нестандартный методологический подход** к исследованию «научной дисциплины» как структурной и таксономической единицы науки вообще, теоретической экономики в частности путем создания **общей дисциплинарной модели науки** (общей теории предмета науки), которая включает в себя такие инвариантно-атрибутивные элементы науки, как субъект, объект, предмет, метод, структура предмета, проблема, функция и результат функционирования науки.

2. Проведен наиболее полный историко-содержательно-типологический анализ **«предметной определенности»** теоретической экономики, в различных дисциплинарных ее формах.

3. Выявлены гносеологические и методологические корни (причины) «расширительной» и «ограничительной» версий предмета теоретической экономики, предложен методологически корректный способ снятия их дилеммы путем введения в научный оборот двух новых понятий – **«предмет-оригинал»**, **«предмет-дефиниция»**, посредством которых обоснована правомерность и «ограничительной концепции предмета-дефиниции», и «расширительной концепции предмета-оригинала» теоретической экономики.

4. Выдвинута и обоснована новая **«сужающаяся концепция»** предмета-дефиниции теоретической экономики, что позволяет четко сформулировать предметную определенность каждой ее составляющей – общей экономики, социальной экономики, каталлактики (экономикс).

5. По новому переосмыслена диалектика предмета и метода теоретической экономики путем введения в научный оборот таких понятий, как **«метод теоретизации»** и **«метод**

праксоло-гизации» теоретико-экономического знания, что позволяет глубже и адекватнее проанализировать происходящие трансформационные процессы в странах СНГ, в том числе и Казахстане, а также методов «эссенциализма», «феноменализма», «реализма», живая диалектика которых способствует решению проблемы искомого **синтеза** различных направлений самой теоретической составляющей современной экономической науки, по меньшей мере, их сближению по некоторым критериальным основаниям.

Таким образом, в данном учебном пособии предложена методологически и концептуально выверенная **научная модель** теоретической экономики с точки зрения ее дисциплинарной специфики – **предметной определенности**, позволяющая становлению и дальнейшему развитию такой относительно новой области теоретико-методологических исследований как **ПРЕДМЕТОВЕДЕНИЕ**, разработке которого вносит свою посильную лепту автор данного издания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиев У.Ж. Общая дисциплинарная теория науки. Научная монография. Алматы: Ғылым, 1996, 135 с.
2. Методология построения дисциплинарной модели науки. Сб. Философия и методология науки. Под ред. К.Х. Рахматуллина. –Алматы, 1999.
3. Алиев У.Ж. Теоретическая экономика: общедисциплинарная модель. Научная монография. – Алматы, НИЦ «Ғылым», 2001 (2004 – переиздание), 348 с.
4. Алиев У.Ж. Предмет и структура теоретической экономики// Дисс. на соискание ученой степени доктора экономических наук. Алматы-Санкт-Петербург. 2004, 396 с.
5. Алиев У Ж. Предмет и метод теоретической экономики (основы предметоведения). Монография. Астана: университет «Туран-Астана», 2012, 142 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВНИМАНИЮ МАГИСТРАНТОВ И ДОКТОРАНТОВ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТРОЕНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕДМЕТА НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	8
1.1 Дисциплина как структурно-таксономическая единица науки	8
1.2. Методология построения интегральной предметной модели научной дисциплины	21
Глава II. ПРЕДМЕТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	53
2.1. Содержательно-типологический анализ предмета теоретической экономики	53
2.2. Теоретико-методологическое обоснование «ограничительной концепции» предмета-дефиниции теоретической экономики	82
2.3. Теоретико-методологическое обоснование «расширительной концепции» предмета-оригинала теоретической экономики	109

2.4. Теоретико-методологическое обоснование «сужающейся концепции» предмета-дефиниции теоретической экономики	118
Глава III. ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ЕДИНСТВО ПРЕДМЕТА И МЕТОДА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
ЛИТЕРАТУРА	161

Алиев Урак Жолмурзаевич

ПРЕДМЕТ И МЕТОД ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Учебное пособие для магистрантов и докторантов

Редактор Н.В. Курбатова

Технический редактор К.Ж. Мансуров

Компьютерный набор О.А. Баймагамбет

Подписано в печать с готового оригинал-макета 28.10. 2019г.

Печать офсетная. Формат бумаги 60x84/16.

Объем 10,2 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 109

Отпечатано в типографии «Университет «Туран-Астана»»

с готового набора:

Адрес: 010000, г. Нур-Султан, ул. Дукенулы, 29